

Николай Старостин

ЗВЕЗДЫ БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

*3-е издание, исправленное и дополненное. М.
«Физкультура и спорт». 1969г. 336 стр.*

СОДЕРЖАНИЕ:

От автора	3
1 ВОСЬМОЙ ЧЕМПИОНАТ МИРА	4
2 ВРАТАРИ	20
3 ЗАЩИТНИКИ	44
4 ПОЛУЗАЩИТНИКИ	56
5 НАПАДАЮЩИЕ	68

От автора

В разгар матча он протягивает мне ученическую тетрадь и просит автограф.

- Тридцать лет, дружище, не играю, - отвечаю я, не отрывая глаз от поля.

- Подпишите, пожалуйста!

Поворачиваюсь. Рядом милое мальчишеское лицо. Такому знатоку не откажешь. Тетрадь вся испещрена автографами. Некоторые подчеркнуты красным карандашом.

- Это звезды, - поясняет юный коллекционер.

Звезды футбола! Да ведь и я пятьдесят лет назад трепетал от волнения при встречах с теми, кого в те времена молва возносила так высоко.

А затем во многом из-за них - действительных звезд и ложных светил - тысячи раз бывал я на стадионах и не перестану бывать.

Конечно, футбол, как зрелище, могуч при любых исполнителях. Уже то, что в нем все неповторимо и до конца неизвестно, манит миллионы зрителей на трибуны в каждом туре первенства страны. Обилие острых ситуаций, азарт, схватки за мяч и, наконец, самый исход борьбы - вот магниты, притягивающие сердца.

И все-таки больше всего восторгов у ценителей футбола вызывают сами спортсмены, те игроки, которые блещут индивидуальным талантом. Пусть один восхищает резвостью бега, но грешит техникой. Другой - виртуозный дриблер, но плохой тактик. Третий - отличный организатор комбинаций, но, к несчастью, не ставит точки над i.

Каждый из них в чем-то искусен и оставляет надолго память о себе. Но это еще не звезда, ибо он не создал новой системы игры, не совершил футбольных подвигов, не обеспечил своему клубу многолетних побед в чемпионатах. На такое способны только подлинные таланты, имена которых в большом футболе незабываемы. Это они, звезды, они внесли новое в футбол, что-то предвосхитили в нем, сделали шаг вперед в его технике и тактике.

Это о них я поведу речь, хотя знаю, что между звездами и выдающимися солистами ясную грань определить нелегко. В футболе у самого объективного специалиста свой вкус и собственный взгляд на достоинства игроков, поэтому так мало имен, признаваемых всеми. К тому же и судьбы игроков различны. Одни из них светили ярко, но недолго, другие ровно горели полтора десятка лет, а третьи лишь озаряли футбольный небосклон вспышками, подобно северному сиянию, а затем внезапно исчезали с горизонта.

Разные узы дружбы и товарищества связывали меня с этими спортсменами, но каждый из них мне дорог как однополчанин по футбольному фронту.

Я старался быть объективным, но, естественно, мог иногда не справиться с чувствами, а порой позабыть подробности случившегося много лет назад.

Поскольку пишу я о людях замечательных, не удивляйтесь, превосходным степеням в моих оценках и помните о праве любого автора на собственную точку зрения в футболе.

1. ВОСЬМОЙ ЧЕМПИОНАТ МИРА

Английский триумф. Футбольный ренессанс. Броня и снаряд. Новые звезды. Бизнес. Допинг. Четвертый компонент. Советская сборная. Катаклизмы.

В июле 1966 года, когда разыгрывалось очередное первенство мира по футболу, я в числе советских тренеров и журналистов был непосредственным свидетелем тех сражений, которые развернулись на зеленых полях старой Англии. Все мы до самого последнего дня не были уверены, достанутся ли нам билеты на финал, затем беспокоились, какими эти билеты окажутся. Мы знали, что в распоряжении пресс-центра тысяча мест, а журналистов съехалось на шестьсот человек больше. Потом проблема перенаселения исчезла - итальянская команда не попала даже в четвертьфинал, и в Лондоне остались только тридцать три из четырехсот обозревателей с Апеннинского полуострова. Уехали домой и несколько сотен кипучих и громкоголосых представителей Южной Америки, команды которой потерпели фиаско на подступах к полуфиналам. Итальянцы уезжали тихо, не находя оснований для обид на чужих дядей. Но журналисты Бразилии и особенно Уругвая досрочно прощались с Британией, потрясая кулаками, призывая справедливость и угрожая возмездием. Им все казалось, что только сговор и интриги помешали южноамериканским командам добраться до победных высот.

Я думаю, что это не совсем так. Но сомнения в объективности некоторых судей были и у меня.

Вот почему, шагая в день финала на Уэмбли с заветным билетом в кармане, я прикидывал в уме, сумеет ли 47-летний швейцарец Тотфрид Динст справиться с высокими обязанностями арбитра в игре, решающей судьбу золотой богини Ники. Помимо объективности, от него требовалась еще выносливость и недюжинное мастерство. Помогать ему в ответственной игре должны были чех Карел Гальба и азербайджанец Тофик Бахрамов.

Стадион Уэмбли в Лондоне построен в двадцатых годах, в 1966 году ему исполнилось сорок лет. Как и все здания в Англии, это массивное и величественное сооружение, но с удобствами далеко не современными. Журналистам очень мешали колонны, которые поддерживают крышу над застекленной ложей прессы - громадной, во всю длину футбольного поля. Застекленной для того, чтобы крики зрителей не мешали работать комментаторам.

Мне казалось, что, наоборот, эти стекла спасали зрителей от того гвалта, который стоял в нашей ложе. На всех языках земли журналисты вопили в аппараты, стоящие на их столах, о том, что происходило на поле. Хорошо еще, что сигарный и папиросный дым быстро улетучивался через полуоткрытый стеклянный потолок, а то пришлось бы смотреть матчи даже и в ясную погоду сквозь нелондонский туман.

В дни финала нам повезло: погода установилась превосходная, а билеты выпали на редкость удачные - в самом центре ложи, нависшей почти над кромкой поля.

Традиционный военный оркестр, музыканты которого одеты в пышные средневековые костюмы, а барабанщики с леопардовыми шкурами на спине, закончил свои фигурные маршировки и под овации покинул поле. Из-под трибун показались противники. Нервный холодок пробежал у меня по спине и не покидал все два часа игры. Не сомневаюсь, что нечто подобное испытали и зрители на трибунах, а может быть и миллионы болельщиков, прильнувших к телевизорам и радио.

Игроки шли заметно побледневшие, но я по опыту знал, что они успокоятся, как только мяч побывает в их ногах.

Английская сборная в красном, немцы во всем белом. Напомню составы этого исторического матча.

АНГЛИЯ. Гордон Бенкс, Джордж Коэн, Джон Чарльтон, Роберт Мур, Рамон Уилсон, Норберт Стайлз, Роберт Чарльтон, Алан Болл, Джеффри Херст, Роджер Хант и Мартин Питерс.

ФРГ. Ганс Тилковски, Хорст Хеттгес, Вилли Шульц, Вольфганг Вебер, Карл Шнеллингер, Франц Беккенбауэр, Гельмут Халлер, Уве Зеелер, Зигфрид Хельд, Вольфганг Оверат и Лотар Эммерих.

Сражение началось ураганно. Немцы, верные своей тактике блицкрига, ринулись вперед, словно сзади сожжены все корабли. Англичане не остались в долгу и на атаки ответили яростными контратаками. Мне как-то сразу бросилось в глаза, что завершающие усилия у англичан выглядят острее. До вратаря британцев пытался добраться только один ветеран - Зеелер, а бедного Тилковски неумолимо и непрерывно штурмовали оба центральных нападающих англичан - Хант и Херст, куда более рослые и молодые.

В душе я болел за англичан, но свойственные британцам беспардонные сшибания с ног чужого вратаря невольно вызвали возмущение у меня и у моих соседей. Правда, каждый раз судья Динст давал

свисток, но это только позволяло прийти в себя мужественному немцу и не действовало на чрезмерно агрессивный английский тандем. Так же молодежато вели себя и их партнеры. И вдруг на восьмой минуте Халлер неожиданно сильно бьет с правого фланга в ворота, и вратарь Бенкс, еще до финала признанный лучшим в мире, пропускает мяч, где-то мимо него юркнувший по земле в сетку.

Аплодисменты и крики, но не всеобщие, так как шестьдесят тысяч англичан на трибунах, естественно, молчат. Тихо и в королевской ложе, где лишь герцог Эдинбургский из вежливости аплодирует успеху немцев.

Теперь главное, как ответит на полученный удар английская сборная. Подождет хвост или нет? Не менее важно и поведение немецкой команды. Уйдет в оборону, попытается сохранить первый перевес, или будет стремиться наращивать успех? К счастью для футбола, оба противника остались принципиальны.

Англичане двинулись на штурм, а немцы в свою очередь не захотели уступить инициативу. Второй порядковый гол обычно многое решает. Забей его немцы - тогда исход матча мог оказаться необратимым.

Но неожиданная передача Мура - и герой встречи Херст, проскочивший за спины немецких защитников, эффектным ударом головы сравнивает счет. Немцы лидировали всего десять минут. Это не значит, что они сдались. Их привлекательное по рисунку игры преимущество на центре поля по-прежнему оставалось заметным. И по-прежнему в обеих штрафных площадках англичане действовали напористой. К перерыву - 1:1, и полная убежденность, что захватывающая по накалу борьба еще не достигла апогея.

Второй тайм пролетел в нагромождении событий и страстей. Англичане наращивают темп и становятся агрессивнее. Их противники меняют все время тактику, выводят на завершающие удары вместо Зеелера молодых и более свежих Хельда и Оверата. Чаши весов колеблются, но мяч больше гостит на половине немцев. Его доставляют туда даже крайние защитники англичан, усердно помогающие пятерке своих игроков, которая осаждают чужие ворота. Трибуны беспрерывно гудят, голевые ситуации создаются одна за другой.

И вот наконец на 77-й минуте после удара Питерса второй мяч влетает в ворота немцев. Темп опять увеличивается, хотя многие уже устали. Заметно на исходе силы 30-летнего Уве Зеелера, никак не найдет себе применения левый край германцев Эммерих.

Время летит. Британцы по-прежнему нацелены на атаки и меньше всего дрожат за свои ворота.

Азарт игры воспламеняет и немцев. Всей командой устремляются они вперед, отбрасывая всякую заботу о своих тылах. За минуту до финального свистка старший Чарльтон сзади атаковал Оверата. Британец отбил мяч головой, но судьбе показалось, что Джон оперся руками о плечи Вольфганга. Последовал штрафной. Мяч после сокрушительного удара Эммериха судорожно заплясал по ногам и телам пятнадцати игроков обеих команд, собравшихся у английских ворот. На мгновение показалось, что Шнеллингер, увлекший свою команду вперед, задел мяч локтем прежде, чем тот попал под удар Веберу. Судья Динст, бывший рядом, промолчал, и центральный защитник немцев уверенно пробил в угол. Стадион ахнул.

Забыв о своих симпатиях к англичанам, пришел в восторг и я. Игра была настолько хороша, что страстно хотелось смотреть, не отрываясь, еще и еще.

Команды остались для отдыха прямо на поле. Я пытался уловить на лицах англичан растерянность или досаду. Ведь это не шутка - получить нокдаун за 30 секунд до победы в первенстве мира. Но британские парни не обнаружили малодушия и, главное, не искали виноватых. Чувствовалась их уверенность в своих силах. А ликовавшие немцы - мне так показалось - нервничали.

Рассказывали, что Альф Рамсей в эти минуты убежденно сказал журналистам:

- Победить могут только англичане.

А тренер немцев Гельмут Шён ограничился утверждением, что немцы окажут достойное сопротивление.

Редко так бывает, но на этот раз оба наставника угадали, хотя драматические коллизии превзошли прогнозы. Передохнув, команды бросились в атаку с такой страстью, будто бы игра только началась. Десять минут мяч метался с одной половины поля на другую, словно выбирая, кому из противников принести в дар славу и Нику. Мастерство было примерно равное, у кого окажется больший запас сил, тот и победит.

Чудеса выносливости показывали Болл у англичан и Хельд у немцев. Команда ФРГ по-прежнему выглядела слаженней, сказывалась немецкая дисциплинированность; зато британцы подкупали неистовостью и стихийным порывом к победе.

И вот наступила развязка. В скоропалительной схватке у ворот Херст нанес сокрушающий удар с прямого подъема. Мяч со свистом ударил под верхнюю штангу, от нее рикошетом в землю и выскочил вверх в поле, где его мгновенно головой через перекладину переотправил Шульц.

Точно, видимо, не разобрав, Динст указал рукой: угловой удар. Английские игроки запротестовали и бросились к помощнику арбитра Тофику Бахрамову. При полном молчании стадиона пошел туда и сам Динст.

В ложе прессы вспыхнул спор. Я считал, что гола нет. Ведь круглая штанга специально была введена для того, чтобы ликвидировать подобные сомнения: угол падения равен углу отражения. Мой брат Андрей допускал исключения в тех случаях, когда мяч пробит резаным ударом.

Швейцарец Динст молча ждал решения своего помощника, перекладывая тем самым ответственность на плечи советского арбитра. А ведь от того, что скажет Бахрамов, зависел ни много, ни мало, титул чемпиона мира.

Все это понимал наш судья из Баку, знал, что сейчас за ним внимательно наблюдают сто тысяч здесь, на Уэмбли, и четыреста миллионов у телевизоров, знал - и показал на центр поля.

Победа англичан снова стала реальной, но под тяжестью огромной ответственности ссутулился высокий и статный бакинец. Его решение как-то придавило и нас, советских спортивных корреспондентов. Бесконечно хотелось, чтобы Бахрамов не ошибся, тем более что на поле продолжалась бескомпромиссная и неостывающая борьба. Пусть не у всех сохранились прежние силы, но у всех было прежнее желание победить.

Время теперь работало на тех, кто выигрывал в счете, на англичан. Но они - то ли под влиянием не до конца убедительного третьего гола, то ли благодаря спортивным традициям своей страны - продолжали наступать, как только срывали атаки желавших отыграться немцев.

Вся ложа прессы лихорадочно передавала каждое мгновение игры в эфир. Пронемецкие представители указывали на ошибку советского судьи, преувеличивали возможности немцев. И лишь английские журналисты невозмутимо и уверенно диктовали утверждения о близкой победе своей сборной в те газеты, которые мы должны были покупать при выходе со стадиона.

Я же все время думал: неужели решение Бахрамова не подтвердится?

Титаническая борьба на поле подходила к концу, два часа пролетели незаметно. Немецкая команда двинулась на последний приступ. Мне хотелось крикнуть Рамсею: «Упрямец, стяни назад десять человек. Отступи на три минуты от принципа и будь четыре года гордым чемпионом мира».

Не знаю, мог ли в этой горячей атмосфере радикально влиять на тактику Альф Рамсей или его команда, воспитанная в наступательном духе, не сумела перестроиться, но так или иначе, к великому торжеству справедливости, английские футболисты продолжали атаковать.

Вот почему совершить второе чудо в один день: отыграться, немцам не удалось. Хотя последняя минута и принесла новый гол, но влетел он в ворота немцев. Это сделал Джеффри Херст, который уже забил до этого два гола. Тот самый Херст, которого Рамсей поставил вместо всеобщего любимца англичан Гривса.

Четвертый мяч снял тяжесть с наших душ и позволил расправить плечи Тофику Бахрамову. Теперь его приговор потерял генеральное значение: при всех толкованиях англичане оказывались законными победителями.

На стадионе начался апофеоз. Зрители пели национальные песни. Королева Елизавета в своей ложе готовилась вручать медали. Герои сражения строем направлялись туда. Победители шагали бодрее - за золотом, побежденные - за серебром - еле передвигали ноги. Нервная разрядка давала себя знать. Один из немцев дважды падал на лестнице от усталости и смог покинуть ложу только после того, как товарищи взяли его под руки.

Журналисты, спускаясь по замысловатым лестницам из своей ложи, говорили о третьем голе. На следующий день, десятки раз просмотрев видеопленку со всеми замедлениями и стопкадрами, я окончательно убедился, что гол был. Но немецкая пресса долго еще продолжала утверждать, что англичане фальсифицировали пленку с помощью технических манипуляций.

Толпы зрителей не спеша растекались со стадиона. Мы тоже не торопились. Нашему автобусу все равно предстояло долго дожидаться, когда можно будет двинуться в путь с автостоянки. К нашей группе подошел пожилой продавец, предложил сувениры и только что выпущенное сообщение о победе. Он не скрывал своей радости и на наши поздравления ответил энергичным пожатием руки.

- А ведь поначалу было тяжело, - сочувственно сказал по-английски мой сосед.

- О да, сэр! Немцы - великие мастера нападать первыми и добиваться начальных успехов. Но они всегда в конце концов оказывались битыми. Так случилось и сегодня, - хитро улыбаясь, ответил англичанин.

Я посмотрел на его хроющую ногу, стараясь догадаться, где она была повреждена - на полях футбола или войны.

Мне понравился английский футбол, его рациональная, близкая мне по духу тактика. Пришелся затем по душе и тот здравый смысл, с которым относятся к игре жители туманного Альбиона. О футболе здесь не кричат на перекрестках, не спорят дома, не бушуют в служебных кабинетах. Все эмоции прорываются только на стадионах, даже на подступах к ним все еще сравнительно чинно и благородно. Один только раз за весь чемпионат мира я видел ликующую толпу. Это было шествие молодежи по улицам Лондона после победы англичан в финале. Они шли с национальными флагами и изображениями Ники и львенка Вилли.

Молодые люди направлялись к зданию, где премьер-министр Гарольд Вильсон давал прием в честь нового чемпиона мира. Всем хотелось поздравить свою команду, а попутно вызвать на балконы тех иностранных игроков, которые завоевали симпатии в Англии. Этот взрыв энтузиазма и патриотизма мне был понятен, а вначале, не скрою, меня очень удивило отношение англичан к футболу.

Когда мы улетали из Москвы, наша столица с утра жила предстоящей вечером первой игрой Англия - Уругвай. Нам завидовали все - от родных до служащих аэропорта - и все что-то советовали, просили обратить внимание, поддержать, подбодрить своих...

В приподнятом настроении прибыли мы в Лондон и вдруг попали в зону спокойствия и житейского благоразумия. В аэропорту туристы разных стран еще вносили оживление. Жались по углам большими группами приехавшие на чемпионат посланцы Южной Америки, в одних рубашках и летних платьях цвета национальных флагов, когда надо было по погоде надеть костюмы и пальто. В самом городе, куда мы приехали через час, все выглядело по-будничному деловито. Та же атмосфера в пресс-центре чемпионата, в залах, холлах и вестибюлях фешенебельной гостиницы «Роял». Ни ажиотажа, ни споров, ни суеты - тишина и рассудительность. Хозяева задавали тон, да так убедительно, что даже корреспонденты южных стран сдерживали свой темперамент.

Быстро убедившись в бесплодности наших попыток попасть на открытие чемпионата в Уэмбли, мы поехали назад в аэропорт. Окончательно аккредитовать нас должны были в Сандерленде, куда самолет уходил в часы матча Англия - Уругвай.

- Ничего, посмотрим все по телевизору, - надеялись оптимисты.

- А если нет экрана в самолете, послушаем по радио, - подправляли скептики.

Разочарованы оказались те и другие. В машине не было ни громкоговорителя, ни экрана. Оставалась надежда на информацию от летчиков.

- Просите стюардесс регулярно справляться о ходе игры, - приставали мы к тем, кто владел английским.

Но день, так счастливо начавшийся, заканчивался одной неудачей за другой. Элегантная стюардесса отправилась выполнить нашу просьбу, но быстро вернулась. Она с привычной улыбкой разъяснила, что летчики не могут слушать репортаж о футболе, так как заняты своими прямыми обязанностями. Мы открыли от удивления рты: вот так родина футбола!

Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Пришлось смириться и предаться размышлениям. Подумал я, подумал и пришел к выводу, что и вправду незачем пускать так широко футбол в жизненный уклад и на работу. Вспомнил, что всю жизнь творится у меня дома, когда «Спартак» проигрывает. Возвращаюсь я в этих случаях со стадиона мрачным. Жена, дочери, все домочадцы знают, что я вне себя, и потому говорят тихо, смотрят озабоченно. Так длится день, а то и два, если проигрыш особенно огорчителен. Тут еще супруга моя в последнее время после участвовавших проигрышей «Спартака» взяла в привычку, отворяя дверь, сразу переходить в наступление:

- Когда же вы научитесь играть наконец?!

Получается, что футбол, призванный дарить радости, оборачивается полной противоположностью. Даже после победы нервы настолько издегаются во время матча, что домой опять попадаешь усталым и разбитым. А вот в Англии все вроде по-другому. Футбол здесь любят, как театр, кино, концерты. Конечно, и здесь есть болельщики с повышенной чувствительностью, но общее отношение к спорту

благожелательно-спокойное. Англичане верно понимают его принципы, за победы бьются изо всех сил, но из поражений не делают трагедии.

«Что ж, - подумал я, - пожалуй, зерно истины в более хладнокровном отношении англичан к его величеству футболу есть».

Самолет пошел на посадку в Ньюкасле, конечной цели нашего полета. Любопытство мучило нас, и мы, сбегав по трапу, окружили работников, снимавших багаж. Один из них на вопрос: «Какой результат?» - опустил большой палец вниз.

- Англия проиграла? - ахнули мы. Рабочий, угадав возглас, покачал головой и соорудил из пальцев два нуля.

- Зеро-зеро? - воскликнул кто-то.

- Йес, - кивнул англичанин и сделал недовольную мину.

Обсуждая на разные лады неожиданную ничью, мы уселись в автобусы и поехали в Сандерленд. Здесь в четвертой группе играли команды КНДР, Италии, Чили и ССР. Там меня и моего брата Андрея разыскали представители крупнейших радио- и телевизионных компаний. Видимо, им были известны наши статьи о футболе, систематически появлявшиеся в газете «Совет Уикли», издающейся в Лондоне.

Футбольный обозреватель радио ФРГ г-н Миттенцвейн спросил меня:

- Считаете ли вы, что единодушная похвала английских газет своей команде искренна? Или они называют ее лучшей в мире необоснованно, стараясь запугать противников?

- Суп, сваренный моей женой, - ответил я, - тоже кажется мне воистину лучшим в мире, потому что я к нему привык. Не этим ли объясняется и безапелляционная позиция английской прессы?

События показали, что немецкий корреспондент тревожился не зря.

Редактор журнала «Футбол» Мартын Мержанов утверждал, что прогнозы в футболе запрещены, как и подножки. А ведь в Англии от нас просили именно предсказаний, и мы, не желая прослыть людьми нелюбезными, вынуждены были такие прогнозы давать. Не скрою, угадали мы не до конца. Но ведь на то и было восьмое первенство сенсационным.

В футболе спорят все и обо всем. Одни и те же факты приводят в доказательство разных истин. Перед решающими схватками и в нашей компании все спорили до хрипоты, называя по меньшей мере полдюжины безусловных победителей.

И так везде.

В Европе на помощь была призвана даже электронно-счетная машина. В нее заложили подробнейшую программу. Сотни специалистов были заняты тем, что переводили на язык цифр сведения о весе, возрасте, росте, владении мячом, быстроте, ударе, прыжке, силе, ловкости и всех других качествах каждого игрока каждой сборной. Затем электронный мозг во многотысячных сопоставлениях переварил все эти сведения и выдал на-гора результат: новым чемпионом мира по футболу окажется сборная команда Италии.

Большинство газет всего мира восприняли это как должное. Итальянский футбол в зените, итальянцы техничны, как никто, они могут повторить подвиги дедов - вот какие мотивы слышались в той футбольной увертюре, которая предшествовала восьмому чемпионату.

Правда, большая часть английской прессы упорно повторяла заявление главного тренера своей сборной Альфа Рамсея: «Англия победит».

На открытии чемпионата, после того как команды Англии и Уругвая сыграли вничью с традиционным в те времена результатом 0:0, канадский журналист в ложе прессы на Уэмбли, воскликнул:

- Футбол родился в Англии и умрет здесь на чемпионате от ничейной смерти.

Эту фразу через час знал весь мир, и у всех почитателей футбола холодок пробежал по спине. Но на этот раз правым оказался английский репортер, не пожелавший уступить последнее слово канадцу:

- Наши футболисты все умеют. Рамсею остается только сунуть им отмычку к чужим воротам.

Кто-то остроумно заметил, что вряд ли поможет даже наилучшая отмычка против тех, кто взамен ворот избрал заслон из одиннадцати крепких мускулистых тел.

Сейчас всем ясно, что в 1966 году в Англии футбол нужно было спасти от скуки и безрезультативности, вернуть ему задор, азарт, радость - все то, что составляет его главную притягательную силу. Это, к счастью, свершилось.

В течение тридцати с лишним лет, что разыгрываются мировые чемпионаты, золотой статуэткой богини Ники владели по два раза Уругвай, Италия, Бразилия и один раз ФРГ. Страны, создавшие латиноамериканскую школу игры, никак не желали расставаться со столь привлекательной и выгодной гостьей. Ведь футбол приносил не только славу. Вокруг него неудержимо лилось и звенело золото.

На этот раз на футбольные поля Англии вышли биться за победу противники, отстаивающие свою тактику борьбы: броня и снаряд. Блистательными звездами в нападении и уплотненной защитой намерены были бороться южноамериканские команды и их последователи в Европе: Италия, Испания, Франция и Португалия.

Против них встали бойцы, заново вооруженные. Желание сбросить бразильское иго, обиды за многолетние поражения делали их рыцарями без страха (жаль, что кое-какие упреки они потом заслужили). Европейский лагерь возлагал надежды на Англию, Венгрию, СССР и ФРГ. Африка и Австралия не были представлены. От Азии, впервые за всю историю, выступила команда Корейской Народной Демократической Республики. И дебютант, мало кем принимавшийся в расчет, внес свой вклад в разгром оборонческих тенденций.

Итак, броня или снаряд? Как всегда, техника - союзница брони, а для снаряда нужен порох.

Незадолго до чемпионата Андрей обронил как-то фразу:

- Порох футбола - темперамент.

- Как можно отказать в темпераменте южанам? - возразили ему.

- И бразильцы и итальянцы горячи, - ответил брат, - но весь жар души они расходуют у своих ворот. От этого чужие штанги не зауглятся...

Ставка на оборону заведомо снижает шансы на выигрыш. Не зря говорят: «Победа зарыта в чужих воротах». Именно поэтому корейцы выбили из седла итальянцев, которых электронная машина возвела в чемпионы. Ошиблась машина - ей пока что не дано предугадывать степень людских эмоций, определять, как сильно заряжен человек энтузиазмом. Корейцы безусловно меньше умели, но они сильнее хотели, и воля к победе, то, что в футболе называют четвертым компонентом, решила все.

Четвертый компонент повлиял на многие игры. Опасность разгрома нависла над южноамериканскими командами с первых туров чемпионата.

Латиноамериканцы привыкли играть с передышками во время матча, а им их не давали. Они пробовали снижать темп за счет держания мяча и поперечных передач и получали в ответ непрерывные скоростные атаки. Они хотели заставить двигаться только мяч, сберегая силы игроков. Их противники соединили усилия игроков и мяча, воспользовались суммой скоростей и оказались быстрее на всех участках поля.

Бразильцы достаточно долго были властителями дум в футболе. Уверовав во всемогущество техники, они не оценили новых европейских тенденций.

Одна за другой терпели крушение команды Испании, Бразилии, Чили, Аргентины. Оставалась Португалия, без поражений добравшаяся до полуфинальной встречи с Англией. Но в этом матче наступательная тактика британцев все же раздавила защитные линии, возведенные за Пиренеями.

Нельзя сказать, что любители футбола без сожаления расстались со своими старыми кумирами. Итальянские «тиффози» сразу после поражения от КНДР разорвали в клочья портреты милостивых итальянцев Факетти, Маццолы, Риверы, Булгарелли. Этой участи избежали Суарес, Хенто, Гарринча, Пеле, Джимми Гривс, старые заслуги которых были еще так живы в памяти.

Пеле и сейчас в зените, а Гарринча уже в Лондоне сиял не столь ослепительно, как раньше, растратив запасы энергии, быстроты и выносливости. Несколько потемнел нимб вокруг головы любимого из любимых в Англии центрфорварда Джимми Гривса. Рамсей не включил британского идола в состав команды на решающие битвы чемпионата, хотя Джимми к этому времени был совершенно здоров. Тренер предпочел малоизвестного, но куда более работоспособного Херста и оказался великим провидцем: центральный нападающий Херст забил три гола в заключительном матче с немцами. Этим подвигом Херст поставил себя рядом с Бобби Чарльтоном, которого англичане искренне считали равным самому Пеле.

Надо отметить, что Херст не попал в символическую сборную команду мира, составленную перед финальной игрой.

Кто же они, эти футбольные академики? Вратарь Гордон Бэнкс (Англия), правый защитник Мануэль Санчис (Испания), два центральных защитника - Вилли Шульц (ФРГ) и Роберт Мур (Англия), левый защитник Сильвио Марзолини (Аргентина); три полузащитника - Валерий Воронин (СССР), Роберт Чарльтон (Англия) и Франц Беккенбауер (ФРГ); три нападающих - Ференц Бене (Венгрия), Пеле (Бразилия) и Эйсебио (Португалия).

Состав символической сборной вызвал горячие дискуссии, хотя все перечисленные игроки действительно принадлежат к элите мирового футбола. У меня сложилось впечатление, что люди, составлявшие сборную, руководствовались не только спортивными, но и политическими соображениями. Они старались раздать места в соответствии с окончательной таблицей первенства. Победителю (Англии) отвели три места, серебряному призеру (ФРГ) - два, а остальным - по одному.

Футбольный бизнес не скупится на румяна для тех, кто как магнитом притягивает зрителей на стадионы. Не случайно бразильский клуб «Сантос» из города Сан-Пауло за выступление своей команды с участием Пеле берет вдвое дороже, чем без него. Сборы делают и другие знаменитые футбольные имена.

Поэтому когда из-за возраста или по другим причинам уходят с подмостков такие светила, как Ди Стефано, Диди, Копа, Пушкаш, Суарес, Гарринча, им на смену подбирают новых любимцев, которым стараются создать громкие имена. Часто это незаурядные футболисты, но лучше не принимать на веру все, что о них пишут.

Посмотрим беспристрастным взглядом на состав символической сборной мира 1966 года.

Гордон Бэнкс. Из команды «Лейсестер». 29 лет. Опытный и надежный вратарь, но печатью выдающегося таланта не отмечен. Он прост в приемах и поэтому нравится. Однако его игра в воротах очень прямолинейна, тогда как Лев Яшин - импровизатор и творец. Бэнкс действительно пропустил на чемпионате всего три гола, но его воротам мало угрожали, и настоящему испытанию он так и не подвергся. Лев Яшин пропустил пять мячей, но зато вдвое больше отразил в самых безнадежных положениях. То, что он лучший вратарь мира, видели все, и не случайно составители сборной, отвечая на недоуменные вопросы, ссылались только на неудачную фразу старшего тренера советской команды Николая Морозова: после игры СССР - ФРГ он в сердцах сказал, что Яшин обязан был взять второй мяч, решивший судьбу полуфинала в пользу немцев.

В игре Мануэля Санчиса, небольшого испанца из клуба «Реал-Мадрид», я не разобрался до конца. Ведь если команда упорно придерживается массивной обороны, то блеснуть индивидуальным мастерством негде. Поэтому трудно понять, кто играет с блеском, а кто так себе. К тому же появление в сборной мира Санчиса было для меня неожиданным. Команда Испании закончила свои игры, и специально посмотреть его было уже негде.

Мне очень пришелся по душе рослый и сильный правый защитник венгерской команды 24-летний Бене Капоста из клуба «Уйпешт». Во всех встречах он спокойно справлялся с чужим форвардом и превосходно участвовал в атаках. Много нервов испортили нам его рейды к нашим воротам в четвертьфинале, когда венгры, проигрывая 1:2, предприняли героические усилия, чтобы отыграться. Хотя мы горячо болели за своих, нельзя было не восхищаться стараниями Капосты. Все подкупало в его игре - смелость, быстрота, техника, удар. В моих глазах он так и остался лучшим правым защитником чемпионата.

Оба центральных защитника символической сборной возражений не вызывали. Это образцовые стоперы новой формации. И немец Вилли Шульц и британец Роберт Мур высоки, быстры, агрессивны. Они хладнокровно и умело отбирали мяч и, овладев им, безбоязненно устремлялись вперед, не уступая своим форвардам в умении атаковать. Шульц притом же расчетлив, уверен в себе и техничен.

Игра Роберта Мура не блещет показной техникой. В ней нет трюков или попыток сыграть на эффект, а много смелости и риска. Допускаю, что сотни эстетов не были в восторге от простоты его действий на поле, но убежден, что у десятков тысяч зрителей Мур вызывал симпатии и уважение. Он настоящий сын спорта - немного озорной, веселый, с румянцем во всю щеку, уверенный в своих силах. Ни разу Роберт Мур не хромал, не жаловался, не унывал.

Может быть, Роберт Мур производил хорошее впечатление потому еще, что не все его товарищи были ему под стать. Так, над его партнером Норбертом Стайлзом (№4) нависла угроза дисквалификации. Он получил два предупреждения за грубость, и тогда газета «Дейли Экспресс» поместила на первой странице фото жены Стайлза с сыном. Миловидная молодая женщина держит на руках годовалого Питера. Рядом жирным шрифтом напечатано: «Мой муж Нобби нежный и застенчивый человек. Он так любит меня

и сына, что не может быть грубияном». Любящей супруге вторила заботливая мама: «Мой сын не ангел, но он получил отличное воспитание и знает, где и как себя держать».

Вот тут и решай, кто прав. Судья, который знает Стайлза всего два часа, или родные, прожившие с ним долгие годы?

Решил я понаблюдать за Стайлзом в матче с португальцами, тем более что Эйсебио опубликовал в газетах просьбу к судьям следить за этим англичанином. И представьте, грозный Стайлз оказался вовсе не верзилкой, а середнячком, весом не более 70 килограммов. Играл он на этот раз корректно, но Эйсебио держал себя явно настороженно. Вот уж подлинно у страха глаза велики.

«Жена и мать правы», - решил я. Но в финальном матче Нобби распоясался в полном и переносном смысле слова. В игре он несколько раз опасно атаковал немцев, а после матча выпустил рубашку из трусов и в таком виде отплясывал твист на глазах у ста тысяч зрителей и королевы. Вот тебе и застенчивость, и хорошее воспитание!

Некоторые скажут - победителей не судят, а когда выиграно первенство мира, на радостях и сплясать не грех. Я другого мнения. Спортсмены обязаны владеть собой и подавать примеры выдержки. Мне претят после забитого гола объятия и поцелуи. Я не прощаю показных «страданий» при ушибах или подчеркнутой хромоты, о которой забывают через пять минут. На поле, как и в жизни, должно быть больше места благородным поступкам, подобным тому, который совершил португальский нападающий Аугусто в полуфинальном матче с Англией. Он торжественно пожал руку англичанину Бобби Чарльтону за тот прекрасный удар, которым был забит второй, решающий гол в ворота Португалии. Этот воистину спортивный жест, вероятно, обрадовал Бобби больше горячих восторгов друзей. У зрителей поступок Аугусто вызвал бурное одобрение.

Тренер Альф Рамсей сказал, что тактика английской сборной разрабатывалась в расчете на Чарльтона. Верно. Создавал рисунок игры, выискивал пути и тропы к успеху действительно Бобби, виртуозный мастер футбольных баталий. Но для осуществления победы необходимы Роберты Муры. Вот почему этот 25-летний защитник лондонской команды «Вестхем Юнайтед» был избран капитаном сборной, хотя семь игроков в ней были старше, а значит - опытнее его. И не зря именно Роберт Мур был признан лучшим игроком чемпионата.

Истосковавшись по наступательному футболу, ФИФА пожаловала этот высокий титул впервые в истории мировых чемпионатов центральному защитнику. Вожак английской сборной удостоился такого почета за свои труды не только в обороне, но и в атаках чужих ворот. Он оказался на гребне волны, которая поднялась, чтобы обрушиться и сокрушить все бетонные нагромождения латинской школы.

Признание лучшим защитником аргентинца Сильвио Марзолини - это реверанс перед обиженной Аргентиной. По-моему, больше основания было оставить в сборной мира прошлого избранника немца Карла Шнеллингера. В 1966 году он выступал по контракту в итальянском клубе «ФК Милан», но на время чемпионата был отпущен в свою национальную сборную. В Англии двадцатисемилетний футболист (рост - 182 см, вес - 79 кг) был в самом расцвете дарования. На любом участке поля Шнеллингер чувствовал себя как дома. Этот пронизательный игрок влиял на все тактические ходы серебряного призера.

Конечно, Марзолини быстр и горяч, но он ровно на десять сантиметров ниже Шнеллингера и, естественно, не так надежен в игре головой, да и куда меньше искушен в наступательных операциях: ведь для аргентинской тактики характерны сугубо защитные варианты.

Роберт Чарльтон, или Бобби, как его зовут любители футбола, фигура очень колоритная. Небольшой, стройный (рост - 174 см, вес - 72 кг), скорее хрупкий, чем крепкий на вид, он обладает рядом совершенных качеств. Прежде всего у него редкая по красоте техника, великолепный удар с обеих ног, тонкое чувство тактики и умение появиться в критический момент там, где нужно и где его менее всего ждут. Он не играет на зрителя, но вместе с тем каждое его движение с мячом эффектно. Ему уже 29 лет, у него большие залысины, но каждому англичанину голова этого блондина казалась олицетворением британской красоты и мужества.

Главная заслуга Бобби - умение подстроиться к любому партнеру. Все его передачи приобретали высшую отделку и получали толкование, неожиданное для противника.

Бобби Чарльтон был одинаково велик и как дирижер и как солист. Это самый крупный бриллиант в футбольной короне Англии. В Лондоне для победы своей команды он сделал больше, чем Эйсебио для португальской и Пеле для бразильской.

В сборной Англии играл его старший брат Джон Чарльтон в амплуа стопера, напарника Мура. Разные по мастерству, но близкие по характеру, братья крепко цементировали дружный коллектив английской сборной.

Второй полузащитник сборной мира Франц Беккенбауер внешностью напоминает нашего знаменитого прыгуна Валерия Брумеля. У себя на родине он играет в клубе «Бавария» (Мюнхен). Франц техничен, точен и работоспособен, как машина. Не грубый, но малоуступчивый в борьбе за мяч, он может, по молодости (ему 21 год), ответить на удар ударом, а затем по стойке «смирно» извиниться перед судьей. Он обслуживает обширный участок поля, тяготея к нападению, и потому не случайно забил на чемпионате четыре гола из тех пятнадцати, что провела в чужие ворота сборная ФРГ.

Именно Беккенбауер коварным резаным ударом направил в ворота советской сборной второй мяч, показавшийся Яшину летящим мимо цели и принесший команде ФРГ победу.

Франц - самый молодой из всех игроков, попавших в символическую команду мира. Перед ним открылась блестящая карьера, так как он успел к совершеннолетию получить крещение в таких важнейших сражениях, как полуфинал и финал кубка Ники.

Не успели стихнуть литавры, как Беккенбауеру предложили подписать выгоднейший контракт с итальянским клубом «ФК Милан». Правда, на пути этой сделки стоит запрещение Итальянской федерации футбола приглашать в страну зарубежных футболистов, но бизнесмены прилагают все усилия, чтобы его обойти.

Ференц Бене поставлен на правый край сборной мира, мне кажется, тоже чтобы отдать дань футбольному могуществу Венгрии. Алан Болл из английской команды «Блекпул» в этой роли был на голову выше венгра. Правда, Ференц забил четыре гола, Алан - ни одного. Но зато британец показал чудеса выносливости и старания, тогда как венгр практически держался только в передней линии нападения. Бене - правый крайний прежней формации, умеющий отлично завершить комбинацию или убежать с мячом и оказаться один на один с вратарем. Болл - игрок новой тактики, который способен набегать на поле за полтора часа не восемь - десять, а пятнадцать километров, если это потребуется для победы.

Центральный нападающий Пеле (Эдсон Арантес до Насименте) в рекомендациях не нуждается. Этот выдающийся футболист соединил в себе все футбольные доблести. Но прежде всего Пеле достоин уважения, как человек и спортсмен. Он ехал на первенство мира обреченным на тотальную опеку. Противники знали, что Пеле - главная ударная сила бразильской команды, и потому в открытую заявляли, что не пожалеют сил для нейтрализации черного чудесника.

И сделали это очень грубо. Пеле был травмирован в первой же игре. Повторилась грустная история прошлого, чилийского чемпионата. Пеле пытался с больной ногой удержать для Бразилии титул чемпиона, но португалец Мораис, забыв о джентльменстве, доконал черную жемчужину.

- Я никогда больше не покажусь на первенстве мира, - сказал, уезжая из Англии, чудесный бразилец, - но буду играть за свой «Сантос». Ведь мне еще только 26 лет...

И он потом действительно играл, удивляя своим искусством мир. Пеле обладает достоинством, которое не часто встретишь у талантливых спортсменов, - умением стойко переносить редкие и потому особо чувствительные поражения.

И наконец, последний в списке «великих» - Эйсебио (Эйсебио да Силва Феррейра), которого вначале прочили на трон вместо Пеле, а затем возвели в сан наследника престола. Он тоже негр, из африканского Мозамбика, ростом выше Пеле на два сантиметра (176 см) и, возможно, чуть-чуть быстрее. Если верить газетам, он бежит 100 метров за 10,6 секунды.

Эйсебио отлично и охотно бьет по воротам и заслуженно завоевал звание лучшего бомбардира чемпионата: девять забитых мячей в шести играх. Немец Халлер, занявший второе место, отстал на целых четыре мяча.

Эйсебио - виртуозный дриблер и усердный работник на поле. В игре против сборной КНДР он сотворил чудо, забив противнику почти в одиночку четыре гола подряд, после того как Португалия проигрывала 0:3. Но, видимо, в этой игре молодой негр истощил свои силы. В решающем поединке с Англией его энергии не хватило. То же повторилось в матче за третье место против сборной СССР. Эйсебио забил и нам и англичанам по голу, но только с 11 метров. Он расплакался тут же на поле после игры с Англией. Но, мне кажется, плакал он не потому, что Португалия проиграла, а что сам он сделал меньше для победы, чем ждал.

Пеле не плакал после поражения, хотя поводов к этому у него было больше. Правда, у Пеле уже были две золотые медали чемпиона мира, а у Эйсебио рухнули надежды получить первую. И все-таки слезы

португальца значили, что у него нет поддержки Пеле. Эйсебио чувствует это. Он заявлял о превосходстве Пеле даже тогда, когда его репутация на чемпионате мира казалась выше. Пеле так и остался бесспорным лидером нынешнего футбола. У Эйсебио есть шансы в будущем настичь Пеле и, если не перегнуть его, то хотя бы встать с ним рядом.

Разбор символической сборной мира был бы неполным, если не сказать еще об одном рыцаре футбола. Правда, его имя не названо в составе сборной.

Никого так остро не критиковали до чемпионата мира, никого так дружно не хвалили после финала, как старшего тренера английской сборной Альфа Рамсея.

Этот упрямец выиграл золотую богиню, не гоняясь за игроками-звездами. Сам в прошлом правый защитник сборной Англии и ее капитан, Рамсей принял команду от Уолтера Уинтерботтома - человека эрудированного и скорее ученого, чем тренера, ныне директора спортивно-консультативного департамента воспитания и науки. Уинтерботтом на вопрос, как он расценивает триумф англичан, без тени иронии ответил ошалевшим от радости британским журналистам:

- Удивляться, собственно, нечему. Английская сборная в Лондоне на Уэмбли за всю историю проиграла только однажды - венграм в 1955 году.

Альф Рамсей начал с того, что расстался с большинством знаменитостей, рассчитывая на тружеников футбольных полей. Все внимание он обращал на повышение выносливости, темпа, быстроты и, наконец, воли к победе. Пример успешности такой подготовки был налицо. Альф Рамсей четыре года подряд тренировал клуб «Ипсвич», перевел его из четвертой профессиональной лиги в первую и больше - довел до звания чемпиона Англии в 1964 году.

- Мы должны выиграть первенство мира 1966 года, - твердил Рамсей своей сборной. - И мы его выиграем, вне зависимости от того, сколько звезд окажется в нашей команде.

А тем, кто скорбел об отсутствии громких имен, он отвечал:

- Когда золотые медали засверкают на груди моих игроков, каждый из них делается звездой.

И Рамсей до конца выдержал свою линию. Даже на финал чемпионата он не поставил выздоровевшего Джимми Гривса, футбольного аса, любимца англичан, а предпочел ему Джефффри Херста из «Вэстхем Юнайтед».

После первой ничьей Англии с Уругваем в день открытия чемпионата самые острые стрелы критики полетели в строптивного Альфа.

«Мне было жалко наших ребят, которые обильно потели на поле, и нашего тренера, который страдал, сидя на скамейке сзади ворот. Но на принципе «бей и беги» в современном футболе далеко не уедешь», - писал один английский футбольный комментатор.

Другой лондонский обозреватель выразился еще язвительнее: «Английские игроки старались изо всех сил и бегали до упаду, но я думаю, главная беда в том, что они яростно стремятся не в ту сторону, где находится финал первенства мира».

Рамсей все это читал и оставался серьезен, спокоен.

- Напрасно улыбаетесь, джентльмены, - говорил он. - Первенство все-таки никто, кроме Англии, не выиграет.

И этот провидец, крепко сколоченный, среднего роста, с лицом невозмутимого британского шкипера, оказался прав. Он привел команду к победе, вернул футболу наступательный стиль. И заслужил всеобщее уважение, сохранив спокойствие и выдержку при всеобщем ликовании. Он категорически отказался совершить вместе с командой круг почета и энергично прервал попытку игроков на руках вынести его со стадиона.

На вопрос журналиста, что он думает делать после такого триумфа, Рамсей ответил, что еще раз попробует своим методом вывести какой-нибудь клуб низшей лиги в класс «А».

- Английскую сборную выше вести некуда, а я люблю шагать в гору, - такой шуткой рассчитался Рамсей с теми, кто так часто испытывал на этом железном спортсмене и руководителе свое остроумие. Но два месяца спустя Рамсей все-таки подписал контракт на работу со сборной Англии еще на четыре года.

Совсем по-иному вели себя неудачники. Я присутствовал на закрытой пресс-конференции, которую Итальянская федерация футбола вынуждена была устроить для представителей крупнейших итальянских газет, слышал объяснения тренера сборной Эдмондо Фабри наседавшим на него корреспондентам.

- Считаете ли вы себя способным руководить сборной?

- Пусть это решит федерация, проверив мою работу.

- Вы знаете, что вы и ваши игроки заставили вчера пережить шесть тысяч итальянцев на трибунах и миллионы у телевизоров, проиграв КНДР?

- Знаю, всем было тяжело, но поверьте, что и я совершенно убит.

- Почему же вы проиграли?

- Дам точный ответ, переговорив с игроками.

- Почему вы этого не сделали перед конференцией?

- После проигрыша вчера они ночь не спали. Я не хотел сегодня утром берeditь их раны.

Были и еще вопросы, но я вышел из зала. Эта Голгофа, где казнили маленького человека в сером строгом костюме, ярком голубом свитере и темных очках, вызывала тяжелое чувство. Фабри стоял, как бы выслушивая смертный приговор. В мире, где господствует капитал, нет пощады тем, кто снижает прибыль. А ведь футбол в Италии - отрасль большого бизнеса. Проигрыш на первенстве мира привел к резкому падению посещаемости матчей, заметно уменьшил ставки в футбольном тотализаторе, понизил цены на игроков, особенно тех, которые входили в состав сборной.

Последние годы Италия привлекала футболистов всего мира. Там дороже всех платили, там предлагали самые крупные выкупы за игроков, там на футболе наживались и без того богатые дельцы.

1957 году во время гастролей в Италии футбольной команды московского «Спартака» я в числе руководителей команды был приглашен к председателю Итальянской футбольной федерации синьору Барасси. Встреча состоялась в шестиэтажном доме федерации, расположенном на одной из центральных улиц Рима. Пять этажей этого дома отведены под коммерческие операции федерации. Многочисленный аппарат занят провертыванием еженедельного, узаконенного правительством тотализатора, в который играют миллионы итальянцев. В этом здании устанавливаются цены на игроков, выдаются ссуды клубам на покупки их, здесь подписывают контракты и придумывают способы, при помощи которых околфутбольное золото течет в карман крупных коммерсантов и частных акционерных обществ.

Вполне естественно, что успехи итальянского футбола увеличивают приток зрителей на стадионы и число играющих в тотализатор, и, наоборот, неудачи снижают денежные поступления. Нужно много ума и труда, чтобы поддерживать интерес у зрителей. Куда больше изворотливости и находчивости вкладывается в эту деятельность, чем в развитие техники и тактики футбола.

Футбольный бизнес широко развит и в других странах, претендующих на роль футбольных гегемонов в мире. На первенстве мира в Англии я много слышал о старшем тренере профессиональной команды второй лиги города Ковентри.

Этот тренер, в недавнем прошлом известный всей Англии игрок команды «Уолтхэм» Джим Хилл, в погоне за зрителем вводит всякие новшества. На трибунах нового стадиона он устроил обогрев с помощью сильных ультрафиолетовых ламп. Под трибунами открыты восемь баров. На стадионе непрерывно играет оркестр. Так называемый «офицер связи», подручный Хилла, все время занимает зрителей. Примерно за час до начала матча публику приглашают послушать сведения о противнике, с которым сегодня встречается команда Ковентри. Офицер подробно рассказывает о сопернике и в общих чертах сообщает тот план, который команда намерена осуществить в игре. Информация эта передается по радио.

Когда футболисты Ковентри уезжают играть в другие города, то для болельщиков подают поезда, в которых они могут ехать на матч, уплатив за билет 50 процентов его стоимости. Для тех, кто остается в городе, на стадионе устанавливают десять больших телевизионных экранов (10 на 11 м): по три экрана против длинных трибун и по два - сзади ворот. На стадионе собирается в телевизионные дни до 12 тысяч человек. Билет стоит десять шиллингов, а на матчи - 15 шиллингов.

Хилл заявил в 1966 году, что его команда выступает хорошо и он намерен перевести ее в первую группу. Во всяком случае владелец его клуба пока доволен: 25 тысяч зрителей - это стабильная цифра на выступлениях команды Ковентри.

Но его тренер Джим Шанклин, у которого он играл в «Уолтхэме», услышав о нововведениях ученика, сказал:

- Как бы Хилл ни усердствовал, пусть даже повесит для зрителей люстру посредине поля, прикрепив ее к луне, но, если его команда три раза подряд проиграет, все равно трибуны будут пусты. Поэтому я не рекомендую ему тратить время и энергию на эти затеи, а советую весь пыл отдать работе с командой.

В мире футбольного бизнеса идет беспощадная борьба. Английская федерация футбола свято стоит на страже финансовых интересов своих клубов, и потому футбольные игры на первенство Англии не транслируются по радио и передаются по телевидению только на следующий день, с пленок. Телевизионные компании в традиционные дни футбольных матчей - по средам и субботам - показывают игру в регби. Видимо, с одной стороны, эта игра нуждается в рекламе, а с другой - надо же передавать по телевидению что-то спортивное в эти дни и часы.

Существует в футбольном бизнесе и своя биржа, которая остро реагирует на подъемы и спады в этой отрасли коммерции. И если в Италии после крушения «Скуадры Адзурры» на первенстве мира цены на игроков сборной пали в два-три раза, то в Англии, наоборот, резко поднялись.

Характерна в этом отношении история двадцатилетнего Алана Болла. До того как Альф Рамсей включил его в сборную, маленького (168 см), худенького (64 кг) лондонского парнишку мало кто знал. Но вот прошло первенство, и этот футболист стал знаменит. Зрители по достоинству оценили его неимоверное трудолюбие и неиссякаемый темперамент. Тут же после финала клуб «Эвертон» из Ливерпуля заплатил за него клубу «Блекпул» 80 тысяч фунтов стерлингов - вторую по величине сумму за всю историю английского футбола: 100 тысяч фунтов были уплачены в свое время клубом «Манчестер Юнайтед» за шотландца Девиса Лоу, признанного лучшим игроком Европы в 1965 году.

Вскоре после первенства английские газеты подняли кампанию за привлечение к суду группы профессиональных игроков. Эти футболисты, для того чтобы получить выигрыши по тотализатору, якобы заведомо договорились между собой об умышленном проигрыше некоторых встреч.

Не раз получали огласку и случаи подкупа судей в профессиональном футболе. Однако необъективный судья не гарантирует успеха. Судья может содействовать победе, но обеспечить ее ему не под силу. Не сможет же он, например, засчитать гол, если мяч ни разу не пересек линии ворот. Поэтому дельцы от футбола стали подкупать игроков, чаще всего тех, кто составляет основную силу противоборствующей команды. Таких процессов немало прошумело по Европе, особенно в странах, где существует футбольный тотализатор.

Но есть соревнования, где пустить в ход взятки - дело почти не осуществимое. На первенстве мира, скажем, вряд ли сыщешь игрока, способного поставить деньги выше интересов родины. Но изворотливый ум бизнесменов, карьеристов и фанатиков находит и тут лазейки для нечестной борьбы. Они прибегают к недопустимым и вредным методам воздействия на игроков.

Именно в погоне за прибылью тренеры и врачи идут на такую крайность, как допинг. Они снабжают игроков стимулирующими и возбуждающими средствами, которые вызывают на короткий срок прилив энергии, а затем пагубно влияют на здоровье.

Даже на Олимпийских играх в последние годы проступают черные пятна допинга. Это запрещено, но «цель оправдывает средства», и спортивные иезуиты идут на все для завоевания победы.

Поэтому на первенстве мира 1986 года в Англии был введен официальный запрет на допинг, решили принять действенные меры против этого недостойного явления, калечащего игроков физически и психически. Перед игрой судья по жребию определял двух игроков от каждой команды, и при выходе на поле у них брали кровь для анализа. Пробирки опечатывались сургучной печатью и отправлялись в Лондон, где кровь проверяли в специальной лаборатории методами, безошибочно определявшими любой допинг, если он был принят хотя бы в малой дозе. В статусе было указано, что в случае положительного анализа команде засчитывают поражение и ее игроков дисквалифицируют на все время первенства.

Арбитр имел также право потребовать от любого игрока, вызвавшего у него подозрение во время матча, сдать кровь на анализ. Такой процедуре был подвергнут, например, первый удаленный на чемпионате игрок - уругваец Альбрехт, ударом ногой в живот сбивший с ног немца Халлера.

В тридцати двух матчах восьмого чемпионата кровь у игроков была взята сто двадцать восемь раз. Ни в одной из пробирок стимуляторы не были обнаружены.

Казалось, что с допингом покончено раз и навсегда. И вдруг большинство футболистов сборной Италии заявили по приезде домой: «Мы проиграли в Англии потому, что врач делал нам уколы, которые вместо того, чтобы взбодрить, расслабляли во время матча». Восемь игроков, заявивших о допинге, поддержал Эдмондо Фабри. Он утверждал, что доктор, делавший игрокам уколы, действовал по наущению его врагов, заинтересованных в провале тренера.

Но почему же анализы крови в Лондоне не подтвердили допинга?

- Потому, - объясняли сторонники Фабри, - что эти анализы могли обнаружить только вещества, подстегивающие нервную систему, а не угнетающие ее.

- Клевета! - энергично протестует врач. - Клевета, выдуманная для того, чтобы не дать право Итальянской федерации футбола разорвать с тренером Фабри контракт, срок которого истекает только в 1970 году.

И объяснял далее, что контракт, выгодный для Фабри, может быть аннулирован без крупной неустойки только в случае провала сборной по вине тренера, поэтому-де ответственность за невиданное поражение перекладывают на врача.

Разобраться, где тут истина, трудно. Но суть дела не в этом, а в том, почему вообще возникла нужда в допингах? Потому, что погоня за деньгами в капиталистическом мире растлевает сознание игроков.

Сборной команде Корейской Народной Демократической Республики безусловно не требовался допинг. С великим энтузиазмом ее игроки победили сначала сборную Италии, оснащенную отличной техникой, а затем сумели вести 3:0 во встрече с призером чемпионата - командой Португалии.

Из всех стимуляторов мне по душе один: хорошее душевное слово перед игрой и сознание патриотического долга. Без него футболист - лишь наемный солдат, способный бросить оружие на поле боя в самую критическую минуту.

Свела меня судьба и с другим неудачником - Винсенте Феолой, тренером бразильской сборной.

Наша группа сидела в лондонском аэропорту, ожидая в течение нескольких часов своевременно заказанный самолет. Вдруг в толпе пассажиров мелькнула знакомая фигура. Тучный, невысокий человек с большим одутловатым лицом пробирался к столику. Это был Феола, с которым я беседовал в Лужниках после блестящей игры бразильцев в Москве два года назад.

Я давно знал, что Феола шахматист и в футбол никогда не играл. Но мне захотелось послушать, что он скажет в свое оправдание. Привыкший к окружению из репортеров, Феола, покинутый всеми, с заметной радостью начал отвечать на вопросы советских журналистов. Видимо, ему хотелось излить душу, а возможно, и спасти хотя бы крупницы прежней популярности. К сожалению, и вопросы и ответы были стандартными.

- Думаете ли вы менять систему 1+4 + 2 + 4 после неудач?

- Не вижу к этому оснований, - ответил толстяк, сделав вид, будто смена тактики зависит от него. Затем последовали сетования на травмы у ведущих игроков и жалобы на болгар, которые первыми повредили Пеле. - Мы потеряли перед турниром Жаира, Амарильдо, а затем Герсона и Жильмара.

Он начал загибать пальцы, считая пострадавших, но, по-моему, главное было не в этих громких именах. Бразильцы выиграли всего одну встречу и не попали в четвертьфинал потому, что прибыли на чемпионат со старым вооружением.

Винсенте Феола вернулся домой только через месяц после первенства мира и под чужим именем. Дом его в Бразилии после проигрыша пришлось на долгое время взять под охрану полиции.

Феола сразу дал объяснения поражению в прессе. Он считал, что допустил несколько ошибок, но главные причины - это травмы игроков и нечестность судей.

- Из девяти арбитров, которые судили наши матчи на чемпионате, семь были англичане.

Кое-кого такие ссылки могут успокоить, особенно тех, кто ищет утешения. Но я вспоминаю свои первые игры. Уже тогда, на заре советского футбола, мы знали всю механику оправданий и полусерьезно сговаривались, которой по счету заповедью будем объяснять свой проигрыш дома. Первая - случайность; вторая - плохое поле; третья - погода; четвертая - невезение; пятая - судья и т. д.

Когда мы играли на чужих полях и свидетелей из родного города не было, легче всего было свалить на судью.

«Давайте объяснять все заповедью пятой», - решали мы и так горячо возмущались арбитром, что под конец сами начинали верить в свою правоту. Слушатели знали, что судейство решает многое, и не сомневались в наших словах. Нас любили и хотели верить, что мы непобедимы. К тому же в каждой игре всегда найдется несколько сомнительных ситуаций, когда свистки судьи могут повернуть исход игры в ту и в другую сторону. Наша горячность убеждала даже тех, кто знал по опыту; чего стоят эти сказки.

Нынче, когда все сами видят игру, так наивно оправдываться уже нельзя. Но по телевидению нельзя хорошо рассмотреть все частности, охватить целое на маленьком голубом экране невозможно. Да и кулуары чемпионата не просматриваются, так что возможности для оправданий еще велики.

Феола отлично это понимал и, зная, что его песенка спета, оправдывался, не очень заботясь о доказательствах.

Однако болельщиков не проведешь. Они не зря просиживают часами перед телевизором и достаточно хорошо разбираются во всех обстоятельствах. Не убедил никого и опальный Феола. Конечно, бразильские звезды восхищали всех нас, но мы с малых лет были воспитаны на английском футболе.

- Молодцы англичане! - заключил я после финала, перед тем как писать отчет в Москву. - Они победили оружием, сделанным в Британии. Они никому не подражали и вернули футболу благородные традиции риска и наступления.

Все это было нужно как воздух и футболу советскому. Правда, наш футбол не выглядел на первенстве мира таким изнеженным, как итальянский, и не был лишен здравого смысла, которого не хватало в играх уругвайской и аргентинской команд. У нас в тайниках еще сохранялся добрый старый азарт. Когда советская команда переходила в решительные атаки, то давала трещину оборона таких грозных противников, как Венгрия, ФРГ, Португалия. Жаль, что привычка наступать, думая о собственных тылах, снижала остроту атак наших игроков. В первую очередь это относится, конечно, к защитникам и полузащитникам, которые были способны поработать в духе английских игроков обороны и даже знаменитого Болла. Обидными поэтому показались мне проигрыши сборным ФРГ и Португалии.

Немцы в матче с нами действовали уверенно и сильно, но мы ведь уступили им всего один гол, играя к тому же весь второй тайм вдесятером, - на сорок третьей минуте был удален наш лучший нападающий Игорь Численко. И травмированный полузащитник Иосиф Сабо, хоть и оставался на поле, но только в роли «пешехода», как метко определил его возможности английский комментатор.

Не менее драматически сложились обстоятельства в нашей последней встрече с командой Португалии. Вот что я передал в газету «Ленинское знамя» после этого матча, определявшего третьего призера.

«ЛОНДОН, 29 (по телефону). Наша сборная заняла четвертое место. Это, безусловно, шаг вперед, но все-таки шаг робкий для такого гиганта, каким является советский футбол. Создается впечатление, что играй мы с Португалией основным составом, и бронзовые медали чемпионата мира приехали бы в Москву. Португальцы выступали против нас именно в таком качестве, а у нас не хватило по разным причинам пяти основных игроков.

Нашу сборную вывел на поле Яшин, принявший на себя роль капитана. Вместе с ним выступали: Пономарев, Корнеев, Хурцилава, Данилов, Воронин, Сичинава, Метревели, Малофеев, Банишевский, Серебряников.

Особенно сказалось отсутствие Шестернева, отлично играющего головой. Фактически оба гола в наши ворота были следствием плохой игры Хурцилавы в воздухе. Не выдержав дуэли с Торресом за верхние мячи, Муртаз совершенно недопустимо в начале матча отыграл мяч рукой на штрафной площадке, посчитав, что центральный форвард противника находится в голевой позиции. Хурцилава забыл, что в решающих играх первенства мира всякое трюкачество недопустимо. Я убежден, что, окажись на поле Шестернев, не было бы и второго гола в наши ворота. А сквитать мы сумели лишь один после удара Метревели, когда вместе с мячом в воротах оказались португальский голкипер, защитник и кто-то из наших нападающих.

Явно, между прочим, не хватало команде во всех играх и левого крайнего нападающего. Не хочется верить, что в советском футболе невозможно найти пару центральных нападающих лучше Банишевского и Малофеева. И все же наша сборная даже в этом составе играла со всеми противниками на равных. Достаточно было немного усилить нападение, и чаша весов могла перетянуть в нашу сторону не только в матче с Португалией, но даже и в игре с ФРГ.

Свою силу мифический герой Антей черпал, соприкасаясь с родной землей. И мощь нашей сборной зависит от неразрывной связи с клубными командами и внутренним календарем. Этот принцип был нарушен при подготовке наших футболистов, и потому состав команды оказался не сильнейшим и не так сыгранным, как это требуется для решающей победы в первенстве мира.

Отец сына наказывает не за ошибки, а за их повторение. У нас повелось - после неудачи говорить о недостатках, а они через четыре года снова повторяются.

Четвертое место, подчеркиваю, шаг вперед, но ведь три первых призера шагнули явно шире нас. Последние поражения обидны. Их можно было избежать, лучше изучив европейский футбол. Наша же сборная больше перенимала опыт южноамериканцев, потерпевших фиаско на чемпионате».

Итак, мы остались на четвертом месте. Остались неоправданно, потому что даже в ослабленном составе наша сборная могла успешно побороться с очень уставшей к этому времени командой Португалии. Наша линия обороны была одной из самых прочных на чемпионате, а вратари бесспорно лучшими в мире. Это избавило советскую сборную от катастроф, которые сокрушили не одну команду.

Я давно считал, что вратарь - главный игрок на поле. Пожалуй, нигде так не была подтверждена эта истина, как на первенстве мира в Англии.

Возьмем, к примеру, узловую встречу чемпионата - Бразилия - Португалия в третьей подгруппе. К этому времени прошлый чемпион мира - бразильская команда была на краю пропасти, но все еще достаточно сильна, чтобы добиться победы, необходимой ей позарез. На поле выходит Пеле с больной ногой. Отступать бразильцам некуда, и они делают ставку на грозное имя лучшего форварда мира. Пеле должен вдохнуть в них уверенность, покачнувшуюся после поражения от венгров без его участия. Феола выпускает на поле еще восемь свежих игроков и в их числе вратаря Мангу.

Португальцы тоже рвутся к победе, потому что проигрыш может уравнивать их очки не только с бразильской, но и с венгерской командой. У венгров же есть все шансы на другой день выиграть у болгар.

Бразильцы начинают матч вдохновенно, их почитатели на трибунах оживляются. Португальцев поддерживают большинство зрителей-англичан: если Бразилия проиграет - у Англии исчезнет главный конкурент.

В самый разгар игры, когда бразильцы держат инициативу, португальские защитники открывают беззащитную охоту на Пеле при полном равнодушии к этому английского судьи Мак-Кейта. Как только мяч попадает к Пеле, его сокрушительно атакуют в надежде, что больная коленка снова сдаст. Но лучший форвард мира каждый раз мужественно встает, и надежды на успех пока не оставляют ни его, ни партнеров.

Беда приходит совсем с другой стороны. Эйсебио проскакивает по левому краю и навешивает мяч на бразильские ворота. Вратарь Манга, словно новичок, отбивает его всего на пять шагов и прямо на голову левому крайнему португальцев Симозсу. Удар лбом - и Бразилия начинает с центра поля.

Радостно забить первый гол, и ох как тяжело его пропустить. Вдвойне тяжело действует на игроков мяч, полученный из-за грубой ошибки вратаря. Бразильцы же не зря были дважды чемпионами мира. Они, правда, отвыкли проигрывать, но, попав в такую беду, сохранили спокойствие и выдержку. Ни одного упрека Манге, и все вперед!

Через пять минут штрафной удар справа. Верхний мяч летит почти в руки бразильскому вратарю. Манга, вместо того чтобы сделать шаг навстречу, растерянно ждет, и расторопный Эйсебио перед его носом перебрасывает мяч головой в ворота.

Игра сделана. И тут при попытке отыграться опять сбивают Пеле. На этот раз он вынужден покинуть поле, чтобы затем вернуться хромым. Коленку сокрушил чужой - Мораис, а веру в победу свой - Манга.

И вдруг исчезла грубость. Игра стала красивой, и бразильцам во второй половине удалось даже забить один гол. Чтобы выйти в четвертьфинал, нужны были еще целых два, и потому, оголив тылы, они всей командой бросаются вперед. Как птица, машущая одним крылом, не может взлететь, так и Пеле на одной ноге тщетно старался внести свою лепту в этот порыв отчаяния.

Затем разыгравшийся Эйсебио окончательно погасил всякие надежды у бразильцев, забив третий гол.

Манга тут не был виноват. Свою трагическую роль в поражении он уже сыграл в первом тайме.

А разве прекрасная команда венгров не ушла с поля боя побежденной только из-за своих вратарей? Это голкипер Сантмихай «организовал» в свои ворота третий, решающий гол, подбросив мяч прямо под лоб португальца Аугусто.

В следующем матче венгры в блестящем стиле нанесли первое поражение самим бразильцам, но в четвертьфинале в игре с советской сборной их судьбу решил опять-таки незадачливый вратарь, теперь Гелеи.

В нашей схватке с венграми драма произошла уже на третьей минуте. Защитник Данилов захотел на всякий случай прощупать чужого вратаря и средним по силе ударом послал мяч по земле с 25 метров в венгерские ворота. Гелеи спокойно, встав на одно колено, поймал этот мяч и неожиданно выпустил из рук. Все дальнейшее произошло как во сне. Быстрее всех ситуацию оценил Численко. Он успел к мячу ранее ошеломленных чужих защитников и ползущего по земле с вытянутыми руками злополучного Гелеи. Пусть менее очевидно, но и второй гол в венгерские ворота на сорок шестой минуте влетел тоже из-за попустительства вратаря, не вышедшего вовремя на перехват верхнего мяча.

Так венгерская команда, выше всех оцененная английской печатью, у которой была и остается масса поклонников в нашей стране, проиграла только потому, что у нее не было надежных вратарей. Не спасла ее ни блестящая победа над Бразилией, ни убедительная игра против нашей команды во второй половине встречи. Пропустить два гола просто, но отквитать их у равноценного противника - дело почти невыполнимое.

Если продолжить примеры решающих вратарских ошибок, то нельзя обойти молчанием и поражение португальцев от англичан в полуфинале. Перейра в воротах Португалии и раньше ставил свою команду в рискованные положения. Все сходило благополучно. Но вот в игре, где определялось право на финал, Перейра несколько раз опрометчиво устремлялся на мячи, летящие в 12 - 15 метрах от ворот, и попадал в самую гущу горячо боровшихся своих и чужих игроков. И возмездие пришло. Бобби Чарльтон подлавливает Перейру в один из таких моментов и мгновенно отправляет отскочивший от кучи игроков мяч в ворота, покинутые португальским вратарем.

Так был забит гол, утвердивший в конце концов преимущество англичан: ведь игра закончилась их победой 2:1.

И все-таки самым трагическим по своим последствиям был мазок вратаря Альбертози в последней игре итальянцев с командой КНДР. Он пропустил единственный мяч, забитый в этой встрече, буквально под мышкой. Не знаю, что заставило его падать на согнутую в локте руку. Вытяни он ее, как полагается грамотному вратарю, и ворота были бы спасены. В итоге сборная Италии проиграла КНДР 0:1 и отправилась домой. Страна, дважды бывшая чемпионом мира по футболу, отдельные клубы которой («Интернационале», «ФК Милан») признаются лучшими в футбольном мире, оказалась поверженной новичками из Азии.

Могли ли итальянские форварды отквитать гол, ошибочно пропущенный их вратарем? Они всячески старались, но им это не дали сделать сильные духом корейские футболисты и особенно их вратарь, отразивший несколько на редкость трудных мячей.

Почему же советские вратари в Англии оказались неизмеримо выше своих зарубежных коллег? Что это, случайное совпадение или результат длительной эволюции советского футбола, где предшественниками Анзора Кавазашвили или такого замечательного вратаря, как Лев Яшин, были тоже подлинные таланты?

Я убежден, что верно второе. Этот ответ подсказала мне память.

2. ВРАТАРИ

Вратарское искусство. Основоположник Н. Е. Соколов. Продолжатели. Венский матч 1928 года. Концерты Владислава Жмелькова. Дружба дружбой, а кубок врозь. Первый чемпионат. Послевоенные вратари. Лев Яшин. Преемники. Современные течения. Пенальти-кик.

Вратарь занимает особое место в футболе. Он на самом важном посту в команде, это главный игрок. Если вратарь плох - проигрывает отличный ансамбль; если он играет блестяще - команда может победить более сильного противника.

Каждый вратарь способен сносно сыграть в любой линии: он умеет бить, останавливать и водить мяч. Правда, делает он это хуже полевых игроков, но зато его партнеры обычно совсем не могут заменить его в воротах, хотя ловить мяч руками на первый взгляд просто.

На самом деле искусство вратаря необычайно сложно. Несколько лет упорного труда должен затратить вратарь, чтобы отшлифовать техническое мастерство: броски, прыжки, падения, вскакивания, умение отбивать мяч руками и ногами, ловить его, выбивать и выбрасывать. Но и этого мало для высококлассного мастера. Он должен быть от природы одарен смелостью, решимостью, атлетическим сложением, высоким ростом. И наконец, нечего ему братья за гуж, если природа-матушка не наградила его чутьем угадывать уязвимые места в воротах, безошибочно определять мгновения и способы борьбы за мяч.

Поэтому стать незабываемым вратарем дано единицам, наиболее одаренным, неистово трудолюбивым людям, чаще всего фанатикам и энтузиастам футбола.

За пятьдесят лет, что я провел в футболе как игрок и руководитель команды, видел немало вратарей, которые не должны уйти из истории нашего спорта. Они создали лучшую в мире школу игры в футбольных воротах.

Не сомневаюсь, что многие из них имели право стать рядом с прославленными Заморрой (Испания), Планичкой (Чехословакия), Хиденом (Австрия), то есть теми голкиперами, которых тогда знал весь мир, как сейчас знает Льва Яшина.

Чем же отличается советская вратарская школа? Почему, наблюдая игру лучших команд мира, восторгаясь мастерством Пеле, Гарринчи, ди Стефано и других корифеев футбола, всегда ловишь себя на мысли, что этим ансамблям, завоевавшим мировые короны, международные и европейские кубки, все же, пожалуй, не хватает в воротах одного из лучших представителей наших вратарей?

Даже в игре знаменитого венгра Дьюлы Грошича, несмотря на талант и мастерство, были видны технические недоработки в ловле мяча, положении ног при падении, выбрасывании мяча рукой, подмечаемые только взыскательным взглядом специалиста.

Возможно, Заморра, Планичка, Хиден и Грошич с их большим международным опытом как игроки сильнейшего большинства советских вратарей прошлых лет, но для меня наши играют зрительно красивей.

Возможность с детства наблюдать игру таких вратарей, как Владислав Жмельков или Лев Яшин, перенимать их технику, манеру поведения в воротах - это и есть настоящая учеба. Потому что, как известно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. В этом, вероятно, и секрет того, что в Норвегии и Голландии появляются смена за сменой прекрасные конькобежцы, во Франции и Бельгии - велосипедисты, в Швеции и Финляндии - лыжники, а в Бразилии, Аргентине, Испании - виртуозные дриблеры. Им есть кому подражать, с кого брать пример.

С первых же шагов отечественного футбола нам безусловно повезло на самобытные таланты. В полную силу они расцвели на благодатной почве советского физкультурного движения и стали образцом для всех, кто потом стоял в воротах советских футбольных команд.

Я не видел русских вратарей, гремевших до первой мировой войны, москвичей Матрина и Мартынова. Но я много говорил с людьми, игравшими с ними вместе в сборной, например с лучшим нападающим тех лет Василием Георгиевичем Житаревым, который очень хвалил вратарей-соратников, но все же считал реформатором русской и зачинателем советской школы Николая Евграфовича Соколова.

За рубежом в первые годы после революции ничего не знали о советском футболе. Поэтому блестящее выступление Н. Е. Соколова в воротах сборной РСФСР в Швеции осенью 1923 года было для скандинавов одним из тех откровений, которыми начинала удивлять западный мир молодая Советская республика.

Много и пытливо Соколов работал над вратарской техникой, был отличным лыжником и бегуном на средние дистанции, пользовался безоговорочным авторитетом у игроков своей команды СКЗ (Спортивный клуб Замоскворечья). А там играли такие знаменитости, как Федор Селин, Павел Ноготков, Казимир Малахов, Василий Лапшин и другие. Соколов первым из наших вратарей начал выбрасывать мяч руками, первым стал требовать от своих защитников, чтобы они посылали мяч назад вратарю, первым предпочел ловить мяч не на грудь, а чуть ниже - на мягкую диафрагму. Благодаря своему влиянию в команде он мог командовать действиями защитников, подсказывать им выбор позиций и добиваться единства в механизме обороны.

Настолько филигранной была техника Н. Е. Соколова, что, по моему убеждению, встань он, прежний, в ворота нынешней команды, не посрамил бы и ее. Выше среднего роста (178 см), худощавый, хорошо координированный, Соколов играл красиво и просто, без всяких потуг на эффект и ухарство. Он предпочитал расчет, а не интуицию, хотя отказать ему в быстроте и смелости решений было нельзя.

Соколов не однажды давал нам уроки серьезного отношения к спорту. Помню, в 1922 году ехала в Петроград московская сборная. Я был вместе с Соколовым в битком набитом неплацкартном вагоне (времена-то были какие - только-только кончилась гражданская война). Утром я увидел, что в этой тесноте Соколов собирается заниматься разминкой. Я, тогда еще мало искушенный в методике футбольных тренировок, искренне удивился.

- Ты что это, - говорю, - тут повернуться негде.

А ему высвободили в проходе местечко, и он все-таки разминку сделал.

В 1924 году Соколов уехал в Ленинград учиться в Лесной институт. Выбранной в юности профессии Николай Евграфович не изменил, до сих пор он работает лесничим на станции Разлив, близ Ленинграда. Мы переписываемся с ним время от времени, и я не могу отказать себе в удовольствии привести здесь одно из писем Николая Евграфовича - по поводу взаимного обмена марками наших внуков.

«Дорогой Николай Петрович!

Не могу не выразить тебе сердечной признательности за презент, учиненный тобой моему внуку Юре. Потрафил. Искренне выражаю благодарность и от себя и от внука. Старое старится, молодое растет. Помню, и я когда-то коллекционировал и марки и перышки; то и другое покупалось в писчебумажном магазине Леттер на бывшей Пречистенке у Зубовской площади в низочке.

Вспомнилось это, и как вереница потянулись другие воспоминания.

Старая «Девичка», место гимназических футбольных схваток, и более позднее время. Вот первые пять тысяч метров. Вот эстафета 3×1,5. Моим противником был Сергеев от РГО. Было очень жарко, душно.

Вот 10×1000 15 мая 1921 года. На медальке выгравировано «МКС - русский рекорд». А вот маленькая фотография с Пл. Ипполитовым и Павлом Сергеевичем Львовым. По краям Соколов Н. и Гагулин И. - старт и финиш. В середине фотографии Хайдин И., Старостин Н., Красавин И. и др. У Павла Сергеевича - фигурка - приз.

А помнишь, как мы с тобой бежали в ОЛЛС 3×1000 со старта и как метров за 300 до финиша ты долбанул мне кроссинг?

С «ежевом» в те времена было плоховато. Питались неважно, но спортом занимались от души; задора было много.

Слежу по печати и телевизору за достижениями наших спортсменов по всем статьям. Умиляюсь победам и досаду на проигрыши.

Нашел у себя фотографию. Если такой у тебя нет, с удовольствием ее тебе вручаю. Это, должно быть, 1927 год, Германия, Дрезден. Как будто так.

Сознаюсь, хулы достоин, на письма я скуповат. Не всегда отвечаю моему милому другу Петру Артемьеву и другим близким моему сердцу старым друзьям. Вот и тебе, дорогой мой Коля, пишу с большим опозданием.

Каюсь. Грешен. Прости.

Желаю доброго здоровья

целую Соколов.

Разлив. 30 марта 1966 года».

Появление Соколова в воротах ленинградской сборной значительно укрепило тылы этой команды и позволило основным противникам москвичей выиграть у них несколько встреч. В весенней встрече 1928 года в Ленинграде сборная Москвы проиграла потому, что «чародей Н. Соколов, - так писала местная газета, - четыре раза отразил удары выходявшего на него один на один нападающего Н. Старостина». Это была сущая истина, без столь частых в футбольных отчетах прикрас.

Наберусь храбрости откровенно рассказать, что случилось после этого матча.

Мы с Николаем Соколовым были друзьями, хотя играли в разных клубах и на поле встречались как соперники. К тому же мы противостояли друг другу: я был форвардом, непрерывно атакующим вратарей, а он вратарь, который отнимал у меня мою добычу. За мяч же я всегда дрался горячо и, чего скрывать, вратарям покою не давал. Шел на столкновения с ними, как говорят футболисты, действовал в тело.

После матча, в котором Соколов взял у меня четыре мяча, я, терзаясь мыслью, что подвел команду, места себе не находил, слонялся по коридорам «Европейской» гостиницы, где всегда останавливалась московская сборная.

После матча Соколов наведаясь в «Европейскую», в номер к Селину. Он был старым и самым нежным другом Федора Селина, хотя они сильно различались: Николай - сплошная выдержка, безукоризненная дисциплинированность, умница, а Федор - порывистый, способный на любые чудачества, водил дружбу со всеми, его душа и кошелек были открыты для каждого. Потребность излить душу загнала и меня туда же. В комнате горячо обсуждалась игра. Видимо, как-то желая меня утешить, Соколов сказал:

- Николай, я думал, ты меня расшибешь, когда я под тебя бросился, но, к счастью, ты удачно перепрыгнул.

Взглянув в его счастливое лицо, я не сдержался:

- Ну, знаешь, в следующий раз я перепрыгивать не буду.

Соколов опешил.

- Федя, ты слышишь, что он говорит? Н-нет, ты слышишь? - От волнения он начал заикаться. - Это же безобразие!..

И ко мне:

- Т-ты, интеллигентный человек, и ради какого-то гола готов своему другу руки переломать...

Но я закусил удила:

- Понимай, как хочешь... - И вышел в коридор.

Не знаю, вспоминал ли Соколов когда-либо об этом инциденте, а у меня он из головы не выходил. Именно тогда я понял, что пресловутое «цель оправдывает средства» несовместимо с духом братства, которым пронизан спорт.

Чувство товарищества быстро стерло нашу размолвку. Не раз еще Николай отбивал и пропускал мячи, посланные мною. Но думаю, что ленинградцы вряд ли обижались на своего вратаря, хотя на Первой спартакиаде народов СССР и проиграли полуфинал московской сборной команде 3:5. Не было претензий и у москвичей к своему новому вратарю Михаилу Леонову - ученику Соколова. Действовал он в соколовских принципах, но от природы был одарен большей силой и страстью к силовым схваткам с противником в борьбе за мяч. Мне всегда казалось, что из него вышел бы неплохой боксер ближнего боя, такой, как известный в то время Яков Браун. Не зря за Леоновым, выросшим на Девичьем поле, ходила слава одного из лучших кулачных бойцов. Тогда еще существовали драки стенка на стенку зимой на льду Москвы-реки, где Леонов защищал интересы Дорогомилова против Красной Пресни.

Как у большинства физически сильных людей, у Леонова был добрый и открытый характер. На его широком, монгольского типа лице всегда держалась улыбка. Но в игре обычно веселый взгляд становился пристальным и строгим.

Он дублировал Соколова в клубной команде, и нет ничего удивительного, что усвоил привычки своего наставника. Однако манера игры у него была своя, отличная от соколовской. Там, где Николай Евграфович предпочитал выжидать, надеясь на ошибку противника, Леонов стремительно вступал в борьбу, вызывая чужих нападающих на спешку и неточности. Соколов неохотно покидал ворота, а Леонов, предвосхищая игру Планички, легко перемещался по всей штрафной площадке, давал острастку самым агрессивным форвардам. Соколов на все реагировал, вытянувшись в струну, Леонов стоял с поджатыми руками, собранный в мускулистый комок.

Его игра не была такой стабильной, как у Соколова, но в память врезались незабываемые моменты, поражающие азартом и силой.

В октябре 1928 года сборная Москвы выступала в Вене против сборной Австрии. Это была пора расцвета австрийского футбола, в нем блистали такие звезды, как вратарь Хиден, центрфорвард Синделяр, инсайд Шаль, левый край Весели и другие. Сборную Австрии в те годы справедливо называли «вундер-тим» (чудо-команда), ведь она разбила в Вене со счетом 3:0 победителей Парижской олимпиады 1928 года - сборную Уругвая. Конечно, эти футболисты против нас не играли. Но молодежь, с которой пришлось сражаться нам, в дальнейшем стала оплотом таких лучших профессиональных клубов, как «Атмира», «Рапид», «Аустрия».

Мы появились в Вене впервые, и потому посмотреть на русских на стадионе «Рапид» собралось много народу. Все считали, что приехали провинциалы и сейчас им покажут...

Футбол в Австрии был трех видов: профессиональный, буржуазный и рабочий. Первый - мирового класса. Вторым считался рабочий футбол, выходцы из которого составляли когорту профессионалов. На матч с нами мобилизовали кое-кого из таких мастеров и среди них именитого Рейтерера, исключенного из «Рапида» за нарушение режима. Этот здоровый и веселый парень считался одним из лучших полузащитников Австрии. Все ждали от него чудес, и действительно, первые полчаса Рейтерер показывал высокую технику. Да и не он один. Пока у австрийцев было много сил, они хозяйничали на центре поля и на подступах к нашей штрафной. Но дальше этого дело не шло, самую штрафную площадку железно оберегала наша защита. Угрозы издалека гасил бывший в особом ударе Леонов.

Вначале зрители аплодировали лишь своим, но затем настроение на трибунах стало меняться. Быстрота и азарт всегда находят отклик, а этих качеств нам было не занимать. А мы еще на разминке завоевали симпатии австрийцев, когда Рущинский ударил издалека и мяч с силой влетел под штангу. Затем уже в игре Федор Селин не раз срывал аплодисменты одному ему доступными трюками. Конечно, австрийцы многое умели, в частности, они показали нам свою знаменитую кружевную игру, о которой до того мы знали лишь по газетам. А тут еще у сборной Москвы начались иного рода трудности. Внезапно был травмирован Канунников. Его заменил Сергей Иванов. Вся наша центровая тройка в эти трудные минуты работала в защите. Где-то у средней линии плассировались в ожидании мяча только два края - я и Холин. Неожиданно Исаков, как у нас с ним было наиграно в клубе, направил мяч мне через головы защитников. Я на скорости сразу оторвался от них. Почувствовав, что погоня опаздывает, влетаю с мячом в штрафную площадку, замахиваюсь на удар правой ногой и вторым зрением вижу, что на меня выбрасывается вратарь. В голове мелькает мысль: «Как бы его не разбить». Обстановка обязывает действовать решительно. И вдруг, вместо того чтобы броситься на мяч руками, как это практикуют советские вратари, австриец откинулся корпусом назад и прыгнул двумя ногами вперед. Я успел ударить по мячу, он попал вратарю в плечо и рикошетом от штанги ушел на угловой. Вместе с горечью неудачи чувствую, что моя правая ступня вроде бы оторвалась вслед за мячом. Боли нет. Лежа, взглянул: нога тут, цела и бутса, но я ими не управляю. Перелом.

Руководителем команды был В. А. Рябконов. Он уже бежал ко мне. Тут же подали носилки, чтобы отправить меня в больницу. Я прошу: дайте досмотреть! Наложили шину, перевязали, носилки поставили у бровки поля.

Вместо меня в нападение перешел Леута, а хавбека стал играть Никишин. Во втором тайме был выбит и Станислав Леута, тоже при столкновении с вратарем. И снова из-за неразберихи в правилах: у нас на голкиперов не нападали, в Европе это практиковалось, если страж ворот был с мячом.

На поле появился наш последний запасной - Иван Филиппов. В роли правого края ему предстояло доказать, что советские вратари умеют действовать не только в воротах.

А сражение шло своим чередом. За полчаса до конца матча к нашим воротам выскочил чужой левый крайний. В момент прицела на удар мой брат Александр неосмотрительно сбил его. Пенальти!

Кто будет бить? Видим, разбегается метров с двадцати пяти правый защитник Принц, небольшого роста, коренастый, и пускает мяч с носка на высоте в полметра под правую руку Леонову. Удар был очень сильным, но наш вратарь отвел мяч на угловой.

Удача вдохнула в нас новые силы, да и австрийцы заметно устали. Инициатива медленно переходила к нам. На семидесятой минуте в верхний угол чужих ворот неожиданно, как из винтовки, выстрелил Владимир Блинков. Прыжок вратаря был эффектен, однако мяч вошел в самую девятку. Не знаю, разбился австриец о штангу или симулировал, но его унесли, и в ворота встал другой голкипер. Счет 1:0 в нашу пользу.

За минуту до финального свистка проход по краю Александра Холина с последующим прострелом вдоль ворот завершился вторым голом. Он стоит того, чтобы о нем рассказать.

Дело в том, что Филиппов из-за травмы был вынужден покинуть поле и присоединиться к размещившимся на носилках. Хрупкое преимущество в один гол ставило под сомнение нашу победу, которую старались удержать теперь десять игроков. Мое сердце обливалось кровью, и я взмолился, обращаясь к Леуте, пострадавшему меньше всех из нас:

- Стася, если можешь, хоть на полутора ногах выйди на поле. Даже еле двигаясь, ты отвлечешь на себя кое-кого из австрийцев.

И Леута, который на другой день не мог приподняться в постели, вышел на поле. И забинтованной ногой забил гол, после которого у хозяев поля не осталось надежд на победу.

Через день команда уехала играть в другие города, а мы с Леутой остались в Вене. Времени на размышления было в избытке. Невольно напрашивалось сравнение между Николаем Соколовым и австрийским вратарем, сломавшим мне ногу за здорово живешь. Соколов никогда бы не сделал ничего подобного, и он был прав, пристыдив меня в «Европейской» гостинице за мою вспыльчивость.

Футбольное подвижничество Михаила Леонова длилось не более пяти лет. Ежедневные тяжелые тренировки приходилось проводить после полного рабочего дня на производстве, поэтому с возрастом появилось желание сменить беспокойную должность стража ворот на уютное место в служебной ложе.

В воротах сборной Москвы появился Иван Филиппов. Среди «могучей кучки» московских вратарей он выделялся не только мастерством, но и безоглядной преданностью футболу. Он выступал в клубе «Красная Пресня» (потом «Пищевик»). Это был основной конкурент той команды, где подвизался Н. Соколов. Нет ничего удивительного, что Иван Филиппов из чувства соперничества особенно остро схватил технику Соколова и усвоил его приемы. Та же своеобразная красота в прыжках, те же элегантность и внутреннее достоинство во всех разнородных перипетиях игры, то же стремление сначала анализировать, а затем действовать.

Карьера Филиппова была короткой - тяжелое повреждение ноги (мениска) прервало ее. Правда, он продолжал еще сезона два-три выступать за свой клуб с перебинтованной коленкой. Но операцию на мениске тогда делать не умели, и ему пришлось оставить футбольное поле. Филиппов стал начальником созданной в 1936 году футбольной команды мастеров московского «Спартака». Здесь он оставался до 1941 года, когда добровольцем ушел на фронт. Сейчас Иван Михайлович живет и работает в Верхней Тавде Свердловской области.

На смену Филиппову в сборную Москвы пришел неизвестный до того вратарь из Орехова-Зуева Иван Рыжов. Знаменательно, что в те же годы в Орехове появился еще один вратарь - Николай Савинцев, уехавший вскоре в Ленинград и заменивший там Соколова. Среднего роста (174 см), с фигурой гимнаста, Николай Савинцев был необычайно подвижен. Он принимал и осуществлял свои решения мгновенно. Игра его была фейерверком прыжков, падений, вскакиваний и рывков. Все в нем было красиво, но играл он рискованно. «Бесперывный танец на лезвии ножа», - говаривал о нем лучший аналитик футбола, знаменитый в прошлом центральный нападающий сборной Союза Петр Ефимович Исаков.

Савинцев промелькнул в большом футболе, как яркий метеор, играл он всего два-три сезона. Думаю, потому, что его незаурядные способности не могли развиваться сами собой, а требовали особого трудолюбия на тренировках и железного режима. У него на это не хватало ни терпения, ни характера.

Иван Рыжов был из другого теста. Высокий (180 см) и сильный, он много и упорно работал над собой, постепенно вырастая в спокойного, очень прыгучего и техничного хозяина футбольных ворот. Простой, скромный и отзывчивый, он пользовался особой любовью и в нашей команде, куда он пришел в расцвете сил в 1930 году, и в сборной столицы. В течение пяти-шести лет Иван Рыжов выступал надежно и ровно, во многих международных встречах демонстрировал изысканную школу советских вратарей.

У Ивана Рыжова были достойные конкуренты, и среди них украинские голкиперы Александр Бабкин из Харькова и киевлянин Антон Идзковский. Эти мастера воспитывались на примере Романа Норова и Серафима Москвина, долгие годы до этого защищавших ворота сборной Украины. Они с полным правом и не без блеска конкурировали с лучшими вратарями Москвы и Ленинграда.

Первый из них, Роман Норов, начал выступать в Николаеве, а затем перешел в харьковский «Штурм» и особенно отличился в 1924 году, когда сборная Харькова неожиданно, но заслуженно выиграла звание лучшей команды страны. По стилю Норов заметно отличался от своих российских коллег. Он меньше падал, предпочитая стоя угадывать, куда будет нанесен удар. Редко покидал ворота, в случае

необходимости бороться с форвардом один на один отбивал мяч ногой, чего почти никогда не делали москвичи.

Целое десятилетие гремело имя Романа Норова на Украине, и отдельные приемы его игры, безусловно, были взяты на вооружение Бабкиным и Идзковским. Но в целом их вратарская техника сложилась под влиянием московской школы, представителей которой они видели не раз.

Распространению этой манеры вратарского мастерства способствовал и молодой москвич Серафим Москвин, переехавший в Одессу и заменивший затем Норова в воротах сборной Украины.

В Москве Серафим не успел развернуть своего дарования, зато оно необычайно быстро расцвело в Одессе, и уже через два года о нем много и заслуженно говорили по всей стране. Изящный и техничный, он провел не одно волнительное выступление, хотя настоящей стабильности в игре так и не добился. Легковесной комплекции, он всегда попадал в трудное положение в схватках за высокие мячи и довольно скоро из-за травмы спины вышел из строя. По выздоровлении он уже не сумел конкурировать с Бабкиным и Идзковским.

В 1932 году сборная команда СССР направлялась в Турцию. В ее составе вторым вратарем был Валентин Гранаткин, а первым - Антон Идзковский. Мы знали, что он присоединится к нам в Киеве, но он к поезду не явился. Положение было безвыходным: по расписанию мы только-только успевали на пароход в Одессе, и руководители сборной послали телеграмму в Харьков с просьбой командировать своего лучшего вратаря. Так Бабкин оказался на другой день на борту парохода «Чичерин», которым мы отбывали в Стамбул.

В первой встрече с турками в наши ворота встал Гранаткин, а новичок харьковчанин скромно сел на скамейке запасных. Игра началась для нас неудачно. Мы проигрывали 0:2, и в середине тайма стало ясно, что наш травмированный вратарь не в состоянии продолжать игру. Я, как капитан команды, дал знак Бабкину заменить Гранаткина. Сознаю, я шел на это с большой тревогой.

Вскоре мы отквитали один гол, на что турки ответили яростным штурмом. И вот тут-то харьковчанин показал себя во всем блеске. Непринужденно и мастерски выходил он из труднейших ситуаций у своих ворот, легко расправлялся с мячами, идущими, казалось, в самую цель.

Бабкин ошеломил турецких нападающих, да и мы сами были удивлены.

Уверовав в своего вратаря, который в перерыве весело разглагольствовал в раздевалке, мы во второй половине почти всей командой кинулись в атаку, но долго счет 1:2 грозил нам поражением. Лишь за восемь минут до конца Сергей Ильин (№ 11), заменивший Валентина Прокофьева, уравнил результат. А. Бабкин и в этом тайме взял несколько труднейших мячей.

На другой день стамбульская пресса восторженно отозвалась об игре Александра. Его имя сразу стало известно всем советским болельщикам, тем более что три следующие игры в Турции мы выиграли во многом с его помощью.

Внезапная слава довольно своеобразно отразилась на судьбе этого талантливого вратаря. Вскоре после возвращения домой его избрали одним из секретарей горкома комсомола, а примерно через год Александр Бабкин занял пост председателя городского комитета физкультуры и спорта. Обязанности председателя не позволяли ему до конца отдаться футболу, и, проиграв еще один сезон, Бабкин постепенно потерял свою спортивную форму. Угасла и популярность, взрывной волной прокатившаяся от Стамбула до Москвы. А жаль! Этот самородок-вратарь мог бы многое сделать для приумножения славы и мастерства советских голкиперов.

Антон Идзковский добился общего признания по-иному. Этот разносторонний спортсмен, последователь методов Соколова, годами шлифовал свою технику. Вдумчивый и упорный, он прочно владел всеми элементами вратарского мастерства, и потому игра его была очень стабильной.

Не менее десяти лет Идзковский как вратарь был вне конкуренции на Украине. Сейчас он главный тренер Украинской федерации футбола, растит новых отличных вратарей.

А как обстояли дела в тридцатые годы в Москве и Ленинграде?

Столица уповала на Валентина Гранаткина, который сначала снискал себе громкое имя в хоккее с мячом. Хорошо сложенный, прыгучий, он легко и просто расправлялся со всеми верхними мячами. Большая спортивная культура делала его лучшим представителем национальной сборной. Его энтузиазм, выдержка и дисциплина всегда ставились в пример.

Характерен такой случай. Гранаткин играл за сборную Москвы против сборной Ленинграда. Задолго до финального свистка он сломал себе палец на руке, бросившись под удар форварда Т. Аксенова, но не покинул поле до победного конца.

В Ленинграде в это время выше всех считался Георгий Шорец. Рано попав в команду мастеров, он быстро превратился в отличного вратаря. Шорец не был реформатором, но все, что он делал в воротах, было по-настоящему мастерски. Спокойный и смелый, он не раз приносил победы команде «Динамо», которая в те годы достойно представляла Ленинград и защищала цвета северной столицы против пяти мощных московских команд.

Все вратари, о которых я рассказал, учились, росли и совершенствовались свое мастерство в играх на первенство своих городов. Ведь тогда не существовало всеоюзного футбольного календаря. Опыта они набирались лишь в международных играх или в редких матчевых встречах четырех городов - Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова. Правда, некоторые - Гранаткин, Шорец, Идзковский - успели сыграть сезон-другой и в первенстве СССР, введенном с 1936 года. Но к этому времени в советском футболе появилась плеяда новых вратарей, с которыми им уже по возрасту соперничать было трудно.

Я что-то не припомню, чтобы когда-нибудь потом в нашем футболе появилось сразу такое созвездие вратарских талантов, как в 1937 - 1938 годах: Владислав Жмельков, Анатолий Акимов, Евгений Фокин, Владимир Никаноров, Николай Разумовский (все Москва), Виктор Набутов (Ленинград), Александр Дорохов (Тбилиси), Николай Трусевич (Одесса - Киев).

Беру на себя смелость утверждать, что среди блистательных талантов того времени совершенно особняком стоит Владислав Жмельков.

В моей памяти Владислав Жмельков остался как вратарь почти сказочный, вратарь без слабых сторон. Это не умозрительное заключение. За полтора года пребывания в «Спартаке» он отразил все одиннадцатиметровые удары, назначенные в его ворота. Среди них был пенальти-кик, назначенный «Спартаку» за семь минут до конца кубковой игры при счете 0:0. В сезоне 1939 года Жмельков, чередуясь в играх с Акимовым, пропустил в свои ворота всего семь мячей.

Высокий (180 см), сухощавый, физически сильный, пружинистый и уверенный в себе, Жмельков вопреки обычным воплям вратарей: «Не давайте бить!» - не раз покрикивал своему главному партнеру Андрею Старостину (№ 3): «Да пропустите его, Андрей Петрович! Пусть пробьет...»

Вот и представьте, как действовали эти слова на защитников и как такая уверенность отражалась на чужих форвардах.

Жмельков делал все образцово: одинаково безупречно играл внизу и вверх, тонко угадывал место в воротах и безошибочно сражался «на выходах». Его популярность принесла ему медаль «Лучшему спортсмену года», учрежденную газетой «Красный спорт». А ведь в 1939 году в опросе, проведенном газетой среди читателей, фигурировали имена Михаила Ботвинника, боксера Николая Королева и других наших знаменитостей.

В чем же секрет мастерства Жмелькова? Думаю - помимо природного таланта, в феноменальном трудолюбии. Он тренировался в воротах по пять-шесть часов ежедневно. Он молился в то время одному богу - футбольному мячу (в дальнейшем, к несчастью, у него появились другие кумиры).

Владислав отлично играл и в поле - правого защитника. Такой редкой способностью совместительства на моей памяти владел только правый защитник (1922 - 1924 гг.) Василий Степанович Лапшин. В те годы он успешно соревновался за право занимать место в воротах московской сборной с самим Николаем Евграфовичем Соколовым.

Интересно, как очутился в «Спартаке» Жмельков и как он от нас ушел.

В 1937 году в армию был призван спартаковский вратарь Анатолий Акимов, оказавшийся поэтому в воротах московского «Динамо». А в московский «Спартак» перешел оттуда обиженный вратарь динамовцев Александр Квасников. Мы ему в дублиеры искали молодого вратаря. В связи с этим кто-то из наших игроков вспомнил, что против них в товарищеской встрече на юге прошлой осенью подкупающе легко сыграл молодой паренек из подмосковного городка Подлипки. Его решили срочно разыскать. И он явился в городской совет «Спартака». На мой вопрос, вратарь ли он из Подлипок и как его фамилия, он ответил утвердительно и назвал Кузнецовым. Я направил его на сбор в Одессу и вскоре получил сообщение от начальника команды Ивана Михайловича Филиппова, что особыми достоинствами присланный мною Кузнецов не блещет. Это подтвердилось в товарищеских играх, и «Спартак» расстался через месяц с Кузнецовым, считая версию о подлипковском вратаре очередной футбольной басней.

Однако в мае в «Спартаке» появился другой юноша и осведомился, верно ли, что мы искали вратаря из Подлипков. Я на этот раз был более осмотрительным и проэкзаменовал пришельца - подробно расспросил о товарищеской игре на юге.

- Кузнецов был моим дублером в подлипковской команде. А играл против «Спартака» я, Жмельков, - как-то очень просто сказал мой собеседник.

Хорошо, что в тот счастливый для «Спартака» день я сразу поверил Жмелькову и послал его к Филиппову. Так началось его восхождение на вратарский пик.

Полтора сезона, с августа 1938 по ноябрь 1939 года, играл он в московском «Спартаке». Эти месяцы принесли ему немеркнущую и по сей день славу, а его команде - почетный дубль (выигрыш первенства страны и кубка) два года подряд.

Последние выступления Жмелькова совпали с событием, которому нет равного в истории футбола.

Московский «Спартак» в 1939 году упорно стремился повторить прошлогодний результат - выиграть кубок и первенство страны - и тем самым добиться триумфа, дотоле небывалого в советском спорте: два года подряд сделать дубль. К началу сентября команда была близка к этому. Мы лидировали в чемпионате с запасом в три очка и вышли в полуфинал кубка, где нашим противником оказалось тбилиское «Динамо».

И вот 8 сентября два главных претендента на приз скрестили оружие в Москве на стадионе «Динамо» при судействе ленинградца Ивана Горелкина, в прошлом знаменитого хоккеиста и видного футболиста.

Матч сложился на редкость напряженно, но играли корректно: между спартаковцами и тбилискими динамовцами всегда были и сейчас остаются по-настоящему дружеские отношения.

Обе команды играли выше всяких похвал, защита и вратари тут и там казались непробиваемыми. И вдруг темпераментный Шота Шавгулидзе (№ 2) срезает мяч свечкой на свои ворота, к самой верхней перекладине.

К неожиданному подарку одновременно устремились два московских нападающих - Виктор Семенов и Алексей Соколов, мастаки играть головой. Рванулся к мячу и тбилисский вратарь Александр Дорохов. Все трое одновременно зависли в воздухе в высоких прыжках. Дорохов сумел руками отбить мяч, но всего метров на десять и прямо на ногу спартаковцу Андрею Протасову. Удар. Мяч влетел в ворота, но сетки не коснулся, так как Шавгулидзе, ворвавшись сбоку, прямо с воздуха вывернул мяч в поле. За мгновение до этого судья дал свисток на взятие ворот, и его помощник флагом также зафиксировал гол.

Динамоцы кинулись к арбитру. Допускаю, что многие из них искренне верили, будто гола не было. Все случилось так быстро, что положение мяча могли видеть далеко не все.

Судья решительно указал на центр, и «Спартак» выиграл этот тяжелый полуфинал.

Сразу последовал официальный протест тбилисцев, но во всех спортивных инстанциях он был категорически отклонен. Во всем мире действует закон, по которому лишь одному судье на поле дано право устанавливать: был или не был забит гол. Здесь же и сам судья и его помощник твердо заявляли, что ясно видели, как мяч минимум на полметра пересек линию ворот в воздухе и уж потом был выбит защитником.

Через неделю «Спартак» играл в финале кубка с ленинградским «Зенитом» и победил 3:1.

Все, казалось, шло отлично. Правда, радость победы омрачила дисквалификация Алексея Соколова. Спартаковец грязной рукой потрепал по подбородку ленинградца Шелагина, а судья милостиво промолчал. Команды играли в дождь, Соколов упал в лужу, вскочил, сгоряча хотел было куда энергичнее рассчитаться с обидчиком, но вовремя спохватился.

Прошло несколько дней, и «Спартак» вышел на то же поле для очередной встречи с ЦДКА. Успокоенные и расхваленные, спартаковцы проиграли 0:1. Тут еще и счастье отвернулось от своих любимцев: Андрею Старостину сломали руку, а Константина Малинина удалили с поля вместе с его подопечным Петром Щербатенко за обмен малоприятными любезностями.

Положение команды стало зыбким. Ждем других результатов тура. Вдруг узнаем, что в Тбилиси не состоялась игра с «Металлургом» и что тбилиские динамовцы срочно выехали в Москву.

На другой день от грузинских футболистов на стадионе «Динамо» болельщики услышали, что те приехали переигрывать полуфинал кубка.

Мы не верили. Как можно переиграть полуфинал, когда уже разыгран финал и кубок торжественно в присутствии шестидесяти тысяч зрителей вручен победителю?!

Сомнения рассеял председатель Всесоюзного комитета физкультуры и спорта В. В. Снегов, официально известив, что получено указание полуфинал переиграть.

Теперь уже наши попытки протестовать были категорически отклонены. «Если вы действительно сильнее, то выиграете еще раз» - так ответили нам.

Об этом событии в книге М. Мержанова «Играет «Спартак» (изд. 1963 г.) написано кратко:

«Нарушая все положения, писанные и неписанные законы, наконец в полном противоречии с логикой, руководящие футбольные организации удовлетворили протест и постановили после финального матча переиграть... полуфинальный».

Переигровка была назначена на 30 сентября. Пять дней, оставшиеся до нее, прошли в ожесточенных спорах об условиях этого небывалого матча.

Мы настаивали прежде всего на своем праве выставить старый состав, то есть разрешить играть дисквалифицированным Соколову и Малинину. Об Андрее речи не было, его рука, закованная в гипс, покоилась на повязке. Именно поэтому после яростных дебатов полузащитнику Малинину играть разрешили, а нападающему Соколову нет.

Затем зашел в тупик вопрос о судьях. Одна за другой отвергались кандидатуры, выдвигаемые то «Спартаком», то «Динамо». Тогда каждой стороне предложили в закрытом конверте назвать десять жрецов Фемиды. Надеялись, что, может быть, обнаружится хотя бы одна кандидатура, приемлемая для обоих противников. Но когда конверты вскрыли, в них оказались двадцать разных фамилий. После еще нескольких бесплодных попыток прийти к единому решению судьей матча приказным порядком был назначен ленинградец Николай Харитонович Усов. Человек принципиальный, коммунист, военный инженер, футболист, проигравший сам добрый десяток лет, он безупречно судил ответственные игры.

Команды вышли на поле в следующих составах.

«Спартак»: Акимов (сегодня его очередь играть), Соколов Виктор, Малинин, Соколов Василий, Артемьев, Тучков, Протасов, Глазков, Семенов, Степанов и Корнилов.

«Динамо»: Дорохов, Шавгулидзе, Фролов, Гагуа, Джорбинадзе, Челидзе, Джеджежава, Бердзенишвили, Пайчадзе, Бережной и Харбедея.

Игра началась азартными атаками тбилисцев, понимавших, что перестроенной защите «Спартака» нельзя давать время на сыгровку. Расчет был верный, но в воротах москвичей стоял Акимов. Град ударов он парировал с присущей ему легкостью и уверенностью.

Штурм продолжался. И вот Пайчадзе ударил в правую девятку. Такие мячи не берутся, если вратаря чудом не занесет именно в этот угол. Анатолий там и оказался. Было от чего гостям прийти в смятение. Каждая армия сильна своим тылом, а тут этакий дьявол в спартаковских воротах...

Атмосфера накалялась. Трибуны, на девять десятых набитые москвичами, поддерживали своих. Я сидел на низенькой скамеечке за нашими воротами рядом со Жмельковым. Владислав сочувственно поглядывал, как я выдираю траву целыми пучками.

Клокотало в душах и у тех, кто был на поле: спартаковцы вышли отстаивать свое право на кубок. Борьба за справедливость приехали и тбилисцы: их мало интересовали формальности и штабные уловки. Они бойцы, их задача - выложить все силы, до конца постоять за родной клуб. Вот почему на поле не было плохих игроков, все двадцать два делали больше, чем от каждого ожидали.

Я не верю в заранее разработанные тактические тонкости. Но кое-что принципиальное подсказать игроку можно и нужно. Вряд ли уместно учить футболиста, что следует делать на поле. Практичнее посоветовать ему, чего он должен избегать.

Мы знали, что левый хавбек Челидзе часто рвется вперед, и рекомендовали правому инсайду Георгию Глазкову не преследовать его, как тогда было принято, а оставаться на передней линии атаки: грузинский полузащитник не мог в такой степени грозить чужим воротам, как обладающий превосходным ударом спартаковский бомбардир Глазков.

Подсказы смахивают на лотерею. Но на этот раз билет выиграл. В одну из тбилисских атак Жорж, оставаясь в центре поля, получил мяч. Дорога к воротам на мгновение оказалась открытой, остальное решали самообладание и техника. Преследуемый по пятам, он нанес удар сразу как вошел в штрафную, и мяч, словно крупная щука, забился в сетку у дальней штанги ворот.

Вместо того чтобы разобраться, почему это произошло, южане со свойственным им нетерпением сразу кинулись отыгрываться. Снова защитники и Акимов подверглись суровому экзамену. И опять они

ответили отлично по всем предъявленным билетам футбольной науки. Передача Глазкову, и вот по знакомой дорожке он мчится с мячом к воротам Дорохова, безукоризненно бьет.

Больше я не рву траву. «Ведь нет же, - думаю, - сейчас у нас в стране команды, способной вырвать у «Спартак» победу, проигрывая 0:2». И представьте, я чуть было не ошибся. Тогдашний тренер тбилисского «Динамо» Михаил Павлович Бутусов появился у своих ворот и что-то громко и выразительно прокричал Челидзе, показывая пальцем на Жоржа. Я понял, что наша ставка на Глазкова в дальнейшем будет бита. Как и следовало ожидать, грузины пошли ва-банк и наконец сорвали и свой куш в этой азартной игре. Мяч влетел в наши ворота после того, как два спартаковских защитника в волнении кинулись к нему и помешали друг другу. Мгновенно последовала тонкая передача, и после удара Бориса Пайчадзе мяч оказался в сетке.

К перерыву счет 2:1, а это значит, что колода карт перетасовывается заново.

Что делать? Ворота на замок, пытаться удержать минимальное преимущество в счете? Нет, решаем штурмовать. За это все в раздевалке - и маститые ветераны, и тренеры, и, главное, сами игроки. Не сомневаемся, что и тбилисцы будут рваться вперед.

Немного перестраиваем тактику: решаем наступать флангами, они свежее, да и противник больше ждет атак по центру.

Сразу нажим с обеих сторон. Но горячие гости действуют рискованной и отвоевывают центр поля.

На первый взгляд это удача, но в ней таится опасность прозевать чужой прорыв в оголенные тылы. Это улавливает В. Степанов. Весь вложившись в удар, сильно и точно он направляет мяч левому краю, Павлу Корнилову. Сейчас все решит скорость, а в ней у великолепно сложенного Корнилова нет соперников. С замиранием сердца слежу, как он выиграл первую гонку у Шавгулидзе и, прокинув мяч внутрь поля, соревнуется в беге с Гагуа. Вот уж и второй защитник позади. Перед Корниловым один вратарь. Вижу, тот стремительно бежит на москвича, но Павел обводит и последнюю опору южан. В безвыходном положении Дорохов лежа хватается спартаковца за ногу и валит на землю.

Свисток. Усов показывает на отметку одиннадцатиметрового удара. Корнилов все еще на земле: на всякий случай демонстрирует, что высшая мера наказания справедлива.

К мячу идет безошибочный пенальтист Георгий Глазков. Он в приподнятом настроении после двух забитых голов. Нет на стадионе человека, который сомневался бы в исходе пенальти-кика. Вероятно, убежден в этом и сам Дорохов, потому что решает пойти на риск. Вопреки правилу - ждать и смотреть - он в момент удара стремительно летит в правый нижний угол, куда обычно бьет Глазков. Но на этот раз мяч попал в самый центр ворот, где за долю секунды до этого стоял Дорохов. Что это - маневр? Нет, срезка - Глазков вспахал ногою землю. Итак, ошиблись оба, но вратарь промахнулся первым, и счет стал 3:1.

А грузины опять треплют нервы. Их энергия неиссякаема. Хоть бы скорее ползли эти проклятые медлительные минуты! Бутусову же, вероятно, кажется, что время летит чрезмерно быстро.

Тбилисцы отчаянно наступают, вся их команда на спартаковской половине поля. Но зато и наша тоже вся здесь.

Последние четверть часа. Все сбилось в одну кучу. Забыта тактика, а порой и техника. С одной стороны навал, с другой - отбой. Нападающий Степанов сражается у самых ворот сзади центрального полузащитника Малинина. Динамовские беки атакуют впереди своих форвардов.

Обычно такая неразбериха бесплодна. Но в этом историческом матче сама судьба захотела быть объективной и справедливой. За ошибку Дорохова при пенальти она отплатила ошибкой кого-то из наших игроков. Несчастный неосмотрительно остановил мяч на вратарской площадке и мгновенно вместе с мячом оказался втиснутым в ворота. Гол забил Бережной (№ 10). К тому же получил повреждение Акимов, его уносят. И какое счастье, что в ворота встает не заурядный дублер, а сам Владислав Жмельков!

3:2 - и несколько минут до финального свистка. Мне кажется - ах, много; Бутусову - ох, мало. Прав был он - это оказалось мало. Во-первых, потому что наши противники изнемогли одинаково с нами, а в футбольном цейтноте всегда легче защищаться, чем объявить шах королю. Во-вторых, грузинских футболистов доконали психологические удары. Не так-то просто беспрерывно отыгрываться, да еще с разницей в два гола.

Последний свисток. Победа наша! Кое-кто даже плакал, уходя с поля. Спартаковцы старались ободрить, утешить проигравших. Но радость, откровенно сиявшая на лицах победителей, вряд ли способствовала успокоению побежденных.

Тридцать лет без малого прошло со дня этой неправомерной схватки, но подробности ее свежи и ярки в моей памяти. И если до нее мы в команде говорили о достойном футболисте: «Он играл с басками», то теперь высшей похвалой стало: «Он участвовал в переигровке с тбилисцами».

Что было бы, если бы «Спартак» тогда проиграл, мы так и не узнали...

Через месяц мы сравнительно легко взяли верх над тбилисским «Динамо» во втором круге первенства со счетом 3:0. Передряга с переигровкой тяжело отразилась на нервах южан. Помог нам и снежок, внезапно покрывший поле перед последним матчем.

А Владислав Жмельков тоже вскоре перенес много волнений и надолго выбыл из московского «Спартака».

Блеск его игры разжег зависть в сердцах конкурентов. Всем хотелось заполучить себе эту звезду. И вот в ЦДКА выискали, что Жмельков не дослужил двух месяцев в Белорусском военном округе. На этом основании он был снова призван, и ввиду категорического отказа выступать за ЦДКА, оказался в воинской части в Чите. Здесь весной 1940 года в соревнованиях он получил тяжелую травму колена.

После окончания войны 32-летний Жмельков, четыре года сражавшийся на фронте, попытался вернуться в большой футбол. Но это была только тень незабываемого вратаря. Тень и по мастерству и по отношению к футболу.

Случай со Жмельковым не типичен для нашего спорта, но он служит бесспорным подтверждением истины, что нарушение режима и жизненных норм даже самого одаренного спортсмена неизбежно приводит к потере мастерства.

Вынужденный отъезд Жмелькова в Читу переложил все бремя ответственности за спартаковские ворота на Анатолия Акимова. В нем подкупали техника и особая культура игры. Он был непробиваем с дальних дистанций, превосходно справлялся со всеми верховыми мячами. Высокий рост и длинные руки помогали ему, легко отражать и низовые удары. Но была и у него ахиллесова пята: не любил Анатолий выходов из ворот, чтобы броситься в ноги противнику. Это приносило ему довольно часто физические повреждения.

Начальный путь Акимова был похож на тот, что прошел когда-то Бабкин. Поехал он в Париж в январе 1936 года на игру с «Ресингом» в составе «Спартака» безвестным юношей, а вернулся знаменитым.

Наших вратарей в Париж приехало четверо - два со «Спартаком» и два с «Динамо» (после матча сборной с «Ресингом» «Спартак» уехал на юг, а «Динамо» - на север Франции).

Определить состав сборной предстояло мне, Федору Селину и Константину Квашнину.

Начинать полагается с вратаря. На это место все кандидаты как на подбор. Иван Рыжов - тридцатилетний, опытный и надежный игрок; Анатолий Акимов - еще зеленый, двадцатилетний юноша, но талантливый. Это спартаковцы. От «Динамо» оба вратаря более зрелого возраста - двадцатипятилетние Евгений Фокин и Александр Квасников.

Наш триумvirат колеблется. Конечно, главный принцип - кто сильнее. Но все-таки я - патентованный спартаковец, Федор - верный динамовец, а Константин - золотая середина: выступал мальчишкой вместе со мной на Пресне, а с 1928 года играет в «Динамо». Всем нам хочется быть объективными, да и ошибка в выборе вратаря - дело непоправимое.

Смотрим друг на друга, страдаем и ждем, кто первый рискнет назвать достойного. Прорывает экспансивного Селина:

- Предлагаю Акимова, - подчеркнуто веско произносит Федор. - Обоснований не требуется. Мы все знаем хорошо всех четверых.

Я поддерживаю его и облегченно вздыхаю. Ведь в душе я лелеял это имя, но молчал умышленно, опасаясь обвинения в квасном спартаковском патриотизме.

Квашнин долго думает, но нас уже двое, а он один.

- В конце концов риск благородное дело, - машет рукой Константин Павлович, и вопрос об игроке под №1 решен: Акимов.

Насчет остальных кандидатур расхождений почти нет. Налицо крепко сбитый, сыгранный ансамбль сборной Москвы, цвет советского футбола. Именно в этом составе команда не раз выступала в 1935 году. Правда, футболисты несколько утратили свою боевую форму. Ведь сезон у нас закончился два месяца назад, и двухнедельной тренировкой ее сразу не вернешь. Подготовка на опилках конно-спортивного

манежа в Хамовниках кое-что, конечно, дала, но, прибыв в Париж, футболисты с трудом ходили по лестницам от боли в не окрепших еще мышцах.

Мы не ошиблись тогда в Акимове. Он сыграл вдохновенно, со всем пылом молодости. В парижских газетах ему посвящали целые страницы. Фото молодого вратаря, стоящего на голове с прижатым к груди мячом, а рядом - ошеломленный центр нападения «Ресинга» сенегалец Куар, обошло весь мир.

Несмотря на то что наша команда столкнулась с совершенно неизвестной ей системой дубль-ве, молодой Акимов с честью вышел из испытаний. Не знаю, как в космосе, а на футбольном небосклоне звезды загораются сразу. Вот почему от дебюта зависит очень многое.

Акимов около полутора десятков лет отменно защищал ворота московских команд, а сейчас плодотворно трудится на тренерской ниве.

Игра с «Ресингом» оказалась поучительной. В том же году было решено организовать первый чемпионат СССР по футболу.

Мы вернулись домой, ходили и объясняли, что противник хорош, однако и мы не хуже. Нас застала врасплох тактическая новинка. Нужен обмен опытом, и не только в гостях, но и дома.

А что мы знаем друг о друге? Полсотни игроков варятся в собственном соку. Встречаются раз в год сборные больших городов. Турниры подгоняются к спартакиадам, разыгрываются по олимпийской системе, где уж тут набраться мудрости. В европейских странах проводились межклубные чемпионаты, у нас же климатические и территориальные особенности страны наивно считались непреодолимыми.

Но всему свое время. Пришла пора и для всесоюзного первенства по футболу.

Помню, как, выслушав наши оправдания и выводы, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев сказал: «Готовьте проект собственного чемпионата».

Подгонять нас не требовалось. Через неделю проект был вручен.

В чемпионате 1936 года участвовало по семь команд классов «А» и «Б» и 13 команд класса «В». Принцип был заложен сугубо спортивный: лучшие по силам четыре московских, два ленинградских и один киевский клубы боролись за почетнейшее звание чемпиона, остальные - за первенство в своей категории и за переход в высший класс.

Звание чемпиона разыгрывалось в год дважды - весной и осенью. Переводы команд в высший класс осуществлялись также дважды. Вот почему в августе тбилиское «Динамо», победив весной в классе «Б», уже сражалось за красное чемпионское знамя (медалей не было), и клубов в классе «А» стало восемь.

Вокруг чемпионата сразу закипели здоровые страсти. Всколыхнулись местные патриоты. Каждому не хотелось ударить лицом в грязь. Сильная Москва покровительствовала младшим братьям. Когда же эти младшие в следующие годы протянули руки к короне чемпиона, стало не до покровительства. Пришлось не только учить, но и учиться.

Играли в собственном, советском стиле и верили в его победоносные возможности. Не блистали сегодняшней техникой, но боюсь, что отцы в боевитости превосходили ныне играющих сыновей. И уже в первый год розыгрыша достать билет на «Динамо» было трудно. Всем сразу стало ясно, что всесоюзный чемпионат открыт вовремя и будущее ему обеспечено.

И правда, через тридцать лет младенец вырос в богатыря: 236 команд мастеров классов «А» и «Б» нынче привлекают на трибуны миллионы зрителей. А ведь закладывала основы этого большого спорта немногочисленная по теперешним понятиям футбольная рать. И в первых рядах ее шествовал отряд вратарей.

Были в предвоенные времена в Москве, кроме Жмелькова, Рыжова, Акимова, и другие кумиры - динамовец Евгений Фокин, армеец Владимир Никаноров, локомотивец Николай Разумовский.

На Фокина стоило посмотреть, когда он шел навстречу прорвавшемуся форварду: с непоколебимой уверенностью подкладывался он под удар, парируя, казалось бы, безнадежные мячи. Уроженец Подольска, Фокин защищал ворота московского «Динамо» в годы особых успехов этой славной команды.

Владимир Никаноров и Николай Разумовский по-своему расцветивали вратарскую палитру. Могучего телосложения, весом под 90 килограммов, оба действовали уверенно и спокойно. Да и кто из форвардов рискнет напасть на тяжеловесов, когда те принимают мяч? Страховать их в борьбе за верхние мячи не было нужды: рост, вес и физическая сила позволяли им безраздельно хозяйничать на своих штрафных площадках. Этим молодцам нельзя было отказать в ловкости и быстроте, но все же

расторопности Жмелькова им иногда не хватало. Зато сколько уверенности внушали партнерам их фигуры, прочно утвержденные в воротах.

Чуть раньше этих московских богатырей появился в воротах тбилисского «Динамо» Александр Дорохов, русский по происхождению, но уроженец Грузии. Высокий, стройный, он ни в чем не уступал московским вратарям. Поэтому вполне закономерно была его появлению в воротах «Динамо» в матче против басков в июле 1937 года.

Игра Дорохова подкупала удалью. «Ва-банк, всегда ва-банк!» - это, казалось, было его негласным девизом. В дни, когда ему сопутствовала удача, Александр давал незабываемые спектакли. Но случались у него внезапные спады, которым в то время была подвержена и вся его команда. Только позднее талантливый коллектив тбилисского «Динамо» начал освобождаться от этих необъяснимых срывов.

Александр Дорохов довольно долго украшал грузинскую команду, и на его примере воспиталось затем поколение отличных грузинских вратарей - Саная, Маргания и современные голкиперы - Сергей Котрикадзе и Рамаз Урушадзе.

На Украине в это время заставил обратить на себя внимание Николай Трусевич. Это был оригинальный вратарь с собственным рисунком игры. Длинный и тонкий, он очень напоминал фигурой и приемами славного Федора Чулкова - вратаря московских динамовцев, игравшего в 1923 - 1928 годах. Трусевич очень независимо держался в воротах, мало координируя свои действия с усилиями партнеров. Только в самый последний момент он вдруг принимал решение и спокойно вторгался в события на штрафной площадке. Молчаливый и несколько загадочный для противника, он пользовался не то что уважением, ему прямо-таки поклонялась команда. Приемы его отличались от тех, что характеризовали вратарей московской школы. Он мало гнулся в поясице, даже в падении оставался вытянутым, и, может быть, поэтому легко доставал мячи из верхних и нижних углов. Выбивал он мяч ногами тоже по-своему, лишь слегка и низко подбрасывая его руками под удар.

Думаю, что Трусевич внес бы свои штрихи в школу советских вратарей, его дарование было самобытным, никого из своих предшественников он не копировал. Безвременная смерть от рук гестаповцев вместе с другими игроками киевского «Динамо» не позволила его таланту развернуться в полную меру. Но имя Трусевича, как гражданина и выдающегося вратаря, останется в памяти всех, кто знает и любит наш советский футбол.

И наконец, нельзя не сказать еще об одном голкипере предвоенных лет - ленинградце Викторе Набутове. В своей игре он больше всех предвосхитил то направление, по которому идут многие из теперешних вратарей.

Одаренный и техничный, он, правда, не считал за грех сыграть на зрителя. В его бросках, прыжках и даже костюме все было чуть-чуть подчеркнуто, даже слегка утрировано. Поэтому на трибунах после восторженных аплодисментов нет-нет да и свистнут ему за внезапный промах. Конечно, Виктор Набутов всегда был, да и сейчас остается настоящим спортсменом. Возможно, что некоторый показной лоск в его игре не был умышленным, но последователи у него в этом, к сожалению, нашлись. Еще бы: очень уж заманчиво и привлекательно выглядит такая подчеркнутая техника с трибун и часто приносит ее обладателю хвалебные отзывы в прессе.

Не берусь утверждать, что Набутов первым стал играть «на эффект», вместо того чтобы подсознательно играть эффектно благодаря своей технической оснащенности и тренированности, в порыве спортивной страсти, как это получалось у Н. Соколова, В. Жмелькова и Льва Яшина. Тем не менее грешок рисовки у Набутова имелся. Но, безусловно, он был талантливым вратарем, горячим ленинградским патриотом, много раз с особым рвением защищавшим спортивные цвета своего родного города.

Сейчас В. Набутов - один из ведущих спортивных радиокомментаторов. Ему очень пригодилась на этом поприще склонность к артистизму. Любопытно, что теперь в своих репортажах Набутов не устает призывать вратарей играть строго и просто.

Не оскудела советская футбольная держава вратарскими дарованиями и после Великой Отечественной войны. Леонид Иванов (Ленинград), Алексей Леонтьев, Борис Разинский (Москва), Олег Макаров (Киев), Алексей Хомич и Лев Яшин (Москва) - тот Лев Яшин, который заставил всех футбольных специалистов в мире признать советскую вратарскую школу самой прогрессивной. До Яшина это почти доказали Алексей Хомич в Англии в 1945 году и Леонид Иванов на Олимпийских играх в Финляндии в 1952 году, хотя они действовали в несколько иной манере, чем Лев Иванович.

Леонид Иванов - земляк Всеволода Боброва. Но наш прославленный форвард скоро оказался в столичной команде, а Иванов до конца остался верен ленинградскому «Зениту».

Обычно игроки одинаковы по темпераменту и в жизни и на поле. Леонид был не такой. Добродушный и даже флегматичный в гражданском костюме, в спортивном он преображался в энергичного воинственного властителя. За обедом или на прогулке он с мягким юмором отражал любые насюки друзей. Но на поле не щадил ни себя, ни партнеров, когда «Зениту» или сборной команде угрожала опасность.

Из ворот, как правило, Леонид выходить не любил, зато непосредственно на их линии часто творил чудеса. Реакция его на мяч была удивительной, только один Михаил Пираев впоследствии мог бы потягаться с ленинградцем. Никита Симонян до сих пор с восхищением вспоминает такой случай. Однажды группа спартаковцев проходила мимо кур. Пираев на спор мгновенно схватил в каждую руку по курице, тогда как остальные тщетно гонялись за ними с вытянутыми руками. Иванов ловил мячи, как бог. Бывало, противник почти рядом. Удар. Гол - хватаются за головы болельщики. Нет, смотришь, мяч прилип к груди лежащего вратаря. В этой хватке намертво заключалась особенность техники Леонида. Он редко отбивал мяч руками и ногами. Сергей Сальников, игравший с ним в «Зените» два года, не мог вспомнить случая, когда бы мяч вырвался из рук или отскочил от груди Иванова.

- Если бы не Леонид, - говорил мне Сергей, - «Зенит» не выиграл бы финал кубка в сорок четвертом году. Это только он сумел тогда отбить удары Григория Ивановича Федотова и других из «могучей кучки» ЦДКА.

Застиранный серый свитер и полинялую кепку Иванова до сих пор с гордостью вспоминают ленинградские болельщики. Леонид, как и многие спортсмены, верил в приметы и не расстался до конца выступлений со старыми боевыми доспехами.

Великая привязанность к футболу, неумность в тренировках позволили Иванову долго удерживать высокую спортивную форму. Он простоял в воротах «Зенита» до 1956 года, справил в этом клубе свое тридцатипятилетие.

Один из его тренеров так отозвался о знаменитом вратаре:

- Он любил поддавать жару форвардам на тренировках, но и на себе синяков не считал.

Сейчас Леонид Иванов живет в Ленинграде, работает в автотранспорте и по вечерам тренирует юношескую группу ленинградских вратарей. Он по-прежнему кряжист и здоров и бьет по мячу преимущественно с левой ноги, «по-ивановски».

В мире искусства обычно все знают друг друга. Еще больше все и обо всем осведомлены в футболе. Сотни тысяч болельщиков разносят по Советскому Союзу свои впечатления об игроках, распускают всякие слухи.

В 1940 году молодой вратарек из Днепропетровска Алексей Леонтьев прослышал, будто в кулуарах московского «Спартака» поинтересовались его персоной. Действительно, один из украинских тренеров вскользь обмолвился о его способностях. Но ведь надежды внушают сотни, а Москва привечает единицы.

Очень удивился тренер московского «Спартака» Петр Герасимович Попов, когда лютым январем к нему домой заявился с фанерным чемоданчиком, в кепочке почти без козырька, чуть выше среднего роста паренек с ангельским личиком. Он, видите ли, мечтает занять место Жмелькова!

«Милый, милый, смешной дуралей, ну куда, куда ты гонишься», - думаю, я, слушая Попова по телефону и говорю в трубку:

- Ладно, вези сюда этого наследного принца.

И вот они в Малом Гавриковом переулке, где тогда помещался спартаковский штаб. Здесь под рукой оказались Виктор Семенов, Андрей Старостин, Владимир Степанов и еще несколько игроков в отличном расположении духа после удачного сезона. Они с ликованием приняли предложение проверить в гимнастическом зале на улице Воровского способности прыткого провинциала.

И вот юноша с горящими от волнения глазами у обозначенных на стене ворот. По бокам для бросков уложены маты. В пятнадцати метрах Семенов, Степанов и Андрей с их многопудовыми ударами. В действии три мяча, с особой силой и свистом отрывающиеся от деревянного пола.

Через пять минут «кронпринц» взмок, но геройски старается парировать каждый удар. Через десять ему предложили передышку - он отказался. Через пятнадцать минут Филиппов остановил бомбежку. Едва передохнув, парень снова в боевой стойке. Чемпионы хохочут, но в их смехе - нотки уважения.

- Жестокою проверочку вы ему учинили, - говорю я.

- Жесткую, - поправляет Филиппов. - Нашего брата вратаря именно так испытывать и полагается. Сразу характер узнаешь.

- По духу-то он спартаковец, - вытирая с лица пот, бросает Степанов.

- И спартанец, - в тон замечаю я. - Посмотрите, как все в нем просто и скромно.

Вступительный экзамен продолжается, новичок получает добро за мужество и, представьте, недурную технику. Здесь же, как на новгородском вече, в открытую он объявляется московским спартаковцем.

Алексей был рад. Казалось, все страшное позади. Но футбол - жестокий бог, он не раз испытывал своих жрецов. Помню, как в первом товарищеском матче на весеннем сборе в Одессе Леонтьев из-за желания блеснуть проигрывает контрольную игру. После хорошей встряски в раздевалке молодой вратарь всю дорогу до санатория прятал рыдания. Таковы футбольные университеты. Но мы тогда не ошиблись в Алексее. Десять лет рыцарски отстоял он в воротах «Спартака».

Лежал Леонтьев и на ременных ляжках с поврежденным позвоночником, после того как отстоял в воротах в победных финалах кубка 1946 - 1947 годов. Он и сейчас по-прежнему храбр. В еженедельнике «Футбол» в своих обозрениях Леонтьев не всех гладит по шерстке: бойцовский характер помог ему «к штыку приравнять перо».

Другой знаменитый послевоенный вратарь Алексей Хомич во многих ситуациях действовал так же, как Леонтьев.

Слава Хомича прокатилась по всей Европе после его сверкающей игры в Англии в 1945 году, которая заставила поволноваться спокойных и квалифицированных английских зрителей. Оттуда, с родины футбола, привез Алексей Петрович на всю жизнь прилепившуюся к нему кличку «тигр». Хоть и примелькалось прозвище, а оно точно передает своеобразие этого спортсмена: сила, ловкость, гибкость видны в каждом его движении, в чуть заметной сутулости, в переливающихся под футболкой рельефных мышцах. Среднего роста, Хомич способен, лишь раз оттолкнувшись ногами, пролететь по воздуху от центра ворот почти до любой штанги. И все это с завидной ловкостью и мягкостью: пролететь, приземлиться и сразу же молниеносно, по-кошачьи, оказаться на ногах. Я говорю это все в настоящем времени, потому что совсем недавно видел 47-летнего Алексея Петровича в игре ветеранов. Видел и думал: «Тигр, действительно тигр».

- Такой не струсит, - делюсь впечатлением со своим соседом, именитым соратником вратаря.

Тот усмехается.

- Хотите, расскажу, как однажды наш Алексей Петрович перепугался?

И рассказал доподлинную историю: «Хомич был настолько популярен в Англии, что на заключительном банкете в Лондоне отцы города захотели его услышать. Речь на таком собрании казалась труднее недавнего поединка с самим Лоутоном. И «тигр», тогда совсем молодой, оробел. Да и усталый был, по правде сказать, как и мы все: и от игры и от массы впечатлений. Где мы только не побывали - в Тауэре, в Вестминстерском аббатстве, в театрах, в кино (специально пошли посмотреть «Леди Гамильтон»).

Алексей начал от выступления отказываться: не могу, не умею. А ему говорят: «Да ты только начни. Скажи, как принято: «Леди и джентльмены», а дальше тебя наш переводчик выручит. В конце поблагодаришь по-английски за внимание и прием...»

И вот лорд-мэр предоставляет слово герою футбольных баталий. В зале тишина. Дамы особенно внимательно разглядывают сенсацию недели. Алексей встает, расправляет плечи, откашливается:

- Леди и Гамильтоны, - громко начинает он...

Мы обмерли. Но англичане, великие знатоки юмора, оценили оговорку. Смех и аплодисменты прервали оратора. Дальше все пошло как по маслу. Вот уж подлинно - если повезет, то и палка выстрелит.

- Ты нарочно так удачно брякнул? - спрашиваю у Алексея потом.

- Да что ты! Просто волновался очень, а тут еще этот фильм, да эти дамы в бриллиантах и декольте...»

Да, с кем в жизни не бывает курьезов! Помню, как я сам однажды опростоволосился. Это случилось на спектакле «Младость» в студии Художественного театра. После победного, но напряженного матча сборной Москвы меня с женой привез туда наш друг Михаил Михайлович Яншин.

Пьеса оказалась чувствительной, я был молод, да и нервы еще не успокоились после матча.

На сцене трагический момент. Умирает за кулисами отец большой семьи. С ним мать и доктор, а убитая горем жена с детьми на наших глазах в столовой ждут. Приоткрывается дверь, и бабушка тихо произносит:

- Просит сам-то Васю...

- Кого? - шепотом переспрашивают на сцене.

- Васю! - кричу я из зала.

Жена судорожно вцепилась в мой рукав, но поздно... Я не знал, куда деваться от смущения. Но Яншин потом меня утешил. Оказывается, редко «Младость» шла без такой подсказки из зала.

И сейчас еще кое-кто из актеров, когда я пытаюсь умерить их болельщицкий пыл, переходят в контратаку и разят меня фразой:

- А Васю в «Младости» помните?

И я сдаюсь.

Как-то встретил я под трибунами в Лужниках Алексея Петровича с целым набором фотоаппаратов. Вначале, конечно: «Как дела, как здоровье?» - «Все в порядке», - отвечает.

- Ты что ж, одним фото занимаешься?

- Нет, я кончил инфизкульт, работаю тренером в райсовете «Динамо», но без «Контакса» жить не могу. Стоишь сзади ворот и вроде сам играешь.

Ох, как знакома эта щемящая тоска каждому спортсмену в отставке! Попадешь на футбольное поле и с неизъяснимым волнением разглядываешь траву на том куске земли, где когда-то так уверенно носили тебя молодые ноги...

Сменил Хомича в воротах «Динамо» в начале пятидесятых годов Лев Яшин.

Лев Яшин! Сейчас это имя известно всему футбольному миру. Золотыми медалями награжден он за победу на Олимпийских играх в Мельбурне, выигрыш Кубка Европы в 1960 году и за динамовские триумфы в чемпионатах страны. В 1963 году ему был присвоен почетный титул лучшего футболиста Европы. Он заслужил его по праву.

Техника Яшина виртуозна и разнообразна. Он на «ты» с любым мячом, летит ли тот под штангу или скользит по земле. Яшин не страшится ближнего боя, он непробиваем и с дальних дистанций. Яшин высок ростом (184 см), подвижен и гибок, отлично физически развит, быстр и, главное, бесстрашен. Его удары ногами сильны и точны, вбрасывания руками внезапны и далеки.

Можно встретить совокупность таких достоинств и у других вратарей, но нет у них так сильно развитого шестого чувства - интуиции, которая помогает синхронно мыслить и творить. Яшин, как говорится, рожден вратарем, хотя его карьера вначале была усыпана больше терниями, чем розами. Жизнь потребовала от длинного и нескладного юноши громадных трудов для развития ловкости, силы и техники.

И вот он уже отражает удары так, будто форварды непрерывно ошибаются и бьют прямо в его руки. На самом деле все наоборот: не мяч находит вратаря, а он сам неумолимо возникает на пути мяча, в том месте ворот, куда направлен удар.

Как все спортсмены экстра-класса, Яшин достаточно самолюбив, но он никогда не играет для трибун. Что можно легко поймать, он и ловит просто. Никаких утрированных бросков, поз, жестов. Все скупое, деловитое и рациональное. Вот почему он чаще других вратарей на ногах, всегда в боевой стойке, всегда готов продолжать борьбу, не выключая себя из схваток ненужными падениями.

Мастерство его отшлифовано настолько, что позволяет ему как бы без особых усилий достигнуть того, на что другие вратари тратят уйму энергии и движений. Делается все на удивление своевременно даже там, где счет идет на десятые доли секунды.

Яшин тонко понимает стратегию футбола и, как всякий большой мастер, не переступает того порога, за которым кончается вдохновение и начинается трюкачество. Вот почему брать пример с Яшина сложно.

У некоторых вратарей есть склонность к эффектам, которых они стараются достичь за счет двух-трех разученных приемов. Как правило, это стремительные прыжки на любой мяч. Мяч, бывает, не требует падения, но если не упасть, то, чего доброго, не будет аплодисментов! Да и выбрать верное место в воротах куда труднее, чем совершить хорошо разученный феерический бросок, не всегда целесообразный, зато

очень зрелищный... А в результате - ошибки, а в итоге - голы, совершенно незаслуженно влетающие в сетку за спиной такого актера. Вот почему ныне столь часты вопли тренеров: «Все, что летит в девятку, пропусти, но возьми то, что идет тебе прямо в руки!»

Вратарь-позер сумеет, конечно, отразить за сезон три-четыре довольно трудных мяча, но пропустит куда больше из-за желания «поинтереснее» подать себя зрителям, из-за привычки действовать вычурно с помощью небольшого набора технических приемов. С каждым годом стоимость забитого мяча все возрастает и будет возрастать. Вот почему вратарь не имеет права рассчитывать на прощение.

Подражать Яшину - это значит играть просто, много работать, много думать, много искать.

В чем же особенности вратарской школы Яшина? Что он реформировал и почему мало у него последователей?

Яшин первым из всех вратарей мира начал организовывать контратаки своей команды. Начал это делать еще тогда, когда ни один из защитников даже и не помышлял о такой возможности, считая своей обязанностью лишь разрушать чужие атаки. В Европе утверждают, что приоритет игры по всей штрафной площадке остается за Планичкой. Пусть так, но Планичка покидал ворота, чтобы перехватывать и отбивать мячи. А Яшин не только предупреждает угрозы для своих ворот. Он, как минер, закладывает взрывчатку для атакующего натиска своих форвардов у ворот противника. Бывают случаи, когда Яшин играет даже за пределами штрафной площадки, там, где кончается вратарское право на игру руками. И тогда он действует ногами или отлично пользуется ударами головой.

Яшину под сорок. Возраст, естественно, отразился на его игре. Она несколько утратила живость, страстность, зато приобрела важное качество: чем значительнее встреча, тем надежнее играет маститый вратарь. Природа этого явления ясна: ответственность горячит кровь, возбуждает нервы, придает азарт, а опыт помогает выходить из критических ситуаций.

За последнее время в советской вратарской школе определились три направления. Первое - классическое. Его отличает строгая, простая, надежная игра, основанная на расчете, высокой технике и тонком понимании футбола. Второе направление можно назвать характерным, если пользоваться хореографической терминологией, в нем больше эмоций, но меньше расчета: он заменен интуицией и риском. И наконец, третья струя - виртуозная. Здесь чувствуют себя в своей стихии вратари с прекрасными акробатическими способностями и удалью в характере.

Это деление, конечно, условно, так как общая школа больше роднит наших вратарей, нежели названные особенности разделяют. Разнообразие творческих манер лишь подтверждает высокий уровень нашего вратарского мастерства. Ведь недаром в любой стране без ошибок узнают представителей советской школы игры. Там всегда тепло встречают преемников Льва Яшина. В первую очередь к ним относится Анзор Кавазашвили.

Он родился в Грузии, первые азы вратарской науки познал в юношеской команде тбилисского «Динамо», где любят эффектный, каскадный футбол. В семнадцать лет был уже крупным и сильным юношей, стремящимся к футбольной славе. Однако тренеры тбилисского «Динамо» не торопились включать Анзора даже в дубль своей команды.

Мечты о месте вратаря в основном составе были явно несбыточными. В воротах команды царствовал Владимир Маргания, через несколько лет трагически погибший в автомобильной катастрофе. Анзору, следовательно, нужно было совершенствоваться и ждать. Второго он не пожелал, зная, как трудно оказаться пророком в своем отечестве.

И вот осенью 1958 года на подмосковной базе «Спартака» внезапно появился грузин, с акцентом объясняющийся на русском языке. Он хочет «всего-навсего» места в воротах лидера чемпионата и владельца Кубка страны. Руководители «Спартака» советуют ему возвратиться домой, убеждают, что и в других столичных командах он по молодости лет вряд ли найдет пристанище. Юноша отрицательно качает головой.

- Звать будут, не вернусь. Я еще докажу...

И ведь доказал!.. Но на это понадобилось добрых пять лет.

Его приютили проницательные тренеры «Торпедо». Через год Анзор пробился в ворота дублирующего состава, а затем «не прошел по конкурсу» из-за другого приезжего - ладно скроенного и крепко сшитого уральского парня Владимира Глухотко.

Я следил за карьерой Кавазашвили и боялся, что южный темперамент помешает упорному спортсмену взобраться на футбольный Олимп. Уж слишком горячо и рискованно он действовал на поле. Такая игра часто дает осечки.

Но вот Глухотко и еще пять основных игроков покидают команду, и Анзор наконец занимает место в воротах явно ослабленного «Торпедо».

Кавазашвили заиграл уверенно и страстно, как-то сразу сменил ненужный риск на смелость и расчет. Минуло два сезона, и Анзор заслуженно был включен в первую сборную страны. Сам Лев Яшин вынужден все чаще уступать место в воротах сборной своему молодому напарнику.

А сколько, казалось бы, неотразимых голов отвел от ворот «Торпедо»! Тбилисские футбольные наставники рады бы вернуть своего воспитанника, но Кавазашвили был верен своему слову: «Звать будут - не поеду».

Сейчас Анзору 27 лет. При росте 176 сантиметров, он широкоплеч и по-настоящему силен, весит 80 килограммов.

Длительное пребывание в сборной повлияло на его стиль. Анзор, правда, не стал классиком, но и трюкачество оставил. Сейчас его правильнее всего отнести к характерному направлению.

Считают, что ориентация в творчестве вратаря во многом зависит от фигуры. Очень высокий, с длинными руками Яшин может, мол, в спокойном броске достать далекий мяч. Кавазашвили для броска на такое же расстояние нужны куда более резкие движения и особый подхлест корпусом. Алексею Хомичу (172 см) и того больше требовалось экспрессии на преодоление дальних полетов. Отсюда-де разница в стиле.

Доля истины в этом есть, но каждый из выдающихся вратарей достигал успеха на своем собственном коньке. Один не недостаток роста компенсировал резкостью, другой нехватку в стремительности покрывал длиной корпуса и рук.

Последние восемь лет Кавазашвили живет в Москве, но манера игры сразу выдает в нем южанина. Дождаться чужих ошибок он не может и не хочет. Он, как сейсмограф, реагирует на всякую голевую обстановку у ворот, стараясь в зародыше погасить малейшую опасность. Если удача сопутствует его дерзостным стремлениям, он покоряет зрителей и приносит победы. Вот почему накануне первенства мира репутация Анзора была в зените.

Хорошо играл в это время и Виктор Банников. Стройный (180 см) и изящный, он, по мнению своих украинских почитателей, вполне годился на звание «мистера мира» среди вратарей всех стран.

Орлиная внешность подкреплена на этот раз суровым характером футбольного борца. Банников чтит каноны вратарского искусства одинаково с Яшиным: он также за простоту и экономичность, хотя от природы награжден более динамичной и гибкой фигурой. Ведь не зря свой путь в спорте он начал с прыжков в высоту и перелетал планку, поднятую на 190 сантиметров.

Годы, потраченные на легкую атлетику, принесли ему завидную прыгучесть и взрывную реакцию. Но отняли время, необходимое для закалки нервов. Нельзя получить высшее образование, не пройдя университетского курса. Невозможно обрести психологическую закалку, оставаясь в стороне от высших испытаний.

Существует германский обычай - вбивать в деревянные памятники железные гвозди, укреплять непрочное дерево металлом. Каждый международный матч - такой гвоздь. Потому так крепка воля Яшина. На целых двенадцать лет больше участвует он в схватке гигантов. Испытаний такого масштаба недостает Банникову, хотя по другим статьям футбола у него все отлично. Вспомним хотя бы его вдохновенную игру в полуфинале кубка 1964 года против московского «Спартака» в Лужниках. Разве он не один из главных героев этой битвы, принесший киевлянам вторично почетный приз?

Очевидцы помнят, как Виктор отразил казавшиеся необратимыми удары, когда «Спартак», стремясь уйти от поражения при счете 2:3, всей командой пошел в наступление. Поддерживаемые сотней тысяч москвичей, спартаковцы обрушили на соперников отчаяние и ярость. Киевляне устояли прежде всего потому, что не дрогнули их вратарь.

Правда, по волевому накалу матча на мировое первенство куда сложнее и ответственнее даже самой напряженной кубковой игры у себя дома. Взять Москву - здесь все знакомое, все свое. За рубежом - все чужое, незнакомое: город, нравы, люди, обычаи трибун и сами игроки противника. О, как дорого стоят здесь яшинские уравновешенность и опыт! Опыт, подкрепленный не только былыми подвигами, но и когда-то случавшимися провалами. Что правда, то правда: за битого двух небитых дают.

Конечно, к началу сражений на Кубок Жюля Рима и Банников нахватал немало синяков. Но все-таки яшинской стойкости ему пока недостает. Правда, это дело наживное. Придет такая психологическая зрелость и к нему.

Киевлянин талантлив, а будет ли творцом? По характеру Виктор романтик и склонен к уединению. Это мешает ему командовать на поле, ставит в зависимое положение от защитников. Партнеры его любят, но мало слушаются. Дружная игра у них получается только в тех случаях, когда все серьезно боятся противников. Первенство мира в этом отношении дало благие и незабываемые уроки.

Нельзя не сказать еще об одном интереснейшем нашем вратаре, входившем в число кандидатов на поездку в Англию, - Владимире Маслаченко.

Он вырос в Кривом Роге на Украине. Как во всех промышленных городах, футбол там любимое зрелище. Молва о криворожском вратаре сначала достигла Днепропетровска, а затем докатилась до Москвы: с 1957 года Маслаченко в воротах московского «Локомотива».

Новичок сразу стал притчей во языцех. Он больше походил на лондонского денди, чем на украинского парубка, как следовало бы ожидать. Ломали голову - где нахватался всего этого парень? Кого брал за образец? Было в нем что-то от Бориса Разинского, но чувствовалось, что дарование Маслаченко глубже и содержательнее. Там, где Разинский опирался на мощь и темперамент, у Маслаченко бросалась в глаза отточенная техника.

Прошел сезон, и Владимир - первый соперник Льва Яшина. Мало того, он признанный вожак нового направления в советской школе вратарей. Направления акробатического, игры подчеркнута эффектной, где не только удача, но и промахи окрашены очень яркими красками. Что-то есть у Маслаченко и его последователей от столь модных ныне мимистов.

Но вместе с тем Маслаченко, как, скажем, и Марсель Марсо, абсолютно не ломака. Трудно найти более вдумчивого и преданного футболу молодого человека.

Пока он играл в «Локомотиве», меня тоже иногда смущала претенциозность его одежды, но за пять лет, прожитых вместе в «Спартаке», я убедился, что человек он настоящий, принципиальный, натура широкая.

Вот почему у него столько последователей из вратарской среды. Им импонируют его манеры на поле и в быту. Они копируют его походку, рукопожатие, костюмы. А тут еще такие успехи... Апогей был достигнут в 1962 году. Но судьба устроила ему западню. По дороге в Чили, выступая за сборную на острове Кюрасао, Владимир получает перелом челюсти. Тяжелое повреждение лица обычно каждого выбивает надолго из строя. Тем более трудно вратарям. Вспомните, как часто кидается вратарь лицом вперед прямо на занесенную для удара чужую ногу.

Маслаченко же скоро вернулся на поле. Изобретая методы страховки, он к тому же отработал непревзойденную технику игры кулаком. Постепенно, с возрастом, исчезла и вычурность. Это сразу отразилось и на игре его последователей. Акробатика стала у них не самоцелью, а средством к совершенству.

А не сотрутся ли в конце концов грани между манерами игры Яшина и Маслаченко?

Нет, они художники разных направлений, с собственным вкусом к игре в воротах, с различными взглядами на будущее футбола. Пусть доказывают, что лучше. От этого только польза советскому спорту.

Заканчивая главу, хочу сказать еще об остром моменте футбольного зрелища. Вы, конечно, догадываетесь, что речь пойдет об одиннадцатиметровом штрафном ударе.

Обычно не вратарь виновник катастрофы. Но он единственный, кто может ее предотвратить. Он последняя надежда команды, он главный из двух действующих лиц. И в какое же невыгодное положение он поставлен!

Вратарь прикован до удара к месту. Он напоминает промахнувшегося дуэлянта, стоящего под чужим заряженным пистолетом. Мука длится до свистка. Дальше все как в кино: мелькание рук, ног и тела вратаря, согнутая под острым углом фигура форварда, трассирующий мяч и наконец извержение трибун. По первой звуковой волне ясен исход поединка. Ликующий рев - гол. Овации - победил вратарь. Свист - мяч пробит мимо.

Одиннадцатиметровый удар вызывает жгучий интерес. Оно и понятно. Ведь пенальти - это сфинкс. Кому он улыбается - не торопитесь решать. Правда, лицом он повернут к форварду. Когда тот бьет, ему никто не мешает, никто не торопит - целься на выбор, перед тобой целых восемнадцать квадратных метров уязвимой площади ворот. А мячу нужно в четыреста раз меньше места, чтобы проскользнуть в сетку.

Но пусть не обольщается форвард: в воротах - чужой вратарь. Чуть-чуть самоуспокоенности или, наоборот, нервозности - и расплата неминуема. Мы знаем, что бывает, если нападающий пустит мяч в руки вратарю или мимо ворот.

А ведь забить пенальти-кик совсем не так просто.

Ударить ли сразу или потянуть время, поиграть на нервах вратаря? Подрезать мяч или, не мудрствуя лукаво, с прямого подъема сильно пробить в угол? Где избрать щель - вверху или внизу?

Мне возразят: теоретически доказано, что отразить удар средней силы в пятидесяти-семидесяти сантиметрах от штанги вратарь не успевает. Верно. Но когда перед пенальтистом такие кудесники, как Лев Яшин, Анзор Кавазашвили или богатырь Рамаз Урушадзе, то у исполнителя создается впечатление, что мяч можно забить только в самый угол. Подмывает ударить вопреки к штанге, и - на тебе! - промах.

Из-за таких казусов в 1965 году треть мячей, пробитых с пенальти, не попала в цель. А разве в 1964 году «Торпедо» не упустило в известной мере золотые медали из-за того, что удар Валентина Иванова в матче с киевским «Динамо» отразил Виктор Банников? В итоге - потеря драгоценного очка и ничья, уравнившая положение «Торпедо» и еще одного лидера - тбилисского «Динамо». Переигровка между ними закончилась победой тбилисцев, ставших чемпионами. Думаю, что в злополучной неудаче чемпиона немалую роль сыграла очень высокая в тот сезон репутация украинского вратаря, заставившая торпедовца нервничать.

И вместе с тем в 1938 - 1939 годах Жмельков отразил все до одного пенальти в ворота «Спартака», а Георгий Глазков забил подряд двадцать девять одиннадцатиметровых.

Вот еще блестящий исполнитель одиннадцатиметрового удара - Сергей Сальников. Все при нем: мощный удар, техника, опыт, самообладание.

Ставит мяч на отметку. В воротах напротив Лев Яшин. Впиваются глазами друг в друга. Каждый тшится разгадать замысел другого. Вдруг Сергей направляется к судье и что-то говорит. В чем дело - непонятно ни нам, ни зрителям. Свисток, удар в угол, Яшин с блеском отбивает мяч. Вот тебе и формула: вратарь не может успеть!.. Теоретически - нет, а практически - да.

Но что это? Судья снова показывает на пятно, откуда только что бил Сальников. Перебить! Вратарь чуть раньше удара сорвался с места, отгадав маневр форварда. Но какой молодец судья, не дал себя перехитрить. Второй удар, мяч в том же углу, но на этот раз - в воротах...

Потом выясняется: Сергей тоже не промах, он знал повадки Яшина, играл с ним вместе в «Динамо» и просил судью последить, как бы вратарь до удара не принял старт.

А вот тот же Сальников бьет пенальти в игре с ЦСКА. В воротах Разинский, сильный игрок, но все же рангом ниже Яшина. Мяч попадает в верхнюю штангу, гола нет. Игра, правда, выиграна (2:0) и без этого пенальти, но уязвлено самолюбие пенальтиста. На разборе игры, через день, Сергей взрывается:

- Больше кики не бью!

- Почему?

- Не желаю, чтобы жена на трибунах в обморок падала!

Хохот. Но оратора понесло:

- Сам две ночи не спал. Забьешь, все считают - положено. Смажешь - проклинают. Кончено, не бью...

И не бил целый месяц. Шлифовать этот удар перестал. Держался до тех пор, пока судья не присудил в пользу «Спартака» такую награду снова.

Еще колоритная фигура - Станислав Леута. Опытнейший футбольный волк. Мастерство фундаментальное, выдержка железная.

Матч трех городов в Харькове. Играют Москва - Ленинград. Ничья не устраивает. За десять минут до конца при счете 1:2 сбивают москвича. Пенальти-кик в ворота Ленинграда. Штатный исполнитель в нашей сборной - Станислав.

И вдруг он идет ко мне и мямлит:

- Пусть другой кто-нибудь...

А Василий Смирнов рядом:

- Дайте я.

Обязанности капитана заставляют решать.

- Леута! Возьми себя в руки и бей!

Станислав бьет и - в боковую штангу. Матч проигран...

Мне и самому представлялась возможность узнать характер сфинкса.

Принципиальное сражение между «Пищевиком» и «Трехгоркой». 1:1, и меня укладывают в чужой штрафной. Думаю: к черту просьбы, забью сам. Вздуродержанный, ставлю мяч, гляжу - и не нахожу места, куда бить. Ворота представляются заполненными могучей фигурой вратаря, его длиннейшими руками и ногами. Зияют, правда, дырочки по углам, но разве туда угодишь? Взяла меня оторопь. «Вспомнил тут Казбич своего Каракеза»... Хоть снова обращайся к Леуте. Да отступать поздно. Разбегаюсь и со всей силы бью гвоздем, стараясь не попасть во вратаря. Гол, но чисто случайный.

Первый и последний раз бил я штрафной. Понял - не моя это стихия. Видимо, к подобному выводу пришли позже такие мастера, как Петр Исаков, Григорий Федотов, Никита Симонян, Александр Пономарев. Здесь нужно особое призвание.

А вот как обернулось один раз дело с пенальти-киком у паладинов футбольных полей - ленинградцев, впоследствии первых заслуженных мастеров спорта Павла Васильевича Батырева и Михаила Павловича Бутусова.

Играли в конце двадцатых годов в Ленинграде сборные Москвы и хозяев поля. При счете 1:0 в пользу москвичей в их ворота назначается одиннадцатиметровый. Бить идет Батырев. Долго готовится и резаным ударом правой ногой бьет под левую руку вратарю. Вратарь отбивает мяч на угловой.

Проходит время. Борьба горячая. И вдруг второй пенальти-кик в ворота Москвы. Мяч на отметке. Батырев направляется туда, но на полдороге его перехватывает Бутусов:

- погоди, опять ты перехитришь самого себя. Дай-ка я, и стопроцентно.

Павел с улыбкой:

- Пожалуйста!

Бутусов, лучший в те времена канонир, разбегаются, бьет - и мяч сильно летит мимо ворот. В итоге победа Москвы... А ведь и опыта у обоих было достаточно и характеры стальные. Значит, не тут собака зарыта. Нужно немало пота пролить на тренировках, десятки раз подряд бить пенальти каждый день. Так работал над этим ударом Георгий Глазков.

Поэтому с почтением смотрите на тех, кто бьет одиннадцатиметровые. Устраивайте овации и вратарям: отразить пенальти - почти всегда подвиг. Без таланта в это единоборство лучше не вступать ни разящему, ни отражающему. И нет ничего зазорного или непонятного в том, что даже одаренные футболисты не всегда соглашаются на роль пенальтистов.

А у вратаря выбора нет: хочешь не хочешь, защищай ворота, заменить тебя некому. Поэтому и работает вратарь больше всех. Когда он уходит с тренировки, на нем пыли и пота как на шахтере.

Меньшая физическая нагрузка в игре оплачивается огромным трудом на тренировках. Там перед ним пять форвардов и пять мячей. На каждый удар, на каждый полет мяча он реагирует непрерывными бросками и прыжками, затрачивая огромную энергию. Уже через пятнадцать минут вратарь мокрый как мышь. Короткая передышка, и все начинается снова.

Только нагрузка в боксе - самом тяжелом виде спорта - сходна с той, что достается на долю вратаря. Но это и вселяет в него уверенность. Смотрите, как отважно кидается он в ноги прорвавшемуся удалцу, замахнувшемуся для удара! Обратите внимание, как собранно, без страха, противостоит он сопернику во время пенальти!..

Конечно, распространенное мнение о том, что пенальти почти всегда заканчивается голом, в известной мере снимает с вратаря ответственность за исход. Ему заведомо прощен проигрыш в этой дуэли. Поэтому на душе у него легко: взял - молодец, не взял - не его вина. Этот психологический комфорт стоит многого.

Как-то разговорился я с Леонтьевым.

- Алексей Иванович, сколько одиннадцатиметровых взял ты в своей жизни?

Он мечтательно начинает считать по пальцам. Чувствую, вспоминает эти мячи как своих лучших друзей.

- По-моему, одиннадцать.

- Столько же, сколько Жмельков?

- Кажется, да, - улыбается Леонтьев. - Только тот подряд, а я в разное время.

- Какой самый знаменательный?

- Тот, где пришлось действовать дуплетом.

- ?!

- Это было в Тбилиси, в сорок седьмом году. Назначили пенальти. Свисток. Парирую хлесткий удар, по-моему, Панюкова. К мячу кидаются свои и чужие. Первым успевает кто-то из тбилисцев. Хлоп, но я в свалке намертво ловлю мяч на грудь.

- Второй удар - это удача и техника. А как ты разгадал Панюкова?

- У меня был метод. Я пристально смотрел в глаза бьющему и слегка улыбался. Насквозь, дескать, вижу твои замыслы. Если тот глаза опускал - значит, дрогнул, теперь ему не до точности.

- Часто тебе удавался такой гипноз?

- Не часто, но бывало.

- Ты перенял это у Жмелькова?

- Нет, у того был другой прием. Владислав слегка отступал к сетке и одновременно с ударом делал шаг вперед. И бьющего этим смущал, и прыжок получался не с места, а с ходу.

Дальше разговор пошел о том, почему ФИФА все больше отбирает права у вратарей. Запретили вначале двигаться до удара; потом не разрешили движения корпусом; теперь обязывают стоять неподвижно на линии в самом центре ворот, а у того, кто бьет, остаются прежние льготы. Не свидетельствует ли это о том, что вратари всего мира начали сводить на нет теоретическую стопроцентность пенальти? Может быть, определенную роль играет и то, что вратари всегда - самые сильные, рослые и складные ребята в команде.

Алексей Иванович польщен.

- Так-то оно так, - говорит он, - но, как все красивые дети, доставляем мы своей матушке ФИФА хлопоты.

И ведь верно. Позволь вратарям отражать много пенальти, рухнет на пути к грубости самая надежная преграда. И ФИФА постепенно лишает вратарей равноправия в схватке. Вот почему вратарь прикован к месту, как Прометей к скале.

Не то было пятьдесят лет назад. Во второй команде РГО (Русское гимнастическое общество), где я тогда подвизался, играл лихой вратарь Никольский. Он отражал пенальти так: свисток - наш вратарь стремительно мчит на форварда. Тот впопыхах бьет, и чаще всего в Никольского.

Не особенно боялись тогда наши защитники грубить: каждый второй пенальти Никольский отражал.

Работал он в уголовном розыске, приходил на стадион с оружием. Револьвер в раздевалке оставлять опасался и на глазах противников заботливо укладывал его в угол своих ворот. При теперешних капроновых сетках это была бы ненадежная кладовая, но тогда ворота были затянуты металлической кольчугой, она гулко звенела от каждого хорошего удара, и через нее не мог пробраться ни один пронырливый мальчишка. Ребяшня тогда облепляла сетку, как мухи липучку.

Что же помогает вратарям отражать пенальти-кик даже сейчас, когда их заставили неподвижно стоять против бьющего?

- Скажи, Алексей Иванович, - докапывался я до корня в разговоре с Леонтьевым, - а ты не становился тогда фаталистом: чему, мол, быть, того не миновать? Или сидел в тебе бес сопротивления?

- Всегда рассчитывал только на свою спортивную злость. В душе не копался. Ну, вы же знаете, в воротах я всегда был зол, будто камышовый кот. Это здорово помогало...

По-другому свое душевное состояние описывал мне Всеволод Виноградов, в свое время отличный вратарь команды московского «Торпедо». Свои ворота казались ему необъятными. Поддерживало уверенность лишь убеждение, что тому, кто бьет, эти же ворота чудятся маленькой калиткой.

Владас Тучкус («Спартак»), с которого можно было смело лепить Давида, на тренировках сам много бил пенальти. Он утверждал, что преследует две цели: первая - знать психологию бьющих и второе -

самому хотелось стать пенальтистом. Каждому приятно забить гол. И Владасу иногда доверяли одиннадцатиметровые в играх. Его мечтой было в одном решающем матче вначале отразить пенальти-кик в свои ворота, а потом забить победный гол с одиннадцатиметрового в чужие. Порознь он этого добивался, но сделать дубль в одной игре ему не пришлось.

Интересно, что только вратари могут мечтать об этом. Ни одному полевому игроку не под силу всерьез рассчитывать отразить пенальти. Эта двойственная роль очень трудна. Вот какой любопытный эпизод произошел с вратарем-пенальтистом.

Играли в Вешняках под Москвой. Пенальти в чужие ворота отправился бить вратарь. Нанес удар, но голкипер противника отбил, и сразу мячом завладел его хавбек. Последовала передача вперед крайнему нападающему. За ним погнались защитники, а злополучный вратарь, смазавший пенальти, по прямой кинулся к своим штангам. Преследуемый форвард ударил по пустым воротам. Как сейчас помню, погода была мокрая, вратарь догнал мяч на самой линии ворот, но так устал, пробежав во весь дух почти сто метров, что прямо с мячом въехал по грязи в свой дом.

Так пенальти, назначенный в одну сторону, окончился голом в другую.

Да, сильно шагнуло вперед вратарское искусство. Глядя на теперешних вратарей, невольно приравниваешь их к выдающимся артистам цирка. В тридцатых годах знаменитый австрийский вратарь Хиден после конфликта с ФИФА выступал в цирке. Номер его был прост. На арене устанавливали футбольные ворота, и каждому предоставлялось право забить Хидену пенальти. Охотников набиралось столько, что, дай волю, весь вечер на арене только играли бы в футбол. Ходили слухи, что Хиден несколько сократил размеры ворот, но все равно номер пользовался неслыханным успехом. Хиден объездил с ним всю Европу, и счастливых, забивших ему мяч, иногда за все представление не оказывалось.

На поле, конечно, не то, что в цирке. Что ни говори, здесь ответственность больше.

Когда я спросил вратаря олимпийской сборной Владимира Лисицына, что он прежде всего делает перед одиннадцатиметровым, он ответил:

- Готовлюсь без страха сразиться. Мне терять нечего. Да еще прошу оставить без советов...

Ох, уж эти советы! Вратарь не играет на подсказках. Ему нельзя кричать: «Выбегай!.. Отступай!.. Выбивай!..» Каждый его поступок исходит от него самого, направляется собственной интуицией и порывом.

Вы крикнули своему партнеру защитнику: «Нападай!» Он напал и промахнулся. Тогда вы сами или ваш другой партнер, третий пришли на помощь и исправили положение. Но если вратарь ошибся, никто и ничто ему не поможет.

Я видел тренеров, которые, устроившись сзади ворот, командовали своими вратарями. Видел я и печальные последствия такого вмешательства. Помню, как подсказка даже умного и опытного наставника привела к потере почетного приза.

Осенью 1938 года «Спартак» приехал на полуфинал кубка в Ленинград. Его противником была отличная тогда команда местного «Динамо». В этой встрече мог определиться город, который будет владеть кубком, потому что другой участник финальной встречи уже был известен - ленинградский «Электрик».

На 89-й минуте счет был 0:0. Динамовец Киселев выбил руками мяч, летевший в пустые ворота. Пенальти был бесспорным. И вот Георгий Глазков один на один с динамовским вратарем Лихвинцевым. Вдруг со скамейки сзади ворот слышится спокойный, чуть ироничный голос тренера:

- Держи под правую руку, он бьет только туда.

Эти слова ясно слышат и вратарь, и Георгий Глазков, и все игроки, выстроившиеся за пределами штрафной площадки.

Жорж и правда всегда бил под правую руку вратарю. Лихвинцев сам отлично знал это.

И вот я вижу, как ленинградский вратарь смещается с центра ворот и занимает место ближе к правой штанге. Перед Глазковым альтернатива: «набитым» ударом пустить мяч в узкую щель или впервые польститься на пять свободных метров слева, ударить к другой штанге?

В недоумении и вратарь: если бы тренер свой совет прошептал ему на ухо, он, естественно, принял бы его за чистую монету. Но тут было больше похоже на то, что опытный мэтр хочет сбить с толку Глазкова.

«Он будет исполнять по-новому», - решает вратарь. Удар... Он кидается влево, а Глазков непоколебимо, только чуть сильнее обычного, бьет, как всегда, вправо.

Матч окончился со счетом 1:0, а затем «Спартак» выиграл и финал кубка.

Лучше не ставить перед вратарем дополнительные трудности в критические минуты. Сами события перегружают его нервную систему до отказа. Не прикасайтесь к нему - он в игре под током высокого напряжения!

3. ЗАЩИТНИКИ

Защитники прошлых лет. Стамбульский инцидент. Капитан. Рождение «тройки». Пятидесятники. Современники. Наши подвижные бастионы в Англии.

Зрители давно не видят причин восторгаться защитниками. Нападают они почти всегда двое на одного, и любой способ отобрать мяч представляется болельщикам закономерным. Раньше защитник нередко боролся один против двух форвардов, и его успех трибуны каждый раз встречали одобрительным гулом. Много удовольствия доставляли зрителям и часто возникавшие на поле соревнования в беге между форвардами и беками.

Правда, культура паса стояла тогда ниже, и это помогало защитникам. Но все же как разрушители они стояли выше сегодняшних стоперов, действовали без промедлений и отступлений.

Я вспоминаю беков двадцатых годов в сборной Москвы - Сергея Сысоева, Михаила Руцинского, Вячеслава Андреева.

В команде Замоскворецкого клуба спорта Сысоев играл справа и всегда стремительно шел на противника, зная, что партнеры его подстрахуют. Он был постарше нас, считался эрудитом, и мы звали его Сергеем Васильевичем даже в самых жарких схватках на поле. Может быть, потому, что он был с нами уважаем и обращался: «Александр, Михаил», а не то что: «Сашка, Мишка», как мы все друг друга величали.

Сысоев преподавал спортивные игры и носился с внедрением у нас баскетбола, тогда мало известного в нашей стране. Вместе с другими энтузиастами новой игры он переводил книжки о баскетболе, разыскивал подходящие площадки, ставил щиты с корзинами. Ходил Сысоев всегда озабоченный, и мы никогда не знали, явится он на игру или нет, но из чувства почтительности прощали ему пропуски.

Михаил Руцинский (СКЗ) обычно пласировался сзади партнеров. Не обладая высокой скоростью, он мастерски выбирал место и потрясаяще бил с обеих ног. Ему ничего не стоило пустить мяч на 70 - 80 метров.

Работал он фельдшером на заводе Ильича, ходил всегда спокойно, ставил по-утиному, как все футболисты, большие ступни крепких, слегка кривых ног. Смуглый, южного типа, широкоплечий, с гордой львиной головой и белозубой улыбкой, он чаще молчал, но был жизнерадостен и хохотал от души, раскатисто и громко. Все сердца невольно тянулись к нему. Звали мы все его за глаза «Руца».

Третий колоритный защитник сборной - Вячеслав Андреев из Орехова-Зуева. Старший брат его еще до революции играл центрального хавбека в знаменитой команде «морозовцев».

Беззаветно атаковать каждого, у кого мяч, - вот был девиз Вячеслава. Он никогда не грубил и не прятал ног в решающих схватках. Какая-то особая сноровка помогала Андрееву снимать мячи у лучших дриблеров тех лет. Думается, секрет заключался не только в уверенности защитника, но и в особой быстроте последнего усилия стопы. Вячеслав охотно применял подкаты. На отличном газоне поля в Орехове-Зуеве выработал он этот маневр, надолго потом забытый. Жесткие поля на других стадионах заставили Андреева подолгу лечить ободранные бедра и отвадили его последователей от этого радикального приема. Подкат вернулся в игру через тридцать лет, когда хорошие травяные покровы появились на всех крупных стадионах страны.

И мне, игравшему в разное время в сборной команде с каждым из этих трех беков, и зрителям тех лет очень нравилась их решительность, хотя часто им приходилось действовать в численном меньшинстве. Обычно хавбеки на защиту своих ворот не успевали. Команды играли по принципу: больше забить, а не меньше пропустить.

Еще складнее играли ленинградские защитники - Георгий Гостев из клуба «Коломяги» и Петр Ежов («Спорт»). По синхронности и блеску игры они долгие годы не знали себе равных. В Ленинграде Ежова и Гостева очень любили, им аплодировали не меньше, чем лучшим нападающим. Сейчас это звучит почти неправдоподобно. Защитников стало много, отличиться в толпе непросто. Тогда же не было никакой скученности на штрафной площадке: широкий простор для игры вперед на свободное место, рывки по 30 - 40 метров. Футбол не страдал еще очковой горячкой, а футболисты не боялись рисковать. Игра была зрелищной, результативной, и на трибунах год от году становилось все больше зрителей. Обилие почитателей способствовало росту новых талантов.

В 1924 году неожиданно триумфальным оказался дебют сборной команды Харькова. В ансамбле украинцев отлично выступали высокий, размеренный Николай Кротов и небольшой, стремительный Константин Фомин. Первый играл недолго, а второй вошел в состав сборной команды Советского Союза и почти десять лет считался сильнейшим левым защитником страны, выступая последние годы в московском «Динамо». Игру Фомина отличала особая скорость, резкость. Он всегда решительно шел в атаку.

По-другому действовали Павел Пчеликов (ОППВ - Опытно-показательная площадка Всевобуча, теперь ЦСКА) и Александр Старостин («Спартак»). К тому времени тактика нападающих стала прогрессивней. Форварды поняли, что выгоднее отдать мяч партнеру, чем рисковать потерять его в единоборстве с защитником. Неожиданные откиды мяча участились, и это потребовало от беков осмотристельности и маскировки своих намерений тогда, когда прямая атака запаздывала.

Александр Старостин внес новые принципы в игру защитника: самыми разнообразными способами вызывал он чужих нападающих на ошибки. Там, где не удавалось сбить противников с толку в технике, он хитро заставлял их грешить в тактике. Быстрота и разносторонность позволяли Александру с неизменным успехом многие годы выступать в сборной страны во всех разновидностях защитника, в зависимости от особенностей менявшихся партнеров. В паре с Ежовым он играл заднего бека, с Рущинским - переднего, с Пчеликовым - левого.

В 1922 году Александр выполнял роль центрального полузащитника в третьей команде «Красной Пресни», а потом вдруг скачок в первую команду на место защитника. От игры размеренной - к шквальной, от подыгрышей - к отбору. Наши противники утешались: «Скорость-то вроде не та». Но прикусили языки, когда увидели, как Александр приструнивал главных резвачей. В довершение всего на прикидке он отмерил 100 метров за 11,8 секунды. Для футболиста время и сейчас завидное. Тогда оно было выдающимся.

Прошел всего год, и Александр оказался уже в сборной, причем вне конкуренции. Как только нужно было прижать лучшего бомбардира, отряжали брата.

К 1928 году Александр вырос и возмужал: широкоплечий - рост 177 сантиметров, вес под 80 килограммов. Чуть подтолкнет, противник от мяча на метр отскакивает. Но играть грубо не любил. Технику на показ не выставлял, однако, когда требовалось, мог показать и здесь свое искусство.

У нас дома на Пресненском валу дневала и ночевала футбольная компания. Тут были Петр Артемьев, Петр Исаков, Валентин Прокофьев, Петр Попов и другие. Помню, объявили мы раз соревнование: поднять с земли лежащий неподвижно мяч одним движением голеностопного сустава и пронести его на ноге вперед. Бились все по очереди, но никто не смог выполнить условие. Александр подошел и сразу все это легко проделал. Мы удивились, а он посмеивался:

- Коли платить есть чем, технике подучу.

Замечательной была и его стабильность в игре. Всегда не только хорошо, но обязательно на пятерку. Его футбольную хитрость и смекалку отмечал тогдашний наставник сборной Михаил Степанович Козлов, говоря о нем так: «Не обведешь - не проведешь». Нервами он владел в совершенстве.

Казалось, никакие обстоятельства на поле не могут вывести его из себя, не заставят потерять рассудительность и логику. И все-таки однажды срыв произошел. Мы его называли «стамбульским инцидентом».

Впервые мы встретились с турками в 1924 году. Снегом и пятиградусным морозом удивила их Москва. Одетые в белую, с красной полосой на груди, традиционную форму, они дрожали от холода на разминке перед игрой. Боюсь, им мало помогали теплые перчатки и пушистые шерстяные шарфы.

Не легче бывало и нам в ответных визитах под палящим солнцем, на жестких, как асфальт, турецких полях. Обожженные солнцем ниже засученных рукавов руки, духота, жгучая пища, разница во времени - и станет понятно, как нелегко нам было в Турции, куда мы приехали в сентябре 1932 года, когда и произошел «инцидент».

Первая встреча окончилась 2:2. Через три дня - вторая. Поле - настоящий казарменный плац, ни травинки. Жестко, шипы продавливают подошвы. Мяч из-за такого грунта непослушен и капризен: высоко прыгает от земли, а чуть посильней тронешь ногой - отскакивает на два-три метра.

Перед началом матча в раздевалку пришли премьер-министр Турции Исмет Иненю и советский посол Яков Захарович Суриц. Оба любезно пожелали успеха.

Игра началась ураганно. Турки бросились в атаку, оголили тылы. Я прорвался по флангу, передал в центр, и Михаил Бутусов на первой минуте открыл счет. Гром с ясного неба распалил турок, они всей

командой ринулись на нас. Но уже в те годы надежна была наша защита: Александр Бабкин, Александр Старостин, Константин Фомин, Андрей Старостин, Федор Селин, Иван Привалов могли выстоять перед нападающими куда более сильными, чем турецкие. Однако поддержка зрителей - могучая сила. Борьба за инициативу привела к грубости. Страдать от этого в первую очередь начали форварды обеих сторон. Защитникам просто совмещать резкость с отбором мяча. Нашему брату-форварду такое не под силу. Перед нападающим альтернатива: либо грубить и потерять мяч, либо создать угрозу чужим воротам и забыть про обиду. Редко, очень редко кто из нас выбирает первое.

Не грубили советские форварды и тогда. Это не помешало левому турецкому защитнику Бурхану, здоровому, горячему парню, вместо борьбы за мяч откровенно пройти бутсой по моей коленке. Попади он чуть ниже - не избежать бы мне костылей. К счастью, турецкие шипы вспороли бедро, а сустав уцелел. Пока врач оказывал помощь, на поле началась вендетта.

Судьей был москвич Владимир Лукьянович Васильев, в прошлом неплохой нападающий, один из организаторов стадиона на Девичьем поле в Хамовниках. Интеллигентный и принципиальный человек, Васильев пользовался в сборной команде большим уважением.

Арбитр пытался образумить наиболее горячих. Стараясь подчеркнуть свою объективность, он обрушил кару в первую очередь на своих. Сейчас, через тридцать пять лет, это мне кажется верным. Но тогда, возвратясь на поле на одной ноге, я менее всего был склонен к умиротворению.

А тут еще внезапно ударили Бутусова ниже живота.

- Судья! - вопит он, скорчившись от боли.

Владимир Лукьянович старается спасти матч.

- А ты не подставляй, - вдруг советует он Михаилу.

- Ах, так! - вспыхивает Селин. - Ребята, огонь! - и врзается вместе с мячом в главаря турок центрхавбека Нихата.

Дело принимает явно недопустимый оборот.

- Капитан, принимай меры! - кричит мне Андрей.

Я беру себя в руки, вижу волнение в ложе нашего посольства. Но цепная реакция мести делает свое дело. Александр Старостин около штрафной мощным умышленным толчком корпуса сбивает центрфорварда Зеки, и тот не менее пяти метров катится по земле.

Свисток. Бледный судья идет к Александру.

- С поля, - глухо возвещает Васильев.

- Не пойду, - хрипло отвечает брат.

Я бегу к месту происшествия, но раньше там оказывается Павел Пчеликов, сорвавшийся со скамейки запасных.

- Владимир Лукьяныч, не надо! Он случайно, случайно, - лихорадочно умоляет Павел. - Игру вдесятером проиграем...

Мы окружаем судью. Турки рядом, но до конца не понимают, в чем дело. Тщательно определяют место падения Зеки - нет ли возможности заполучить пенальти. Сбитый форвард снисходительно качает головой, обрадовавшись, что его трусы не разлетелись в клочья.

Судья в страшном затруднении. Александр молчит, стиснув зубы.

- Владимир Лукьяныч, не удаляйте, клянусь, грубости конец, - убеждаю я. - Турки не поняли, Зеки в порядке...

Васильев, вняв увещаниям, назначает штрафной.

- Следующего без колебаний немедленно гоню, - заявляет он.

После этого инцидента на поле восстановился мир, а результата не было еще долго. Затем последовали метаморфозы, которыми столь славен наш вид спорта. Герой этой поездки Василий Павлов (№ 10) в течение пяти минут забил три гола! Мы победили 4:0.

С Васильевым я виделся часто по служебным делам в «Спартаке». Почтенный по возрасту судья всесоюзной категории рассказывая много интересного из дореволюционного футбола, когда в наших командах играли знаменитые англичане - братья Чарнок, Макдональд, Ньюман и другие. Это были

инженеры, приглашенные из Манчестера в наше Орехово-Зуево Саввой Морозовым, владельцем громадных текстильных фабрик. Английские футболисты возглавляли команду «морозовцев».

- Тогда, - говорил Владимир Лукьянович, - и защитников-то было всего двое. Это уже после навострились держать у ворот по семь-восемь человек. Испугались, что иначе не справиться с такими асами, как Федотов, Бобров, ди Стефано, Пеле, Копа, Гарринча, Сивори...

«И верно, - думаю я. - В доброе старое время против знаменитых форвардов всегда находились звезды в обороне, часто вдвоем разрушавшие атаки чуть ли не всей линии нападения».

Боюсь, что читатели одного со мною возраста не без ехидства подмигнут мне: «А вы забыли, что в те времена защитникам очень помогало правило офсайда, оно не позволяло нападающим принимать мяч, если перед ними оказывалось меньше двух игроков и вратаря?» Да, закон помогал обороне. Футбольные правила были повернуты против форвардов. Защитники могли не бояться тех противников, которые оказывались за спиной. Судьи тщательно следили за этим.

Эти правила просуществовали около четверти века. Голов стало меньше. Чаши весов снова нужно было выравнять. И вот в 1926 году ФИФА решила: вне игры считать в том случае, если перед нападающим только один игрок.

На этот раз восторжествовали нападающие. Футбол оживился. Поднялись цены на форвардов. Деньги были не у всех, и голь оказалась хитра на выдумки. Не дожидаясь, когда ФИФА снова пересмотрит правила, тренеры стали выискивать собственное оружие и обрели его. Против звезд поставили несколько середнячков. Родилась массивная оборона - «бетон», «катеначчио», - в каждой стране ей дали свое имя. Защитников стало четыре, в оборону был оттянут еще один игрок. Он пристроился сзади всех и получил у нас одиозное прозвище «чистильщик»: он должен был «подчищать» ошибки партнеров. В Италии этого игрока называли более благозвучно - «либеро», что значит свободный.

Фавориты уперлись в бетон. И представьте, не желая пробивать его лбами, посчитали мудрым впредь до новых времен тоже отсидеться в обороне. Стороны перешли к окопной войне.

Мастерство игрока растет, если ему приходится прилагать на поле необычные усилия. Нападающий, окруженный тремя защитниками, скорее станет совершенствовать свою игру, нежели три защитника, опекающие одного форварда.

Толковали так мы о футболе с Владимиром Лукьяновичем, вспоминали игры старого времени и наши проигрыши, которые нередко приходилось переживать русским футболистам в матчах с крупными иностранными командами, и радовались, что нынче-де советским футболистам мало кто может грозить такими неприятностями. Прикидывали, с кем предстоит встретиться нашей сборной, и считали, что вероятно, до зимы 1967 года неприятностей не будет. И футбол опять посмеялся над нами: нас победила молодая турецкая сборная. Такого не было ровно тридцать лет и три года: в 1933 году советская сборная проиграла 1:2.

16 октября 1966 года в Лужниках я готовился писать победный отчет. Встреча обещала быть любопытной, она позволяла сравнить достижения соперников за последние пять лет. За этот срок футбол обеих стран прошел многие испытания, подвергся влиянию различных школ и направлений. Интерес подогревался тем, что обе команды находились в преддверии отборочных игр на первенство Европы 1967 года.

Начало матча не предвещало катастрофы. Наша команда выглядела сильнее, и победа казалась бесспорной. Турки были смяты, их ворота подверглись опасному штурму. Но чем дальше, тем хуже для нас стали разворачиваться события.

Любая встреча на уровне национальных команд требует тщательной подготовки. К этому матчу серьезного подхода не чувствовалось. Команда выглядела собранной наспех, в расчете на слабого противника. А турецкая сборная оказалась крепким орешком, хотя ее руководители скромно заявили, что приехали учиться у нас. Гости показали редкое присутствие духа, завидную технику и тот здравый смысл в игре, которого не хватило некоторым из наших игроков.

Я вспомнил, что в 1933 году мы проиграли главным образом потому, что нас судил турецкий арбитр: он незаслуженно назначил в наши ворота штрафной удар, закончившийся вторым голом. На этот раз на судью нечего было пенять. Поляк Ян Павлик судил отменно.

Первые трещины в нашей команде обнаружили именно в той защитной линии, которую все наши специалисты считали наиболее надежной и слаженной. Не хватило опыта руководить на поле у капитана сборной Альберта Шестернева (№ 3). А тут вдруг взяли и в перерыв заменили самого капитана. Во втором тайме вовсе не стало вожака, и потому расцвела партизанщина: каждый старался, но вразнобой. Так со

счетом 0:2 и проиграла на своем поле более сильная советская сборная, забыв «обычай прадедов своих»: ни в коем случае не менять капитана, даже если игра не клеится.

Было время, когда футболисты обходились без тренера, но без опытного капитана на поле не выходили. Постепенно готовили на эту роль игрока, способного объединить усилия всех членов команды. Ему принадлежала вся полнота власти.

Я до сих пор в кругу маститых тренеров посмеиваюсь, что они и я выступали в ту счастливую пору, когда мы, игроки, сами решали, как действовать на поле, по ходу соревнования меняли тактику. Вот откуда брался творческий кругозор прежних мастеров, вот почему появлялось столько разнообразных дарований...

Ныне же тренеры общим для всех инструктажем невольно делают игроков похожими друг на друга - они одинаковы, как батоны с хлебозавода. Различия сглаживает и обязательная установка тренера на игру. А по существу установка - это чаще всего фантазия. Сколько бы ни старался тренер предвосхитить все грядущие события, он не в состоянии угадать, что произойдет на поле в действительности. Тренер всегда нацеливает команду на выигрыш, а смотришь, она уже через четверть часа проигрывает. Весь план сразу летит вверх тормашками, если на поле нет настоящего капитана. Только он может внести нужные поправки, бросить большие силы в нападение или, наоборот, стянуть их в оборону.

Тренер - это штабист, ему не разрешен выход на поле и вмешательство в игру. Капитан - боевой командир, находящийся в самой гуще боя. Потому-то дальновидный руководитель команды в первую очередь думает о том, чтобы рекомендовать в капитаны одного из своих лучших игроков. Без личного примера вожака команда никогда не добьется медалей и кубков. Исход борьбы иногда определяют мгновения, а тренер может менять установку и подсказывать только в перерыве. Недаром поклонники «Спартака», например, связывают взлет команды в 1956 - 1958 годах с именем бессменного кормчего Игоря Нетто.

Многие зарубежные тренеры, такие как Зепп Гербергер, связывают триумф своих команд с именем капитана. Так, первенство мира 1954 года было выиграно немцами главным образом потому, что вожаком команды форвард Фриц Вальтер был великолепным проводником в жизнь всех замыслов мудрого Зеппа, проработавшего в сборной футбольной команде ФРГ двадцать пять лет.

Раньше нашего брата-капитана высоко ценили и даже прощали, когда мы допускали ошибки. Потому только слегка «проработали» меня, когда я один раз устроил вещь вовсе недопустимую.

Как-то моя жена была нездорова, и я решил взять свою пятилетнюю дочку Женьку с собой на игру. Привез ее разнаряженную на стадион Юных пионеров на международный матч. Посадил на поле, у чужих ворот (в те времена там всегда сидели запасные игроки противника), чтобы и она могла меня видеть, когда я буду атаковать по правому краю, и мне чтобы не упускать ее из виду.

Вначале все обстояло отлично. Я частенько поглядывал на нее, а она превосходно чувствовала себя в самой гуще футбольных событий.

Затем игра взяла свое, я увлекся, а тут еще наши противники забили гол. Вижу, на моем фланге возникла на редкость выгодная ситуация. По месту левого инсайда рвется с мячом вперед мой одноклубник Евгений Москвин, и оба немецких защитника устремляются к нему. Если Евгений передаст мяч вправо, то мне дорога на ворота открыта. Я отчаянно кричу:

- Женька, сюда! Женька, ко мне!

Москвин слышит и подает мяч мне на правый край. Предвкушая гол, рвусь к воротам.

Вдруг из-за кромки поля катится белый комок. С развевающимися бантами ко мне изо всех силенок бежит моя Женька:

- Папа, папа, я здесь...

Прежде чем я успел сообразить, что произошло, ошеломленный арбитр остановил игру.

Моему смущению не было границ. Мало того, что сорвался верный гол, всем стало ясно, что я главный виновник происшествия.

Я взял Женю на руки, вынес с поля и передал немецким запасным. Игру возобновили, судья дал спорный. К счастью, мы в конце концов выиграли этот матч. А ведь другой случай забить гол мог и не представиться.

Грубая ошибка капитана может «потопить футбольную ладью» даже в сравнительно спокойном товарищеском матче. Тем более капитан не должен допускать ошибок в минуты штормов и бурь, которые иногда бушуют на футбольных полях, почти как в океане, под грохот и рев трибун. И если на корабле

капитан всегда возвышается на капитанском мостике, откуда все видно как на ладони, то в футбольных командах чаще всего капитанская повязка на руке защитника. В обороне, откуда все видно и откуда удобнее руководить, играют, как правило, наиболее искушенные и зрелые футболисты.

В Советском Союзе впервые три представителя задней линии воцарились на футбольном поле 23 июля 1937 года в матче «Спартак» - «Баскония». Появлению трех защитников предшествовали грозные симптомы. За четыре года до того события центральный нападающий турок молодой Вахаб поставил в тупик нашу оборону. Он пристраивался на поле за спиной советского центрального полузащитника. Когда мяч попадал к Вахабу, он словно в распахнутые настежь двери мчал на нашего вратаря. Тогда мы заплатили поражением за этот урок.

Через два года в Париже второй урок наша сборная получила от чемпиона Франции команды «Ресинг». Центрфорвард парижан сенегалец Куар, подобно Вахабу, не встречал на своем пути к воротам бдительного сторожа. Куар забил оба гола с пустого тогда «пяточка», который теперь в футболе (и особенно в хоккее) насыщен игроками.

Мы опять почесали в затылке, но тактику не меняли. По-прежнему три полузащитника обслуживали центр поля, а сзади у своих ворот на всю ширину фронта атаки оставались два защитника.

Через полтора года в Москву приехали баски. Их победное шествие возглавлял центр нападения Исидоре Лангара.

Накануне исторического матча с «Басконией» спартаковский тренерский совет (я тогда его возглавлял) решает перестроить оборону: поставить центрального защитника и его обязанности возложить на Андрея Старостина.

- Как?! - взъерепенился брат. - Вы меня на весь Советский Союз ослабить хотите. Вы меня жизненного пространства лишаете. А кто нападению подыгрывать будет? Вся тактику, наигранную годами, рушите!

Андрей был серьезно обижен - столько голов забил, столько отличных пасов нападающим дал, так привольно колесил с мячом по всему полю, и на тебе! - торчи как привязанный в своей штрафной площадке. Но ведь играют же лучшие европейские команды с тремя защитниками. Так играют и баски. Разве Вахаб, Куар и сам Лангара не доказали, что они - главная ударная сила?

- Андрей, - обращаюсь я к брату, - не горячись, подумай и все взвесь. Кроме тебя, некому обезоружить Лангару.

Молчит, но взгляд строптивый. Объявляю перерыв. Все отправляются ужинать. После ужина кучками собираются на аллеях тарасовского стадиона, обсуждая проблему обороны. Будешь обсуждать, коли баски день назад выиграли у «Динамо» 7 : 4. Да как! Через двадцать минут после начала матча они вели 4:0. Затем динамовцы сделали невозможное - к перерыву уравнили счет. Все были уверены, что теперь победа за нами. Но баски, подкрепившись в раздевалке кофе с коньяком, во втором тайме в течение пятнадцати минут забивают три гола! Первый из них с тридцати метров вlepил тот самый Лангара, который заставлял нас оттягивать назад Андрея.

Поздно вечером снова собрались на совещание. Тренерский совет так решительно опустил на стулья, что Андрей понял: уступки не будет. Он встал, не дожидаясь вопросов, и произнес почти как в римском сенате:

- Я люблю роль центрального полузащитника, но «Спартак» мне дороже!

На следующий день на стадионе «Динамо» мы наголову разбили басков - 6:2. Наш первый центральный защитник Андрей Старостин блестяще вышел из поединка с одним из лучших центрфорвардов мира Исидоре Лангара. С тех пор цифра «3» всегда красовалась на спине моего брата.

Так было положено начало в советском футболе той тактике, которая получила название «дубль-ве».

Отошел в историю последний центральный полузащитник советского футбола, хотя Андрей был на этом месте игроком новой формации, вобравшим в себя лучшие черты Федора Селина и Павла Батырева. Мощного сложения (рост - 180, вес - 82 кг), Андрей на редкость счастливо сочетал горячий темперамент с холодным футбольным мышлением, отточенную технику с высокой скоростью, жесткую атаку с мягкой отдачей.

После реформы в сезоне 1938 года крайние защитники перебазировались на фланги и стали опекать чужих крайних нападающих. Центр защиты во всех командах занял место перед своими воротами. Сюда ставили рослых, физически крепких, наиболее толковых игроков, которым вменялось в обязанность осаживать центрфорвардов типа «танк».

* * *

Разумеется, в конце тридцатых годов центральные защитники играли по-разному, ибо одни переквалифицировались из крайних защитников, а другие были центрами полузащиты. Но все же постепенно, где раньше, где позже, создались сыгранные ансамбли обороны. Лучшим оказалось содружество в московском «Спартаке»: Виктор Соколов, Андрей Старостин и Василий Соколов. Каждый ростом в 180 сантиметров, они вместе с блистательными вратарями Жмельковым и Акимовым обеспечили «Спартаку» двойной триумф (первенство и кубок) в 1938 и 1939 годах. Болельщики не зря называли их «линией Мажино», тогда еще не развенчанной. Именно «тяжкой твердостью своей» крепили они стремление вперед остальных звеньев команды, а центральный защитник Андрей Старостин не однажды своими далекими ударами приносил в трудные минуты победные очки. Умел он объединить игроков и в сборной страны и, как ее капитан, с 1938 года до самого начала Великой Отечественной войны ни разу не увел советскую команду с поля побежденной. Виктор Чистохвалов, Иван Кочетков и Юрий Нырков составили славную оборону московских армейцев, пять раз завоевавших золотые медали в семи первых послевоенных чемпионатах.

Виктор Чистохвалов начинал играть в московском «Спартаке» как центр нападения. Ему была понятна психология форварда, знакомы уловки и приемы обыгрыша защиты. Иван Кочетков играл вначале в «Торпедо», затем в «Спартаке» как нападающий и полузащитник. Вместе с Юрием Нырковым они играли блестяще, а главное, надежно, хотя Иван Кочетков по своей натуре был склонен к самым рискованным экспериментам. Он виртуозно владел мячом и ударом, но допускал вольности в обводке, и его уверенность в себе переходила иногда в самоуверенность. При средней скорости самого аса это нередко грозило реальной опасностью для ворот ЦДКА. Однако такие ситуации лишь обостряли игру: в команде всегда были силы, чтобы исправить любую ошибку своего незаурядного стопера. Так оно однажды и случилось в решающей игре на первенство страны с московским «Динамо», когда Кочетков забил мяч в собственные ворота, и только Всеволод Бобров увел команду от поражения, забив динамовцам на последних минутах победный гол.

Чистохвалов и Нырков действовали менее эффектно, но более прочно.

Очень надежный состав защитников сложился после войны и у московского «Динамо», выигравшего звание чемпиона в 1945 и 1949 годах. Всеволод Радикорский, Михаил Семичастный, Иван Станкевич, подкрепленные хавбеком Леонидом Соловьевым, были способны остановить нападение любого противника. Особенно трудно было пробиться к воротам динамовцев по самому короткому пути, через центр поля. Здесь несокрушимо преграждали дорогу Леонид Соловьев и Михаил Семичастный. Высокие, искусные во всех футбольных хитростях, они, как известно, обезоружили в Лондоне такого прославленного бомбардира, как Лоутон (№ 9).

Семичастный появился на левом краю в ЦДКА. Быстрый, прыгучий, он первый сезон больше походил на легкоатлета и не без успеха подвизался в ручных играх.

Через год Москва увидела его на правом фланге московского «Динамо». В двадцать лет он бежал как олень, бил как снайпер и жонглировал головой как первоклассный цирковой артист. И наконец, еще одно: как боксер-левша труден для противника, так и Семичастный, играя на правом краю, был неприятен для чужого бека, потому что лучше владел левой ногой. Но в конце концов не мастерство нападающего создало Семичастному незабываемое имя. Чувствуя, как уходят годы для подвигов на флангах атак, он решает стать центральным защитником московского «Динамо».

В 1945 году динамовцы едут в Англию.

Бывший форвард встречается с форвардом, о котором все газеты пишут, что в игре головой нет ему равных. В дуэли побеждает Семичастный. Это отмечала даже британская пресса. Лоутон не забил головой ни одного мяча.

В жизнь входила новая тактика нападающих с большими перемещениями и сменой мест, требовавшая от обороны пылкого задора и юношеской подвижности. Чтобы противодействовать молодым форвардам, нужны были молодые защитники.

Целое десятилетие «Спартак» вынашивал надежды снова создать крепкую заградительную линию, и наконец это ему удалось. Николай Тищенко, Анатолий Масленкин, Юрий Седов и Михаил Огоньков по праву стали считаться лучшими защитниками.

Во многом благодаря этому талантливому и сыгранному квартету «Спартак» снова встал на ноги и четыре раза - в 1952, 1953, 1956 и 1958 годах - выигрывал чемпионат страны, хотя его вратари Владас Тучкус и Валентин Ивакин не были так стабильны, как Жмельков и Акимов. Новые защитники отличались высокой техничностью, прекрасно взаимодействовали между собой, получая могучую поддержку от

передних линий своей команды. Редкий по дарованию квинтет нападающих - Татушин, Исаев, Симонян, Сальников, Ильин - нес на своих плечах все тяготы борьбы за центр поля, а полузащитник Игорь Нетто успевал оказываться у мяча в обеих штрафных.

Не случайно поэтому в сборной команде СССР, выигравшей в 1956 году Олимпийский турнир в Мельбурне, выступало девять спартаковцев.

Прочная линия защиты была и у основных соперников «Спартака» - динамовцев. Четыре раза - в 1954, 1955, 1957 и 1959 годах - обеспечивали они своей команде золотые медали. Правого защитника вначале играл Анатолий Родионов, затем - Владимир Кесарев; центрального - Константин Крижевский и левого - Борис Кузнецов.

Каждый из этой тройки был самобытен. Владимир Кесарев хорошо бежал, умел в пределах правил подтолкнуть корпусом. Благодаря высокому росту отменно боролся головой за верхние мячи. Вот почему уже в 1957 году он сменил Николая Тищенко в сборной команде и с успехом играл в ней до начала шестидесятых годов.

Константин Крижевский во многом напоминал популярного в свое время динамовца Федора Селина. Он мало уступал Федору в безупречной игре головой, в серии головоломных акробатических трюков при отборе мяча. Игра Крижевского носила сперва ярко выраженный разрушительный характер, затем он научился при необходимости точно направлять мяч своему партнеру.

Борис Кузнецов при среднем росте отлично прыгал. Азартный и смелый, он своей игрой очень импонировал зрителям. Стремительным ударом Кузнецов не раз забивал решающие мячи чужим вратарям, когда форварды московского «Динамо» оказывались бессильными обеспечить победу.

Были блестящие защитники и в других командах, но создать великолепный ансамбль обороны, подобный спартаковскому и динамовскому, никому в пятидесятые годы так и не удалось. В ЦДКА, например, был подготовлен игрок под номером три для сборной команды - Анатолий Башашкин. Но его фланговые партнеры во многом ему уступали.

Несколько лет успешно возглавлял оборону киевского «Динамо» Виталий Голубев, особый мастак отобрать мяч в критических ситуациях. Безграничная уверенность в себе и подчеркнутая храбрость делали этого центрального защитника почти непроходимым. Молодечеством отличались все его действия на поле. Простодушный и откровенный в жизни, Виталий и в игре не хитрил, и на чужие хитрости не попадался. Как правило, он не следовал по пятам за противником, но всегда успевал вовремя к мячу.

Блестяще сыграл Виталий Голубев свой срок (до 1960 года) в киевском «Динамо», в рядах же сборной спаять его с партнерами так и не удалось, хотя его несколько раз вводили в нее. Индивидуализм слишком прочно владел его сознанием. «Надеюсь только на себя» - вот девиз, под которым прошел свой путь в футболе этот своеобразный мастер.

Из плеяды лучших крайних защитников конца пятидесятых - начала шестидесятых годов заслуживают особого внимания торпедовцы Александр Медакин и Леонид Островский, спартаковец Анатолий Крутиков. Каждый из них был чем-то замечателен и в разное время защищал честь советского футбола в международных играх.

Анатолий Крутиков, самый быстрый из них, оказался в числе победителей Кубка Европы 1960 года. Ему же принадлежит патент на активные подключения крайних защитников в первую линию нападения. Жаль, что эта тактическая новинка, очень скрашивавшая монотонное течение футбольных игр, была довольно холодно принята нашими тренерами и одно время ее редко демонстрировали на поле.

Причина проста: выведение крайних защитников вперед обоюдоостро. Руководители полагают, что, зарвавшись, защитник может не успеть вернуться к своим обязанностям. Эта партизанщина, как тренеры-скептики называют всякий риск, стоила Крутикову места в сборной, где тактическое вольнодумие зачастую считается невыполнением игрового задания.

Анатолий Крутиков в сборную так и не был возвращен, хотя его феерические подключения в атаки привлекли тысячи новых зрителей на стадионы.

Леонид Островский, заменивший Крутикова в сборной на месте левого защитника, не вызывал нареканий. Но вместе с тем и не создавал твердого убеждения, что на это место не следует искать другого претендента. Островский - игрок слишком впечатлительный и потому не всегда стабильный.

Защитник Манук Семерджян в сборной появлялся мало, однако оставил свой след в советском футболе. Ереванец с блеском возглавлял оборону армянской команды, демонстрируя тот артистизм, по которому так истосковался советский зритель. Семерджян владел оглушающим ударом и каждый сезон

был в числе лучших снайперов команды. К его достоинствам надо добавить и постоянство: несмотря на ряд самых лестных предложений, он остался верен Еревану.

А теперь о защитниках, выступавших на первенстве мира в Лондоне 1966 года. Ставка делалась на игроков не старше 1939 года рождения. Каковы же были подвижные бастионы у советских футбольных ворот?

Прежде всего остановимся на двух центральных защитниках, занимающих на поле особо важные стратегические позиции. От этих двух стоперов во многом зависит игра крайних защитников и обоих полузащитников. Больше всех, естественно, связан с ними вратарь.

Персона грата в защите сборной - Альберт Шестернев из ЦСКА. Атлетическое сложение (рост - 182 см, вес - 80 кг) помножено у него на редкую для футболиста быстроту и уверенный прыжок вверх. В единоборстве с противником, как правило, побеждает советский стопер. Вызвавший его на дуэль чужой форвард травмы не получит, но психологического воздействия не избежит: быстрота и решительность Шестернева обычно выбивают противника из седла.

Альберт, как и известный итальянец Факетти, начал свою карьеру в спорте с легкой атлетики. В семнадцать лет он обещал стать отличным десятиборцем. Разносторонние легкоатлетические способности оченьгодились и в футболе. Высокая скорость позволяет ему всюду поспевать и даже уходить в далекие рейды от своих ворот. Надежда, что почти любую свою ошибку он поправит за счет быстроты, придает Альберту уверенность в игре. «От такого не убежать» - быстро убеждаются противники. «Он догонит», - знают партнеры. На нем держится весь механизм защитных укреплений. Не случайно в его отсутствие советская команда проиграла бразильцам 0:3 в Москве, а с ним добилась почетной ничьей 2:2 в самом Рио-де-Жанейро.

Попытки индивидуально обыграть Шестернева обычно ни к чему не приводят. Менее уверенно чувствует себя наш стопер, попадая в тактический розыгрыш, когда чужие форварды оперируют быстрыми короткими передачами. Игра на перехватах - не его стихия, чутким выбором позиции Шестернев только начинает овладевать.

К чести Альберта надо сказать, что он совершенно не забияка на поле и уж вовсе мягкий, даже застенчивый парень в жизни.

Заниматься спортом он начал в ЦСКА и остается неизменно верен этому клубу. Сюда привела Альберта семейная традиция (его дед и отец - кадровые офицеры). Возможно, потому заметна и военная выправка сына.

Вторыми стоперами в Лондоне были спартаковец Алексей Корнеев, армеец Валентин Афонин (из Ростова-на-Дону) и динамовец Муртаз Хурцилава из Тбилиси. Все это рослые, технически подкованные футболисты в возрасте от 22 до 26 лет, с достаточным опытом международных встреч.

Несмотря на общую методику обучения, у каждого из них были свои сильные и слабые стороны. Алексей Корнеев, скажем, очень хорошо атакует, когда противник движется на него в лоб. Хуже у него идут дела, когда чужой форвард уже проскочил сбоку и его приходится догонять. Упустить неприятеля опасно, а догнать частенько не хватает скорости. Так и подмывает Алексея заплести чужаку ноги. Раньше он, не задумываясь, делал это. За преступлением следовало наказание: не раз судьи ставили мяч на одиннадцатиметровую отметку перед воротами московского «Спартака».

Годы и опыт образумили Корнеева. Он стал тактически мудрее, научился не догонять, а встречать. Трудно теперь чужому нападающему оказаться у него за спиной. Но горячий нрав нет-нет да и подведет спартаковца. И сейчас еще способен он отомстить за малейшую обиду. Обидой считает и то, что чужой нападающий обыгрывает его с мячом или хочет забить гол. Когда Корнеев в хорошей спортивной форме, обидчиков встречается мало. Но их сразу становится больше, когда сам Леша далеко не в порядке. Такое мы видели на поле не раз.

В канун восьмого чемпионата мира по футболу Корнеев был на редкость хорош. Не секрет, что он попал в сборную против желания старшего тренера Морозова. В Англии на скамейке запасных отличная готовность Корнеева таяла, как вешний снег, и его выступление против команды Португалии иначе, как посредственным, не назовешь. Вконец расклеился он, вернувшись домой. Число обидчиков на поле опять возросло.

В игре на Кубок победителей кубков с командой австрийского «Рапида» 9 ноября 1966 года в Москве Алексей Корнеев дошел до того, что «взял на рога» австрийского левого крайнего Кнеза. Польский судья ограничился назначением штрафного, хотя по всем правилам Корнеева надо было выгнать за то, что он ударом головы сшиб с ног австрийца. Московские зрители негодовали. В день игры казалось, что все

кончилось для Корнеева благополучно. Но то, чего не досмотрел польский судья, отлично видели руководители футбола. За удар головой Алексея дисквалифицировали до конца года. Случись такое в Вене, не знаю, как бы повели себя австрийские болельщики. В Рио-де-Жанейро разгорелся бы большой скандал. Зрители там вспыхивают, как сухая солома, и по менее драматичным причинам. Вот почему трибуны от футбольного поля там отделены рвами с водой и металлическими сетками.

Как известно, футбольные правила идентичны во всем мире. И все-таки толкуют их зачастую по-разному. Еще больше разногласия в футбольных обычаях.

Знаменитый стадион Маракана в Рио-де-Жанейро, - самый большой в мире, на двести тысяч зрителей, - удивительно компактен, пропорционален и красив. Когда «Спартак» вышел на этот стадион для игры с командой «Фламенго», мы, руководители и запасные, намеревались, как всегда и всюду, устроиться где-нибудь около ворот или сбоку поля у сетки, отгораживающей зрителей. Только мы высунули головы из тоннеля, как полицейские сразу преградили нам дорогу.

- Ни единого человека! - перевели нам приказ офицера.

- Мы тренеры, а это запасные, - горячились мы, - в игре предусмотрены три замены.

- Никого на поле, кроме тех, кто играет, таков наш обычай, - отрезал офицер.

Но наши расстроенные лица его смягчили, и, желая, видимо, быть гостеприимным, он пошел на компромисс: разрешил нам высунуть головы из люка. Так и простояли мы весь матч на предпоследней ступеньке каменной лестницы, ведущей вверх из тоннеля. Утешало нас то, что из другого выхода на поле торчали головы тренеров и запасных из «Фламенго».

Таковы порядки на Маракане. А в Боготе, столице Колумбии, обычаи прямо противоположные. Нас не только с комфортом усадили на самой бровке поля, но и предупредили, что тренеры могут вставать, командовать и даже выходить на поле объясняться с судьей, если тот допустит какую-нибудь ошибку.

Смотрим - и правда, не успел арбитр свистнуть по поводу офсайда у наших ворот, как тренер «Миллионариуса», с которым играл «Спартак», устремился к месту происшествия. Он обиженно стал показывать судье место около штрафной площадки, где стоял спартаковский защитник. Чуть кто получал травму, на поле вбегали репортеры фотографировать потерпевшего. В перерыве журналисты сразу после свистка набросились на игроков с микрофонами, фото- и кинообъективами. В раздевалках - толчея, все что-то спрашивали, чем-то интересовались или просто разглядывали нас. После игры любопытных прибавилось вдвое. Мы уж с благодарностью вспоминали Рио...

Чем объяснить такой либерализм? Возможно тем, что в Колумбии собственных футбольных звезд нет, в командах играют привозные знаменитости. Нет, следовательно, и азартной борьбы за свой престиж, страсти не накаляются. К футболу здесь относятся как к театру. Поэтому власти уверены, что никаких эксцессов не произойдет. Но, с моей точки зрения, митинговать на футбольном поле тоже ни к чему. Крайности всегда ошибочны. Истина посередине. Например, в Стамбуле раздевалки изолированы от посторонних, на поле отведены специальные места для руководителей и запасных - напротив центрального круга, в специальных кабинках с задней стенкой и крышей. Зрители вас не видят, а поле - перед глазами. Это удобно, позволяет поддерживать связь с командой, все замечать, все слышать и, главное, не чувствовать, что за тобой наблюдают десятки тысяч чужих болельщиков...

Продолжим о защитниках.

Валентин Афонин по складу игры ближе всего к Корнееву и расположен к смелым продвижениям вперед, если мяч находится под его контролем. Но все же он не блещет тем отточенным мастерством, которое позволяет считать его заправским стопером. Он просто спортсмен счастливой судьбы. Три-пять лет назад его имя знали только во Владимире. Играл он здесь защитника в местной команде. Затем его приглашают в Ростов-на-Дону, в Спортивный клуб армии, где он и дебютирует в классе «А».

Николай Морозов, озабоченный укреплением обороны, в 1965 году неожиданно останавливает на Афонине свой выбор. Афонин надежно играет на флангах и в центре. В матче со сборной Бразилии в Рио-де-Жанейро в ноябре 1965 года Валентин опекал самого Пеле. И выдержал экзамен, хотя знаменитый бомбардир все-таки забил мяч в ворота советской сборной.

Игра Афонина экономна и проста. Он тщательно и прочно делает то, что рекомендует тренер. Оценки у него были не ахти какие, но он не получал и джокера. Английское слово: «Stoper» означает приспособление для остановки какого-либо механизма. Вряд ли оно подходит к игре Афонина. Он, правда, лукав, но сует палки в колеса чужим форвардам только тогда, когда рассчитывает, что сзади него два-три своих игрока. Поэтому основным напарником Шестернева в Англии был Муртаз Хурцилава, самый молодой из наших

стоперов в ту пору (23 года). Очень темпераментный и жесткий разрушитель, он главное внимание уделяет атаке в момент приема мяча.

Манера его игры самая неприятная для чужих форвардов. Не жалея себя, Муртаз не бывает снисходительным и к тому, кто пытается грозить его воротам.

Муртаз не организует контратак и меньше всего думает о методах коллективной обороны. Все свое внимание и мастерство он направляет на персональную опеку порученного ему игрока, превращаясь в его тень, и, как правило, всегда лишает подопечного мяча и инициативы.

Играть против Хурцилавы трудно любому нападающему. Молодой грузин всегда действует очень азартно, не давая противнику доли секунды на размышление. Такой метод чреват просчетами. Неудача - и проскочивший вперед Муртаз выбывает из защитного эпизода, не успевая вернуться назад и снова подстроиться к своим партнерам. Иными словами, Хурцилава - узкий специалист в персональной опеке. Если среди чужих нападающих был известный ас, Муртаза оправданно прикрепляли к нему. Во всех случаях комбинационной игры противника кандидатура Хурцилавы становилась очень спорной.

Стремление тренеров сборной научить Муртаза играть коллективно требовало времени. Его не хватило, возможно потому, что Хурцилава в дни подготовки к первенству мира перенес операцию аппендицита.

В Лондоне Муртаз выступал неровно: отлично в игре против Италии и слабо - против Португалии, где стал виновником поражения, необоснованно сыграв рукой в своей штрафной площади. Именно за это Эйсебио забил нам одиннадцатиметровый.

Определить крайних защитников сборной перед восьмым чемпионатом оказалось еще труднее, так как здесь ни у одного из кандидатов не было такого преимущества, как у Шестернева среди стоперов. Руководство просмотрело на роли «двоек» и «четверок» москвичей Эдуарда Мудрика, Владимира Глотова, Владимира Пономарева, Геннадия Логофета, ростовчанина Анатолия Черткова, минчанина Игоря Ремина и ленинградца Василия Данилова. В первую очередь возможность занять такое место была предоставлена Владимиру Пономареву (ЦСКА), быстрые успехи которого обратили на себя всеобщее внимание.

Единственный сын заслуженного мастера спорта Алексея Пономарева, в прошлом нападающего московского «Динамо», Владимир с двух лет учился технике футбола. Затем, уже юношей, подражая отцу, он играл нападающим.

В команде ЦСКА, куда Володя перешел, его неожиданно поставили на место правого защитника. Эта роль на редкость подошла молодому парню. Из заурядного форварда получился упорный и надежный защитник. Правда, игра Пономарева не бог весть как разнообразна, но то, что умеет, он делает по-настоящему прочно. Особенно хорошо ему удается прессинг по всему полю.

Широкий стелющийся шаг позволяет Пономареву догонять самого быстрого противника. Его подкаты под мяч - образец решительности и корректности.

По характеру он боец, с большим чувством товарищеской солидарности, и веселый парень, оптимист, верящий в лучшее до последних секунд каждого матча.

Игра в нападении в свое время научила Пономарева разгадывать уловки чужих форвардов и направленно участвовать в контратаках своей команды.

Пономарев успешно справился с экзаменом в Англии. К сожалению, травма бедра надолго вывела его из соревнований.

Вторым крайним защитником сборной оказался Василий Данилов из «Зенита», который своей команде приносит то неожиданный выигрыш - лично забьет гол в чужие ворота, то проигрыш, когда мяч влетает в сетку «Зенита» из-за того, что его левый защитник не успел вернуться из атаки.

Василию 25 лет, он из Тулы. Небольшого роста (170 см), крепкий (73 кг), он не походит на защитника, он скорее типичный крайний нападающий и, вероятно, поэтому с такой охотой рвется к чужим воротам. Подобная тактика не встречает одобрения тренеров, считающих, что лучшая помощь нападению - ноль в свои ворота. Вот почему наступательные порывы Василия всячески трансформируют в стойко оборонительные. Его, как шутят партнеры, сажают на цепь длиной в 30 - 40 метров от левой штанги своих ворот. Но все-таки он частенько снимает с себя ошейник и однажды принес нашей сборной победу в Южной Америке, забив единственный гол.

В Англии он играл смело и удачно. Когда нужно, оказывался впереди, и всегда успевал в оборону. Ублажая тренеров своим послушанием, он ублажал и неукротимую привязанность к атакам, потому что у противника часто не оказывалось правых крайних в нападении.

После чемпионата мира игра Данилова в сборной потускнела. Стали поговаривать, что это был калиф на час. Жаль, если он снова не соберется.

Против всяких ожиданий был забракован тренерами на роль крайнего защитника Геннадий Логофет.

- Он подвел нас своей неготовностью, - утверждал Николай Морозов.

- Они не дали мне «высказаться» в составе сборной, - ворчал Геннадий.

Обе стороны в чем-то правы. Но посмотрим, что за душой у Геннадия, которого я знаю с юношеского возраста.

Пятнадцать лет капитаном московского «Спартака» был Игорь Нетто. В августе 1965 года кубок, выигранный «Спартаком», нес новый капитан - Геннадий Логофет. Своим избранием он был обязан спартаковской молодежи, отдавшей ему в закрытой баллотировке все голоса.

- Мы избрали Геннадия, - объясняли мне его сторонники, - за принципиальность.

Действительно, Логофет смело и громко проповедует спорные истины, вроде таких: «Важно не усердно тренироваться, а успешно играть», и «Энергию нужно копить для игр, а не растрачивать в подготовке».

К 23 годам Геннадий закончил институт физической культуры, и потому свои идеи он подкрепляет теоретическими выкладками. Ершистый характер не мешает Логофету быть симпатичным парнем и пользоваться большим успехом у зрителей.

Мне лично его игра импонирует, хотя неясно его подлинное амплуа. Начал он выступать как защитник, потом перешел в полузащиту, но для безупречной игры на этом месте ему не хватает терпения. Геннадий слишком горяч и порывист, чтобы непрерывно плести тонкие сети комбинационной игры на центре поля. Как правило, он либо стремительно рвется вперед к чужим воротам, либо, поуставши, надолго оседает у своих. Отличный удар, незаурядная техника, полное бесстрашие подкупают в его игре. Однако все это непостижимо уживается в нем с ничем не оправданной грубостью.

Поэтому и получилось, что Кубок Советского Союза капитан Логофет нес по кругу почета, сильно прихрамывая. В игре он получил серьезную травму, но как настоящий боец не покинул поля.

«Не слишком ли мы усердствуем, заставляя игроков наступать на горло собственной песне?» - думал я, наблюдая советских защитников в Англии. Они там надежно оборонялись, но создавать контратаки явно не умели. Все косили глазом на тренера - ждали подсказок, как далеко можно кинуться вперед. А вот итальянский стопер Гуарнери в Милане ворвался в нашу вратарскую площадку и забил Льву Яшину победный гол в матче Италия - СССР.

Завтрашние советские защитники должны чувствовать себя как дома на любом участке футбольного поля. Пусть они приумножат наследство, доставшееся от своих славных предшественников! Наши стоперы созрели для скачка и ждут только тренеров, способных творчески расширить каноны прежних представлений о тактике.

4. ПОЛУЗАЩИТНИКИ

Сильные хавбеки - сильная команда. Ленинградцы. Федор Селин - король воздуха. Не футболом единым. Игорь Нетто - пик-восемьмитысячник. Мастера на все руки. Маленький гигант.

Еще юношей узнал я футбольную мудрость: сильные хавбеки - сильная команда. Нам, молодым, она казалась парадоксом, все мы искали славы и счастья только в нападении. Подобные настроения живы и поныне.

Действительно, наступательные функции хавбеков расширяются: последние тактические новинки все чаще позволяют им участвовать в атаках и даже забивать решающие голы. К тому же оборонительная деятельность полузащитников теряет прежнее значение - ведь теперь у них сзади четверо защитников и уменьшилось число нападающих. Поэтому во всех ведущих командах линии хавбеков укомплектованы вчерашними нападающими. Их обязанности состоят в поддержании непрерывных связей между защитой и нападением. Они регулируют и обеспечивают синхронную работу тонкого и чувствительного механизма - футбольной команды высокого класса.

От современного хавбека требуется универсализм и выносливость прежних полузащитников. В острый момент они должны быть и полноценными нападающими. Большинству это по силам и по душе. Но лишь немногие способны полностью подменить защитника. И в этом беда современных хавбеков. Ведь у новых систем свои особенности. Потому-то на футбольный Олимп периодически восходят полузащитники-новаторы и уходят те, кто не может приспособиться к новым веяниям.

Проследим за трансформациями полузащитников с 1918 года - первого сезона в советском футболе.

Верховодили петроградские команды. Душа петроградской сборной Павел Батырев играл центрального полузащитника. Он один опекал в середине поля центровую тройку противника и он же снабжал мячами своих нападающих. Теоретически это невозможно. Но на поле он это делал - на помощь приходило неравенство сил.

Павел Батырев долго и по праву считался образцом центрального полузащитника - игрока, обязанного быть всегда лучшим, всегда сильнейшим атлетом в команде, тонким тактиком и организатором. Умело и без нажима дирижировал он многие годы ленинградской сборной, безошибочно находил верный тон в руководстве сверхопытным Филипповым, сверхтребовательным Бутусовым и сверхэкспансивным Ежовым.

Высокий, широкоплечий, всегда веселый, он так умело пласировался на поле, что успевал в самом начале разрушить комбинации центральной тройки противника. Скорость у Батырева была средняя, но он владел цепким отбором мяча и, главное, отличным подыгрышем.

Не так давно я встретил его в Ленинграде. В рассуждениях о тактике он с обычной легкой иронией спросил меня:

- Ну, скажи, кто первый в советском футболе отдал своему партнеру мяч не вперед, а назад?

Я не знал этого, но решил, что вопрос задан неспроста и что этот первый кардинальный шаг в расширении тактических возможностей советского футбола сделал хитроумный Уллис - Павел Батырев.

- Вероятно, ты, Павел Васильевич?

- Да, я. Именно я! Чувствую, что развернуться с мячом трудно, я и отдал его первый раз назад Ежову, чтобы разрядить обстановку у своих ворот.

Сейчас это звучит наивно, но сорок пять лет назад было открытием. И не виноват Батырев, что его футбольные внуки порой злоупотребляют тогдашней тактической новинкой.

Справа от знаменитого центрального полузащитника выступал в ленинградской сборной Петр Филиппов. Он получил высшее образование в Англии и там же стал футболистом. Филиппов виртуозно (только правой) владел мячом и был неистощим на всяческие футбольные ребусы. Его уловки помогали сборной Ленинграда десять лет обыгрывать Москву в футболе и хоккее за счет голов, забитых полузащитниками со штрафных, угловых и свободных.

Это он, Петр Павлович Филиппов, первым стал практиковать в хоккее с мячом неотразимый удар с нажимом. А в пятидесятых годах сконструировал в помощь тренерам знаменитую футбольную катапульту - «филипповскую пушку».

Старший брат П. П. Филиппова - Всеволод тоже отлично играл в центре полузащиты, а младший, Георгий, о котором я уже упоминал, несмотря на недоразвитую левую руку, отлично выступал на месте левого полузащитника. Мало того, он пользовался вполне заслуженной славой лучшего хоккейного вратаря.

Все трое братьев Филипповых составляли прочную линию хавбеков популярного клуба «Коломяги».

Рядом с ними выступал в сборной и знаменитый в те времена хоккеист Владимир Воног. На зеленом поле он не блистал ни техникой, ни тактикой, но восполнял недостатки задором и работоспособностью. Там, где мы, московские форварды, прорывали сети заграждений Батырева и Филиппова, натывались на физическое сопротивление неумолимого Вонога.

Эти трое играли полузащитников и в хоккейной сборной Ленинграда. Только Батырев - слева, Воног - в центре, Филиппов - справа. Я играл всегда на правом краю - в футболе и хоккее - и потому на горьком опыте познал искусство Батырева. Против него я всегда боролся в хоккее, против Вонога - в футболе.

Что же представляла собой линия полузащиты в московской сборной команде? Такого могучего и сыгранного трио, как в Ленинграде, у нас не было, но солисты встречались.

Отличными центральными полузащитниками были Константин Блинков из ЗКС и Владимир Ратов из ОЛЛС (Общество любителей лыжного спорта). На местах крайних полузащитников в сборной Москвы выступали с 1922 года Казимир Малахов и Павел Ноготков, оба из СКЗ. Это были техничные игроки, хорошие организаторы атак, понимавшие стратегию футбола.

В 1924 году сборная Харькова неожиданно выиграла первенство страны, победив в финале (2:1) сборную Ленинграда, до того обыгравшую москвичей. Успеху харьковчан во многом содействовали полузащитники Николай Капустин, Владимир Фомин и Иван Привалов. Двое последних потом оказались в сборной и надолго закрепились там, хотя отличались друг от друга по характеру игры.

Владимир Фомин в харьковском «Динамо» играл центрального хавбека. Спокойный, но расторопный, он отлично отбирал мячи и хорошо взаимодействовал с пятеркой нападения. Он был корректен и умел приспособиться к любому противнику.

Иван Привалов, небольшой, быстрый и крепкий, легко и уверенно вступал в борьбу, и если отбирал мяч, то с удовольствием устремлялся вперед по флангу на чужие ворота. Природный левша, он владел отличным завершающим ударом, и потому его подключения в атаку всегда вносили смятение в оборону противника. Точно играл он и у собственных ворот, умел в критический момент отбить мяч, как заправский защитник.

Но чудо-полузащитник появился все-таки в столице.

Заслуженный мастер спорта Федор Ильич Селин родился в 1899 году и начал играть в футбол в Спортивном клубе Замоскворечья. Высокий (183 см) и сухощавый (76 кг), он с первых же своих выступлений привлек всеобщее внимание акробатической игрой. Его шпагаты, подкаты и ножницы вызывали бурные аплодисменты на всех европейских стадионах, где ему пришлось выступать. В игре головой он не знал себе равных. А ногами без особых усилий мог снять мяч со лба любого противника.

Селина обожали. Ему давали самые разнообразные прозвища: «Король воздуха» - за бесподобную игру головой, «Червонец» - за чудесный золотой цвет волос и другие. Всеобщую любовь Федор заслужил и потому, что был душевным, без всякого зазнайства человеком и великим футболистом. Когда Селин был в ударе, он мог один сдержать пятерку нападения (если она состояла из заурядных игроков).

Но при неукротимом темпераменте и дерзкой отваге Федор Ильич не умел распределить свои силы. В первые тридцать минут каждого тайма он, как ураган, появлялся во всех местах поля, где оказывался мяч. Похоже было, что он один надеялся сокрушить противника. Часто в критической ситуации он активным вмешательством содействовал решающему успеху своей команды, и тогда передышка выручала его. Но иногда враг сохранял в целостности и свои ворота и свое стремление к победе. Тогда Селину доставалась горькая доля - защищаться при израсходованных силах.

В 1926 году Селин перешел в московское «Динамо», где его талант окончательно оформился и окреп. Все крупнейшие победы динамовского, московского и всесоюзного футбола еще шесть лет после этого были связаны с блистательным именем Селина.

Добродушный и покладистый Федор перерождался на поле, он не знал компромиссов в борьбе.

Федор звал к победе личным примером, вспыхивал с первых минут. «Держись, Ильич завелся!» - кричали противники. И действительно, в экстазе, с горящим лицом, не прося пощады и не давая ее, золотоволосый Селин был великолепен, как Руслан в бою.

Кончалась игра, и независимо от результата он встречал нас своей детской улыбкой. Одинаково просто и мягко говорил каждому, кто особенно рьяно сражался с ним:

- Не обижайся, - и заглядывал в глаза: - Ты меня тоже не миловал. Ведь это игра...

На него никто никогда и не сетовал.

Федор не любил оставаться один. Его тянуло в толпу, в гущу событий, к молодежи.

Когда сборная Москвы приезжала в другие города, люди осведомлялись: «Федор приехал?» Фамилию не называли: в футболе был и есть только один Федор - Селин. Это высшая форма известности. Любой футбольный грамотей щеголяет тем, что знает: раз Павел - значит, Канунников, раз Михаил - значит, Бутусов, Лев - синоним Яшина. Совсем недавно бесфамильным было имя Игорь, все понимали - речь идет об Игоре Нетто.

Федор Ильич Селин - глава в истории советского футбола. Он не оставил наследников по стилю. Тому, что он умел, нельзя научиться. Таким можно только родиться. У нас принято сравнивать игроков прошлого с теми, кто блистает сейчас. Федора Селина обычно обходят: он просто несопоставим.

После Селина пост центрального полузащитника просуществовал только пять лет. И отличался здесь Андрей Старостин. В предыдущей главе я рассказал, как в матче с басками появился первый советский стопер, исчезла специальность центрхавбека.

Тяжела и солона была эта должность. Раньше футболисты, на каком бы месте они ни играли, получали иногда небольшие скидки в подготовке к играм. Все, но только не центр полузащиты, - становой хребет команды.

Поэтому я всегда тщательно следил, чтобы перед матчами Андрей копил силы. Он сам рекомендовал всем хорошенько высыпаться накануне игр, но за разговорами с друзьями забывал смотреть на часы. Зайдешь к нему около полуночи, а там - Юрий Олеша, Михаил Яншин, Николай Асеев и их друзья. Конечно, в таком обществе можно просидеть незаметно до утра.

Завтра на стадионе они будут горячо помогать нам с трибун и приветствовать любой успех Андрея. Но сегодня они не дают ему вовремя лечь спать и невольно готовят лучшему другу не аплодисменты, а свист.

Я сажусь и многозначительно молчу: не улыбаюсь на остроты, не задаю вопросов, хотя мне до смерти хочется узнать театральные и литературные новости, а друзьям Андрея - услышать прогнозы на завтрашний матч.

Михаил Михайлович догадывается, в чем дело.

- Николай Петрович, вы прямо как Станиславский, чтобы все минута в минуту. Неужели уходить?

Деликатный Юрий Карлович поднимается первым и берег под руку Асеева.

Друзья брата с явным сожалением начинают прощаться.

А что было делать? Один раз мы проиграли матч московскому «Динамо» в основном потому, что Андрею пришлось всю ночь работать. Полузащитников не зря сравнивали с машинным отделением команды, а центрхавбека - с главным двигателем; горючего в нем должно быть всегда с запасом.

Но, конечно, дружба Андрея с писателями, актерами, музыкантами самым положительным образом влияла на формирование его личности. Не футболом единым был жив мой брат. Он посвящал в футбольные тонкости своих друзей, а сам получал взамен из первоисточников куда более ценные дары.

Спорт, и в частности футбол, привлекающий внимание миллионов, давно получил политическое значение. Это хорошо понимают в каждой стране, и нам, футболистам, очень важно уметь достойно представлять свою Родину не только на стадионах, но и во встречах дипломатического характера.

Во время гастролей «Спартака» во Франции в 1936 году премьер-министр Эдуард Эррио пригласил нас на званый обед. Обед давали в старинном ресторане, массивном и темноватом. Уже после первых блюд мы поняли, что попали в заветное лоно французской кухни.

Я сидел рядом с господином премьер-министром - значит, под самым обстрелом официантов, которые беспрерывно меняли тарелки, подливали вино и подкладывали кушанья. Едок я расчетливый, всю жизнь тщательно слежу за своим весом, всегда выхожу из-за стола не до конца сытым. Но мой сосед, видимо, придерживался противоположных взглядов. Эррио ел так, что вгонял меня в трепет. Его громадная голова была склонена к тарелкам, и первые полчаса он настолько был поглощен едой, что не вел никаких разговоров. Как жезлом самодержца, он указывал вилкой на мой прибор, и официанты сейчас же

накладывали на очередную тарелку новое кушанье в размерах, соответствующих аппетиту хозяина. Я маленькими кусочками съедал примерно пятую часть того, что было на тарелке, надеясь таким образом выстоять до конца.

С восхищением следил я за соседом и непрерывно сигналил спартаковцам, предостерегая их от излишеств.

Наконец премьер-министр отвязал салфетку и бросил ее на стол. Он обвел нас всех веселым взглядом и начал речь.

Мы знали, что Эдуард Эррио блестящий оратор, и еще раз убедились в этом. Грудной раскатистый бас подкреплялся энергичной жестикуляцией правой руки. Каждый тезис заканчивался опусканием кулака на стол, словно премьер ставил массивную печать.

Он не торопился, ждал, когда закончит мысль переводчик, и еще уверенней продолжал. Речь была посвящена нашему приезду. Премьер-министр говорил, что спорт помогает сближению советского и французского народов. Он рад, что мы приехали во Францию, рад, что имеет возможность, пригласив нас, хоть в какой-то степени ответить на то гостеприимство, которое было оказано ему лично в Советском Союзе. Затем он высказался за расширение политических и экономических связей между Францией и Советским Союзом. Подчеркнул особое значение заключенного в ноябре 1932 года пакта о ненападении между этими странами.

Отвечать пришлось мне, а я еле дышал после всех съеденных блюд. Спасло искреннее восхищение прекрасной Францией и громогласное «физкульт-ура» в двадцать молодых голосов.

Бравый аккомпанемент особенно понравился дамам. Госпожа Эррио, веселая и приветливая, как большинство француженок, объявила, что открывает танцы в паре с «главным советским футболистом». Ее супруг учтиво пригласил жену советского консула. Я похолодел, когда понял, что попал в кавалеры к госпоже Эррио. Я не умел танцевать. В любом другом случае я бы отказался от танца, но здесь выхода не было. Кроме того, храбрость мне придавали вина, которые приходилось пригублять за столом из разнокалиберного хрусталя.

«En avant!» (Вперед!) - вспомнил я французский девиз и, расправив плечи, пригласил свою именитую даму.

Оркестр что-то громко играл. Силясь угадать, что же это, я сосредоточился на одном: не наступить партнерше на ногу. Секунды тянулись как часы. Мы пошли по второму кругу. В глазах госпожи Эррио я видел вначале удивление, потом замешательство и, наконец, смех.

Не знаю, насколько удалось мне напускной беспечностью прикрыть смущение, но конец этой муке настал. Я поблагодарил даму за доставленное удовольствие. Она благосклонно закивала. Подошел консул. Желая хоть как-то оправдать свою неловкость, я попросил его извиниться за меня и сказать, что я плохо танцую вальс-бостон.

- Ничего, месье, все шло отлично, - очаровательно улыбаясь, ответила госпожа Эррио. - Тем более что это был фокстрот.

Тогда я очень пожалел о том, что не умею танцевать. Одной тысячной доли усердия, вложенного в футбол, хватило бы, чтобы научиться и фокстроту, и бостону, и чарльстону.

Основные крайние хавбеки сборной Москвы Евгений Никишин и Станислав Леута долгие годы были вне конкуренции.

Никишин в игре был прообразом Игоря Нетто. Он отлично играл головой, безошибочно выбирал место, а в скорости не уступал такому признанному спринтеру футбола, как правый крайний Петр Григорьев из сборной Ленинграда. Своим нападающим играть с Никишиным было истинное удовольствие, настолько своевременны, мягки и точны были его передачи. Но было у него и слабое место: не владел Никишин завершающим ударом, сам он не представлял большой опасности для чужих ворот.

Станислав Леута, наоборот, мог с тридцати метров из самого трудного положения прицельно выстрелить по воротам. Тогдашние вратари невесело острили: не ноги, а пушки. И еще одним замечательным достоинством владел Леута - универсализмом: не было такого места в сборной, где бы этот талантливый спортсмен не заменял полноценно выбывших партнеров. Он играл как центр нападения вместо Петра Исакова и как крайний защитник вместо Александра Старостина. Выступал как инсайд вместо Василия Павлова и как правый крайний нападения вместо меня. Только в воротах он не стоял, не бросался по углам за мячами, но чужих вратарей заставлял это делать частенько, потому что был штатным пенальтистом и в сборной и в «Спартаке».

Обязаны Станиславу Леуте спартаковцы и за ту молодежь, которую он готовил себе на смену. Помню, как выручил «Спартак» его любимый ученик и дублер Алексей Сидоров. Это произошло в канун Дня физкультурника в 1936 году на Красной площади, где на следующее утро должен был выступать на параде «Спартак».

Мы доставили на площадь в разобранном виде громадный, невиданный еще в мире войлочный ковер размером около десяти тысяч квадратных метров.

Из кусков войлока предварительно, на стадионе «Ширяево поле» в Сокольниках, было сшито несколько десятков полос. Длина каждой из них равнялась ширине Красной площади. Закатанные в колбасы, полосы привезли к ГУМу и разместили вдоль тротуара. Предстояло составить из них сплошной ковер, обозначить на нем зеленой краской футбольное поле, черной - беговую дорожку, а секторы для прыжков и метаний окрасить под песок в желтый цвет.

За одну ночь, как в сказке о Василисе Премудрой, надо было сшить полосы, окрасить ковер и скатать в один вал к ГУМу. Кроме того, необходимо было научиться раскатывать его в считанные минуты так, чтобы не вышло осечки на глазах правительства и ста тысяч приглашенных. Перекосы и складки не только исказили бы общий вид спортивного ядра, но и мешали бы бегунам и футболистам во время соревнований.

По сценарию предполагались состязания легкоатлетов и футбольный матч высокого накала. Государственная комиссия выделила «Спартаку» целый час. Чтобы выступления прошли интересно, без спадов, в программу легкой атлетики включили только бег, а игру насытили эффектными голами.

Малейшая неточность грозила провалить весь тщательно продуманный план. Вот почему решили делать все руками самих спортсменов. Двадцать опытных шорников показали мастерам спорта, как надо орудовать иглой. Триста спартаковцев ночью накануне парада, вооружившись специальными шорными иглами, сшили раскатанные колбасы в один ковер.

Когда войлочные тюки привезли на площадь, туда вдруг приехал Александр Васильевич Косарев, секретарь ЦК ВЛКСМ. Я знал, что ему по душе пришлась наша затея с ковром, но сегодня мы его не ждали. Тут было что-то не так.

Вместе с Косаревым из машины вышли двое военных. Они начали внимательно изучать толщину войлока.

- Александр Васильевич, - сказал один, - эту игру на площади разрешать не следует. Спортсмены при падении могут покалечиться. Такой ковер от брусчатки не уберезет. В нем толщины всего сантиметр.

Второй кивнул в знак согласия со своим коллегой.

Я видел, что Косарев в затруднении, и решил вмешаться.

- Мы в Турции вообще на асфальте играли...

- Асфальт не брусчатка, - не дал мне договорить военный.

- Красная площадь не Турция, - свысока добавил второй.

Я пошел на отчаянный шаг.

- Зачем предполагать? Лучше испытаем.

Не давая опомниться оппонентам, подбежал к одному из тюков и стал его раскатывать вместе с подоспевшими на помощь спартаковцами. На глаза мне попался Алексей Сидоров. Не знаю, слышал ли он наш разговор, но понял, что я зову его не зря.

- Леша, - говорю я и многозначительно смотрю ему в глаза, - как думаешь, на этом ковре мы завтра не сломаемся? Сделай любезность, хлопнись на него разок как следует.

Гляжу, парень подпрыгнул от мостовой на метр, не меньше, и приземлился боком. Вскочил, взвился еще выше и хватать вторым боком. Встал легко, улыбнулся и говорит:

- Еще нужно?

Комиссары опешили. Да и я изумился. Клянусь, ни один цирковой артист не мог бы сделать все так ловко.

- Ну как... Не больно? - выдавил из себя один из военных.

- Да что вы, - отвечает Алексей, - совсем как на траве.

- Ясно. Все, оказывается, хорошо, - сказал Александр Васильевич. - Так и доложим.

И все трое, попрощавшись со мной и Сидоровым, уехали.

- Ну, Леша, ты орел. Сам не знаешь, как выручил. Вот счастье, что именно ты подвернулся, - бормотал я, только сейчас отдавая себе отчет, чем бы грозила «Спартаку» отмена выступлений.

На другой день под центральной аркой ГУМа, где была наша раздевалка, вижу, Сидоров перед выходом на матч просит у запасных игроков трусы подлиннее и ногу волочит. Смотрю, оба бедра у него припухли и синие.

- Леша, тебе нельзя играть, бегать не сумеешь, да и опять удариться можешь.

- Что вы, Николай Петрович. Сыграть в таком матче - мечта всей жизни. Ноги выдержат, да и сильно стукаться о камни сегодня ни к чему.

Я пожал ему руку и пошел с ним на Красную площадь.

Выступление «Спартака» прошло триумфально. В эстафетах легкоатлеты показали рекордное время. В футбольном матче голы забивали по-разному: с прорыва, с углового, с верхних подач головой, с пенальти. «Актеры» (основной и дублирующий составы) играли с большим подъемом. Я радовался, что все прошло без накладок.

А вечером на торжественном банкете среди самых почетных гостей сидел худощавый, симпатичный паренек, левый хавбек дублирующего состава Алексей Сидоров.

Хавбеков, заслуживающих лестного отзыва, было много в двадцатые-тридцатые годы. Но обмена опытом почти не проходило, и потому игроки южных городов заметно отличались от северян. Нужны были регулярные календарные соревнования, руководство из единого центра. До сих пор футбол на периферии развивался стихийно и зависел во многом от меценатов. Каждый из них помогал делу по-своему и своеобразно. Многие старались всей душой и... по-медвежьи гнули дуги. А бывало, что и должностные руководители разбирались в футболе по-дилетантски.

В 1938 году впервые был опубликован список 55 лучших футболистов страны. Только через десять лет возродили этот обычай. Ежегодно в конце сезона Федерация футбола СССР знакомит любителей спорта с 33 лучшими футболистами страны.

Кто же из полузащитников был назван в первый раз? На первые места были поставлены московские динамовцы Алексей Лапшин и Евгений Елисеев, в недавнем прошлом нападающие. Высокие, размашистые, с сильными дальними ударами, они вносили уверенный и хороший тон в игру московского «Динамо». Следом шли спартаковец Сергей Артемьев, младший из пяти братьев-футболистов, славившийся обводкой и уже тогда владевший той сменой ритма в беге, которую нынешние тренеры так высоко ценят.

Киевлянин Иван Кузьменко (отец чемпионки по теннису Валерии Кузьменко-Титовой) обладал неповторимым игровым почерком. Он не торопился на поле, делал все обстоятельно, прочно и корректно. Мяч он мог забивать почти с самого центра поля. Этого чудесного человека и спортсмена расстреляли фашисты вместе с другими киевскими динамовцами во время войны.

На третьем месте в списке 1938 года стоят Владимир Гребер и Валентин Федоров. Гребер, расчетливый, техничный и выносливый, был стабилен и надежен. Он не срывал овец, но думаю, что, существуя тогда нынешняя пятибалльная система, тренеры меньше четверки ему бы не ставили.

Федоров по натуре совсем другой. В протоколах против его фамилии сейчас стояли бы вперемешку пятерки и двойки. Он рано стал асом и действовал по принципу: «Беру огонь на себя». Старался успеть к мячу всюду и, овладев им, самостоятельно обыгрывал одного-двух противников. При удаче все получалось хорошо. Но капитану команды нужно было зорко следить, чтобы Валентин не заигрывался. Заядлый спортсмен, он готов был без оглядки сражаться с каждым, кто хоть раз его обвел или отнял мяч.

Постепенно полузащитники, титулованные в тридцать восьмом году, стали исчезать из списков лучших. Появились новые светила. Очень колоритным оказался Константин Малинин. Средний рост не мешал ему бесподобно играть головой и обладать ударом, «способным забивать гвозди», как шутили его одноклубники-спартаковцы. В игре Малинина все было ясно и просто, никаких хитростей, но зато он не делал никаких скидок и на объективные условия. «Играть так играть!» - вот девиз, под которым этот большой мастер прошел свой спортивный путь.

Интересным игроком был и Борис Орешкин из Ленинграда. Изворотливый и сильный, он одно время находился в такой отличной спортивной форме, что по праву входил в число лучших игроков. Но из-за отсутствия равноценных партнеров в команде «Электрика» ускорилось сползание его в ряды «средняков».

Уже тогда стали вырисовываться у хавбеков два направления. Одни тяготели к действиям в защите, других влекло вперед, во вторую линию атаки. Все чаще стали мелькать термины «полузащитник атакующий», «хавбек оборонный». К сороковым годам это разделение стало четким.

И все же хавбеки забивали мало мячей, потому что даже атакующий полузащитник считал своей святой обязанностью как можно чаще подыгрывать форвардам.

Во время войны стране было не до футбола. Умение защищаться и нападать очень пригодилось советским спортсменам на полях сражений. Они проходили новую для них науку.

В преддверии великой победы, в 1944 году, возобновились игры на Кубок СССР. Неожиданно обладателем его, обыграв в финале ЦДКА, стал ленинградский «Зенит». В 1945 году триумфально выступило в Англии московское «Динамо». В Европе поняли, что появился новый претендент на футбольный трон. «Они уверенно защищаются и тут же стремительно атакуют», - писала спортивная пресса Запада.

Эту тактику идеальной пружины, то сжимающейся для уплотнения тыла, то распрямляющейся для молниеносного нападения, осуществляли в основном полузащитники. У них появилось стремление активно атаковать чужие ворота. Объяснялось это тем, что каждый из них, прежде чем попасть на пост хавбека, много поиграл в линии нападения. Разве Константин Рязанцев и Виктор Панюков не были первоклассными инсайдами? А Вячеслав Соловьев не подвизался на правом краю? Разве с юношеских лет не было мечтой Олега Тимакова сыграть центрфорварда?

Только у знатоков в памяти остается многострадальное усердие хавбеков, но миллионы болельщиков по чужим воспоминаниям и газетным отчетам знают, что «Спартак» дважды выиграл Кубок СССР, в 1946 и 1947 годах, за счет тех решающих голов, которые в критические моменты забивал противникам головой в финальных играх полузащитник Олег Тимаков. Такие голы, подобно огненным вспышкам, освещают историю футбола. Они главная притягательная сила. Не случайно в 1967 году президент старейшего лондонского клуба «Арсенал» Денис Шилл Вуд предложил произвести реформу в календаре первенства, просуществовавшего без изменений более ста лет.

- Чемпионом должен быть тот, кто забьет больше голов, а не наберет больше очков, - провозгласил этот дальновидный знаток футбола. - Я не вижу других возможностей возродить интерес к игре и уничтожить массивированный бетон.

Смело, радикально и, главное, просто.

Не знаю, как это изменит тактику футбола, а полузащитники отсиживаться в обороне не будут. Атака станет прописной истиной для всех, кто избрет себе тяжелый крест играть хавбеков. Хотя, пожалуй, если это предложение будет принято, профессия полузащитника станет легче и заманчивее.

В начале пятидесятых годов в советском футболе появились два выдающихся полузащитника - Александр Петров и Игорь Нетто.

Первый попал в столицу из армейской команды в полном расцвете дарования, другому было только девятнадцать лет. Отсюда сроки их владычества: у первого - пять лет, у второго - пятнадцать.

В этом тандеме было все: быстрота, отточенная техника, темперамент, решающее влияние на ход игры. И наконец, поистине громадный диапазон действий. Кроме того, Петров был левшой и с левой ноги бил по чужим воротам нокаутирующим ударом.

После того как Александр Петров ушел, у Игоря Нетто в сборной появились другие талантливые напарники, но никогда у него уже не было столь замечательного партнера, как Александр Петров в годы его расцвета. Только ему уступал Нетто свое коронное место левого полузащитника в сборной, а сам передвигался на место правого хавбека, где играл с тем же блеском.

Тренировки и режим Нетто могут служить образцом для каждого. Все памятные годы своей блестящей карьеры он был и остается патриотом родного клуба «Спартак». Эту команду он восемь раз провел по кругу почета после пяти побед в чемпионате СССР и трех выигранных кубка. Причина его рекордного спортивного долголетия - высокая требовательность к себе. Нашу молодежь нужно воспитывать именно на таких примерах.

В футболе есть много приемов, чтобы обыграть соперника. Обычно от противника отрываются, выискивая пространство, где можно свободно распорядиться мячом. Но очень редко пустой участок поля можно найти на главном направлении. Основной проспект по центру поля всегда перекрыт вражеской обороной.

Поэтому атаки идут, как правило, окольными, а значит, более безопасными и легкими путями. Вот отчего мало забивают голов, вот почему болельщики так часто вспоминают блаженные дни выступлений Григория Федотова, Всеволода Боброва и Игоря Нетто.

Тактику большинства смело отвергали эти титаны. Не от противника, а на него. Не один на один, а вторжение с мячом в самую гущу чужой обороны, по самой прямой дороге к воротам. Вторжение неожиданное, дерзкое и потому успешное.

Много таких красивых мячей забил Игорь Нетто. Чаще всего это бывали решающие, особо весомые голы.

...Исчерпаны возможности нападения, бесплодны тонкие по замыслу передачи, неприступными кажутся чужие твердыни. И вдруг Игорь Нетто с мячом в ногах рвется на приступ в одиночку. Обогнан первый, обыгран второй, обманут третий. Взгляд на мяч и здесь же - на вратаря. Мгновение поймано. Удар. Гол!

После этого умиротворенный Игорь торжественно шел к центру поля. Взгляд его добрел, черты лица смягчались.

Игорь умел быть принципиальным и справедливым. У него обо всем - собственное мнение, в привязанностях - постоянство. К футболу он относился как подвижник. В искусстве и музыке тяготел к серьезному.

На вопрос о причинах проигрыша обычно кратко отвечал:

- Много браку допустили, - и замолкал. После драки махать кулаками не любил. Но к следующей игре энергию копил и друзей по команде взбадривал.

Вот почему за пятнадцать лет его капитанства в «Спартаке» команда, как правило, дважды подряд не проигрывала. В вопросах тактики Игорь придерживался взглядов трезвых и ясных. Фантазиями не обольщался. Предпочитал игру в «мелкий перезвон», как именовались быстрые и точные передачи. Но мог ударить и в «большой вечевой колокол» - один ворваться в чужую оборону и изящный почерк своего мастерства скрепить печатью решающего гола.

Популярностью Игорь Нетто пользовался не только в нашей стране. Везде, где знают футбол, было известно его имя. Это позволило спартаковцам в одной из зарубежных поездок близко познакомиться с корридой. Мы увидели бой быков, еще уцелевший в Испании, Мексике и некоторых южноамериканских странах.

В 1959 году команда мастеров московского «Спартака» играла в Южной Америке. В столице Колумбии - Боготе - перед одной из тренировок ко мне в номер зашли Масленкин и Корнеев и попросили взять на стадион знаменитого мексиканского тореадора, который настойчиво ищет знакомства с Игорем Нетто. У автобуса мне его представили. Антонио Лисарасо - так звали тореро - оказался высоким, отлично сложенным парнем лет двадцати пяти. Держится скромно, одет изысканно, со вкусом.

- Антонио, у вас от мяча бедра будут болеть. А свежие ноги вам нужней, чем боксеру, - говорю я ему.

Он отвечает:

- Ничего, я ведь и матадор и футболист с детства.

Вышли на поле. После разминки и тренировки разделились на двое ворот. Тореодор вызвался играть на левом краю и профессионально эти обязанности выполнял.

Интерес к бою быков после этого знакомства еще больше возрос. Коррида была назначена на воскресенье.

Всей командой мы разместились в почетной ложе для гостей. По радио сообщили - в цирке «Спартак». Нас дружно приветствуют десятки тысяч голосов, вчерашних посетителей стадиона. За пять минут до этого все громко требовали снизить цены на корриду (билет от трех долларов и выше). Известие о присутствии советских футболистов отвлекло публику от щекотливого вопроса.

Начинается коррида традиционно - торжественным парадом. Под звуки оркестра появляются в расшитых золотом костюмах, со шпагами в руках все матадоры, за ними бандерильеро и, наконец, пикадоры на лошадях. Они напоминают Дон-Кихота несуразностью одеяния и внешним видом лошадей, защищенных по крупу кожаными матрацами.

Зрелище, когда не утомленный еще бык атакует несчастную лошадь и, несмотря на кожаные щиты, наносит тяжелые раны, оказалось особенно тягостным. Уже тогда многие из наших ребят побледнели, а

кое-кто покинул ложу. Фонтан крови, хлынувший из быка вслед за вылетевшей, как пружина, шпагой, доконал прославленных бомбардиров кожаного мяча. Я тоже почувствовал головокружение, но усилием воли заставил себя остаться.

Появляется матадор на арене не сразу. Вначале быка, выпущенного из полутемного стойла, встречает пикадор - всадник, вооруженный копьем, которого сменяет тореадор с большой красной мулетой. Потом бык в исступлении гоняется за пешими бандерильеро. Их двое, и каждый должен всадить в шею животного две бандерильи - деревянных копьеца с металлическим наконечником.

Это очень опасно, разъяренный от боли и крови бык бьет рогами с остервенением. Только недюжинная ловкость и самообладание спасают смельчаков. Один из них на наших глазах взлетел на воздух. Подоспевшие тореадоры спасли ему жизнь, своими мулетами скрыв бандерильеро от глаз быка.

И вот, наконец, животное достаточно утомлено. Пора приступить к развязке. Под аплодисменты появляется матадор. На арене только он с маленькой мулетой и бык. Зрелище достигает апогея. Бык видит единственного врага и кидается на него. Начинается игра со смертью. Матадор в доли секунды успевает увернуться от рогов, отводя животное колебаниями мулеты. Он обязан проделывать это не спеша, изящно, грациозно и очень близко от рогов. Двадцать сантиметров встречаются шиканьем, а вот два - овациями.

Каждый матадор старается блеснуть каким-нибудь особенным приемом. Один ждет быка на коленях, другой становится к нему спиной в самый критический момент, третий медленно поворачивается около торчащих рогов. А зрители, среди которых добрая половина женщины, беснуются и кричат.

Наконец матадору выносят шпагу, и он получает разрешение от президента корриды разить быка. Подобно римскому консулу Сулле, тот опускает большой палец вниз. Матадор делает выпад, стараясь поразить быка в сердце. Животное стоит несколько секунд, затем начинает шататься и падает.

Арена грохочет. Появляется лошадь с лямками. Тушу захлестывают за задние ноги и увозят по песку. На нее стараются взгромоздиться наиболее экспансивные зрители, прыгающие вниз со своих мест.

Затем полиция наводит порядок, следы крови посыпают свежим песком. Пятиминутный антракт, и на арене следующий бык. Его ждет другой матадор.

Антонио Лисарасо выступил блестяще. Почти не двигаясь с места, пропускал он мимо бедра рога животного, весившего более 400 килограммов. Теперь редко кто из матадоров идет на такой риск. Мы с удивлением узнали, что по-настоящему крупный и тяжелый бык - непобедимый противник в схватке с человеком, вооруженным одной шпагой. Узнали мы и другие особенности корриды: если, например, матадор нанес два удара шпагой, а животное устояло, то оно спасено.

Попался среди шести животных, вышедших на арену, и умный бык. Он не захотел гнаться и равнодушно смотрел на красные мулеты, красные платья, шарфы и зонтики неистовавших зрителей. В конце концов его выгнали с арены и заменили другим.

Опустошенными уходили мы с корриды. Жгучий интерес был удовлетворен, а в душе родились протест и отвращение. Впрочем, о вкусах не спорят: не зря Джек Лондон описывает критически бой быков, а Эрнест Хемингуэй с восхищением.

Меня на вторую корриду не тянет. Мне страстно хочется, чтобы футбол переманил с гладиаторских арен на стадионы всех любителей боя быков. Чувства, вызванные корридой, не помешали нам дружески распрощаться с Антонио Лисарасо - мужественным человеком, зарабатывающим свой хлеб в спорте, уцелевшем от средних веков и, по-моему, доживающем свои последние годы. Ведь не случайно Игорь Нетто не смог досидеть до конца корриды, а сам знаменитый матадор так любит футбол. Примечательно - он знал все об Игоре, а спартаковец ничего не слышал о Лисарасо. Вместе с тем Нетто были известны все подробности о латино-американской футбольной звезде ди Стефано.

Да, коррида заставляет восхищаться отвагой человека, она воспитывает огромное мужество и ловкость. Но ради чего рискуют отважные матадоры? Разве их доблесть двигает вперед культуру, науку, технику? Наконец, что воспитывает коррида у зрителей?

Мужество, ловкость, железную выдержку проявляют и футболисты. Защитник Николай Тищенко в полуфинале Олимпийского турнира в Мельбурне играл против команды Болгарии со сломанной ключицей. Рука была прибинтована к телу. И выдержал этот матч до конца.

Не удивительно, что даже на родине корриды - в Испании - спортсмены в бутсах становятся более популярными, чем храбрецы с мулетой и шпагой. Кожаный мяч все больше отнимает зрителей у несчастных быков. Это закономерно. На знамени спорта начертано: «Равенство, благородство и братство». У корриды нет таких высоких девизов, она обречена.

По законам спорта появление выдающихся спортсменов всегда вызывает цепную реакцию: рядом обязательно возникают новые таланты. Так случилось в пятидесятых годах в футболе, когда за место правого полузащитника в сборной разгорелась упорная борьба. О левом речи нет. Здесь неприступно, как пик-восемьмитысячник, возвышался долгие годы Игорь Нетто.

Не раз я во время тренировок садился за сеткой ворот, спиной к полю, и на спор старался по звуку определить, кто из игроков нанес удар.

Прослушивалась целая симфония. То мяч при полете гудит, то издает свист, а то слегка подвывает. Разнохарактерны и звуки при соприкосновении мяча с ногой. Иногда это шлепок. Сразу догадываешься - удар нанесен внешней стороной ступни. Слышится легкий звон. Не сомневаюсь - это бьет с прямого подъема. Сила удара здесь такова, что воздух в мяче звенит. А вот мяч послан с пальцев. Четкий щелчок - и даже сетка шелестит по-особенному. Если знаешь, кто и как бьет, то шансов угадать бьющего много.

Юрия Воинова, в частности, распознать было легче других. Сначала звук треснувшего ореха, потом короткое жужжание мяча от сопротивления воздуха и, наконец, как бы вздох сетки. Говоришь оппоненту.

- Юрий!

Оглядываешься - он. Так чисто, сильно и аккуратно бил только этот полузащитник, связавший свое имя с командой киевского «Динамо». Воинов - уроженец Подмоскovie. Первые футбольные шаги он делал дома, в Подлипках. Затем - ленинградский «Зенит» и, наконец, столица Украины.

Игрок благородный, с достоинством. В душе пожар, а внешне сдержан. Сам в панику не впадал, суетно других презирал. Команда проигрывает - Юрий не хватается за голову, побеждает - радуется сдержанно, разве только чуть больше мяч в ногах потаскает.

Дебют Воинова в сборной состоялся в 1954 году в игре против венгров на московском стадионе «Динамо». Задача ему выпала сложнейшая: прикрыть Ференца Пушкаша, тогда мировую звезду. Новичок в грязь лицом не ударил. Счет 1:1. Пушкаш выглядел не ахти как. В отчетах говорили, что у Воинова еще оставались силы для атаки чужих ворот.

Было время, когда команда Киева, как дирижера, слушалась своего правого полузащитника. Специально наигрывали комбинации, чтобы вывести на заключительный удар своего капитана. И вот тогда зрители сначала слышали характерный звук треснувшего ореха и через мгновение видели мяч в воротах противника.

Сейчас атакующий правый хавбек Юрий Воинов - тренер. Он перестал играть сам тогда, когда это оказалось нужным. Поэтому для своих почитателей Юрий навсегда останется молодым.

После Воинова место правого хавбека прочно занял Валерий Воронин, полузащитник иного направления, которое возникло с переходом современного футбола к массовой обороне. Это не значит, что Валерий не умеет поддержать нападение и забить гол. Когда надо, он это делает превосходно. Но центр поля не его стихия. Он не челнок, непрерывно ткущий прочные связи для взятия чужих ворот своими нападающими.

Спортивные комментаторы и журналисты признали Валерия Воронина лучшим советским футболистом 1965 года. ФИФА включила его в состав сборной Европы в играх с Англией и Югославией. На восьмом чемпионате мира 1966 года он был единственным из советских футболистов, прошедшим в символическую сборную мира.

Несмотря на большую известность, Воронин скромно и покладист. Он умеет мобилизовать партнеров на отыгрыш, если дела плохи, и призвать не расслабляться, если все хорошо. И сам он прилежно и темпераментно трудится на поле для победы. Его техника не блещет виртуозностью, но зато обеспечивает прочную и убедительную игру.

Хорошо сложенный, отшлифованный спортом, Валерий подчеркнуто серьезен на поле. Его игра лишила привычной уверенности даже таких чародеев кожаного мяча, как португалец Эйсебио и венгр Альберт. В матчах советской сборной против Португалии и Венгрии на чемпионате мира в Англии Воронин опекал этих асов. Опекал по-новому, на некотором расстоянии, а не примитивно грудь в грудь. Он играл против лучших в мире бомбардиров с редким достоинством. Ни португалец, ни венгр не рисковали индивидуально действовать против Воронина. Он не только лишил их обычной активности, но и свел к минимуму диспетчерские обязанности своих противников.

Именно за эти игры торпедовец попал в элиту мирового футбола. Думается, что своей тактикой Валерий решил проблему красивой персональной опеки на поле.

Воронин - воспитанник московской футбольной школы. Семнадцатилетним юношей он был принят в команду «Торпедо», в которой бессменно выступает вот уже более десяти лет. Его верность команде помогла автозаводцам после ухода из их рядов в 1962 году шести игроков основного состава снова сцементировать коллектив, занять второе место в 1964 году, а в 1965 - добиться звания чемпиона. Жаль, что Валерий не избежал срывов. Были дни, когда звон футбольного мяча он менял на другую музыку. Дружеские руки вернули его на верную дорогу. Сильному на футбольном поле не положено проявлять слабости в жизни.

На год моложе Воронина украинец Йозеф Сабо. Это надежный полузащитник, отлично владеющий отбором мяча.

По национальности Сабо венгр, родился в Закарпатье, футболистом он стал в Ужгороде, а затем был приглашен в лучшую украинскую команду - киевское «Динамо».

- Наш лучший солдат, - говорят о нем тренеры. И Сабо всегда оправдывает это звание. На мировом чемпионате в Англии он заслужил самые похвальные отзывы прессы.

Большой запас сил, ярость в борьбе и скорострельный уверенный удар с правой ноги делали Йозефа опасным противником. Обычно Сабо любит припугнуть своего подопечного, предлагая ему физические поединки. Такой метод помог киевлянину восторжествовать в играх с Италией и Венгрией. В полуфинале против команды ФРГ фортуна изменила нашему полузащитнику. В одной из схваток с Францем Беккенбауером Йозеф неудачно пошел на таран. В борьбе за мяч нога немца оказалась предусмотрительно приподнятой, и вся сила удара нашего игрока попала в подошву чужой бутсы.

Те, кто играл, знают, что это такое: сразу вспухает подъем, обычно бывают повреждены и ахилловы сухожилия. Сабо с грехом пополам до конца игры дохромал, но из дальнейших соревнований чемпионата выбыл. Только через месяц начал Йозеф восстанавливать свою форму в киевской команде и внес свою лепту в ее победы 1966 года.

Интересна судьба другого киевлянина - Андрея Бибы. Долго он играл нападающего. Четкий удар и хорошая ориентировка создали ему славу настоящего дирижера на поле.

На эластичном шаге Биба возмещает отсутствие рывка быстрыми и точными передачами. Каждый сезон Андрей в своей команде киевского «Динамо» входил в тройку лучших бомбардиров. Частенько появлялся он в олимпийской сборной, но дотянуться до уровня лучших национальных игроков так и не сумел. При подготовке к первенству мира 1966 года Андрей снова оказался в сонме избранных, а испытания на агрессивность и выносливость так и не сдал. Просматривали его теперь уже по рангу полузащитников. Биба не обнаруживал особого тяготения к тому, чтобы отбирать мяч. Как правило, он охотнее старался предугадать направление чужой атаки, чтобы сыграть на перехватах. Старшему тренеру сборной Морозову такой тактикой Биба явно не угодил.

После мирового чемпионата в центре внимания снова оказалось всесоюзное первенство. И тут выяснилось, что киевские динамовцы, ведомые своим капитаном Андреем Бибой, далеко вырвались вперед, получили золотые медали, да еще и кубок в придачу.

Заслуги капитана в этом оказались настолько велики, что Андрею Бибе спортивные комментаторы советской прессы в конце года присвоили звание лучшего советского футболиста 1966 года. Так лучшим оказался игрок, не защищавший честь сборной в Англии.

Налицо грубая ошибка. Чья же?

Видно, надо сделать такой вывод: право на вкус - не право на диктатуру. Ум хорошо, а два лучше. Недаром тренерский совет федерации футбола определил 33 лучших 1966 года так, что среди первых одиннадцати оказались только шесть из тех, кто выступал за основной состав в Англии. Сдается, что правильнее всего сборную составлять коллективно, пользуясь советами ведущих игроков. Ведь теперь это люди с высшим образованием, искушенные в современной технике и тактике, прошедшие горнило мировых соревнований.

Даже в дублирующие составы команд мастеров не берут юношей без среднего образования. Большинство основных игроков либо учатся в вузах, либо окончили их. Тренеру есть на кого опереться, есть с кем посоветоваться, есть кому доверить.

...В течение двух лет, предшествовавших чемпионату, спартаковец Галимзян Хусаинов, вошедший в состав сборной, постепенно и незаметно переквалифицировался из крайнего нападающего в полузащитника. В новой роли он несколько матчей сыграл столь красиво и результативно, так оживил их тактически, что все признали его игру откровением.

Галимзян из славного племени маленьких гигантов. Алек Джеймс в Англии, аргентинец Сивори в Италии, Петр Дементьев, Владимир Степанов, Владимир Демин и Сергей Ильин в Советском Союзе - вот знаменитые футболисты, рост которых не достигал 165 сантиметров, а мастерство было огромным.

Широкоплечий Галимзян весит 64 килограмма при росте 163 сантиметра. Рельефный торс и крепкие ноги свидетельствуют о больших запасах силы и здоровья. В игре Галимзян неутомим. Когда-то в «Крыльях Советов» он играл правого инсайда и привык все девяносто минут непрерывно гоняться за мячом от своих до чужих ворот и обратно.

Сейчас он продельывает в сборной и в «Спартаке» тот же колоссальный путь, не жалеет энергии и сил, «нащелкивает на спидометре» те же километры, часто даже вопреки советам тренеров и собственным интересам. Но трудолюбие, как известно, дело беспрюирышное. На любом поле, при всякой погоде, в самых трудных игровых ситуациях Галимзян являет образец стойкости, бодрости, воли к победе. Эти чудесные качества делают его всеобщим любимцем. Даже противники, которых он столь часто ставит в трудное положение, не позволяют себе в игре против него запрещенных приемов. Покоренные вежливостью Галимзяна, они невольно отвечают ему тем же.

Когда Хусаинов обосновался в линии полузащиты, он был зачислен в новаторы, то есть в ряды тех, кто призван внезапно забивать голы, а затем снова ретироваться во вторую линию атаки.

Многие помнят сенсационный проигрыш итальянцев в 1963 году в Москве в игре на Кубок Европы. Советская сборная разбила тогда «Скуадра Адзурру» 2:0, и оба гола были подготовлены Хусаиновым. Галимзян неожиданно, из тылов, развил скорость, ополчился против высокого Мальдини (№2) и развенчал защитника, считавшегося лучшим на континенте.

В Англии триумфа не получилось. Три причины не позволили этому сверхдобросовестному спортсмену выступить на «отлично». Первая - он был явно утомлен физически; вторая - его тянули ко дну, как вериги, обязанности персонального опекуна, которых он раньше никогда не нес; третья - партнерами у него оказались игроки разностильные, найти общий язык с которыми он так и не сумел.

Обычно достаточно любого из этих трех условий, чтобы выбить игрока из колеи.

Матчи против венгров и немцев Галимзян провел неплохо, однако новых лавров в свой венок не вплел. Это обстоятельство охладило его желание окончательно стать полузащитником. Вернувшись в «Спартак», он попросился на свое коронное место на левом фланге нападения. Снова пришлось Хусаинову вникать в психологию нападающего, а вместе с тем восстанавливать кое-что из утраченных приемов бомбардира. Но не исключено, что он снова попробует силы в полузащите, потому что у него есть данные, удовлетворяющие новые требования к хавбекам: выносливость, быстрота, техника, длинный пас, неожиданный завершающий удар, точный учет времени.

Нет нужды добавлять, что от каждого полузащитника, претендующего на место в сборной, требуется больше, чем от других игроков, потому что хавбек должен уметь делать все. Правда, по канонам тактики он вроде бы не обязан забивать решающих голов и спасать свои ворота от серьезной опасности. Первое для него неизмеримо труднее, чем для нападающего, а второе куда менее доступно, чем защитнику. Но он - хавбек, и обязанности его всеобъемлющи. Может быть, именно поэтому блистательных вершин здесь добиваются немногие. Во всяком случае, знаменитые хавбеки - явление куда более редкое, чем знаменитые форварды.

Не красивый впечатляющий гол или эффектно ликвидированная опасность делают полузащитника популярным. Он завоевывает славу таким мастерством, которое в конце концов не может остаться незамеченным любым зрителем. Вот почему, как правило, полузащитники могут играть с успехом на любом месте в команде, а заменить их нападающим или защитником всегда крайне трудно. У одних не хватает на это мастерства, у других - выносливости, у третьих - умения отобрать мяч.

Полузащитников важно угадать и подготовить действительно лучших. Повторяю: сильные хавбеки - сильная команда.

5. НАПАДАЮЩИЕ

Первый шаг. Кульминация и смысл игры. Профессор. Собственные знаменитости. Семейные кланы. Чародей. Апостолы «дубль-ве». Григорий Федотов. Импровизатор. Художник. Форварды текущего десятилетия. Заключение.

Стучат и стучат колеса, отсчитывая километры. Теплая августовская ночь давно спустилась на землю. А мне не спится на жесткой вагонной лавке, послезавтра моя первая игра в составе сборной Москвы против непобедимого Петрограда. Разные мысли лезут в голову.

- Николай, почему не спите? - спрашивает Николай Александрович.

- Живот болит, - безбожно вру я. Признаться, что волнуюсь перед игрой, выше моих сил. Хочется выглядеть суровым мужчиной, таким футбольным волком в двадцать лет.

Гюбиев обеспокоен. Я его выдвигенец. Он усердно ратовал, чтобы именно меня включили в сборную вместо маститого Сергея Чеснокова. Он что-то бормочет себе под нос, копясь в чемодане, достает какие-то порошки и протягивает мне.

Припертый к стенке, я глотаю лекарство. За ложь следует наказание - через полчаса возмущенный желудок действительно начинает болеть. Что за лекарство подсунил мне Николай Александрович? Ведь он не врач, а заведующий отделом дамского платья в бывшем магазине Мюр и Мерилиз, первоклассный модельер.

Гюбиев - фанатик футбола, за заслуги в развитии футбола он был избран заместителем председателя Московской футбольной лиги. Он же общественный председатель Замоскворецкого клуба спорта, на содержание которого жертвует львиную долю своего заработка.

Красивый, всегда изысканно одетый, Гюбиев пользовался у футболистов особой популярностью. О нем рассказывали немало забавных историй. Особенно всех развлекала его экспансивность. Он знал, что на играх сотни глаз следят и за ним. Но когда его команда проигрывала, не мог сдержать чувств, случалось, швырял о землю карманные часы.

Кристалльной души человек, он верил всем футбольным выдумкам: о мифических переходах футболистов, о пристрастных судьях, о том, что соперники всячески хотят насолить ЗКС.

Жил он по соседству с катком Патриаршие пруды, где мы дневали и ночевали. Поэтому в доме у него всегда было полно гостей. Любил угощать чаем он и своих и чужих игроков. К чаю подавалось превосходное варенье, на которое была мастерица его жена Амалия Карловна.

Гюбиев был одним из тех горячих поклонников мяча, благодаря заботам которых рос и развивался столичный футбол. Сейчас Гюбиев вез сборную Москвы в Петроград, твердо веря в победу, хотя в нашем составе отсутствовали такие звезды, как вратарь Николай Соколов, защитник Василий Лапшин, полузащитник Павел Ноготков и сам Федор Селин. Не поехали они по разным причинам: Соколов получил травму, Лапшин был дисквалифицирован, а остальные двое не явились к поезду из солидарности, так как считали наказание несправедливым.

Отсутствие их расстроило отъезжающих. Гюбиев ходил между нами и громко всех убеждал, что питерцы не победят.

Долго еще мысли о предстоящем матче гнали от меня сон. Видно, и наш руководитель размышлял о том же. Он сидел, вооружившись карандашом, и что-то высчитывал. Я все-таки заснул, а когда раскрыл глаза, поезд подходил к перрону.

По доброй традиции вся петроградская сборная встречала нас на вокзале. Я с юношеского возраста знал столпов питерского футбола: Батырева, Бутусова, Григорьева, Гостева и других. Они с любопытством оглядывали наши ряды, находили всеобщего любимца Павла Канунникова, известных им Казимира Малахова и Константина Блинкова.

- А что, Федор не проснулся, что ли? - балагурит Павел Батырев.

- Евграфыч, верно, еще гимнастикой в вагоне занят? - вторит Петр Григорьев.

- Их нет, и это неважно, - как всегда без обиняков объявляет Гюбиев. Сделав жест рукой в нашу сторону, он добавляет так, чтобы мы слышали: - Москва сегодня опирается на молодежь.

Я гляжу во все глаза на петроградцев и думаю: неужели мы сумеем взломать знаменитую питерскую оборону?

Вокруг толпа болельщиков. Кто-то острит:

- А где здесь жертва Жоржа Филиппова?

Я краснею. Речь идет обо мне. Мне, правому краю, предстоит единоборство с прославленным левым хавбеком Петрограда. Я сразу узнал его по недоразвитой руке.

Футболисты обеих команд, подтрунивая друг над другом, идут через дорогу на завтрак в Знаменскую гостиницу. Настроение у хозяев отличное: еще бы, у москвичей явно не боевой состав.

Матч на стадионе «Унитас» сложился драматично. Вначале Петроград повел 2:0 и разгром молодой Москвы казался неизбежным. Но тут я прорвался по флангу, обошел всех знаменитостей и забил хозяевам первый гол, сделавший мне имя. Почувствовав уверенность, форварды Москвы Исаков и Прокофьев провели еще два гола. Петроградские болельщики приумолкли. С трибун слышался только задорный голос Гюбиева.

И вот тогда на помощь пришел местный судья. Пенальти. Но Батырев бьет мимо. Страсти разгораются. Из-за травмы покидает поле центрхавбек Андрей Лепорский, москвичи остаются вдесятером. В наши ворота попадают два мяча. В итоге проигрыш 3:4.

Разгневанный Гюбиев вбегает в судейскую комнату и резко заявляет:

- Так судить может только подлец!

За эту фразу, брошенную в запальчивости, Гюбиев потом был сурово наказан. Московская футбольная лига принесла официальное извинение за своего представителя, и Николая Александровича больше в Петроград уже никогда не посылали.

Я умышленно не называю фамилии судьи. Он жив-здоров и живет теперь в Москве. Прошло 45 лет, но мы оба помним этот матч. Как-то я показал ему свой альбом с отчетом об игре, напечатанном в Москве. Он улыбнулся. Через неделю привез мне пожелтевшие вырезки о том же матче из петроградских газет. День и ночь. В одном отчете - судья джентльмен и непогрешим; в другом - наглец и шулер. К моему удовольствию, в обеих газетах меня хвалили.

Обратно мы, дебютанты, уезжали в приподнятом настроении. Экзамен на зрелость был сдан. Провожая нас, противники, казавшиеся еще недавно недосыгаемыми, прощались уже с нами за руку как с равными.

Дома младшим братьям - Александру, Андрею и тринадцатилетнему Петру я подчеркнуто называл Батырева - Павлом, а Бутусова - Михаилом. Ребята смотрели мне в рот и готовы были говорить «вы».

- Жаль, что Москва была не вся. Никогда бы Питеру не отыграться, - с апломбом утверждал я.

* * *

Размышляя об играх, мы прежде всего вспоминаем их результат, то есть голы, а следовательно тех, кто их забивал. Это и понятно: мяч в воротах - кульминация и смысл игры. Голы и прославленные их творцы всегда памятны любителям футбола. И если в обороне главным справедливо считают вратаря, то в нападении - центрфорварда. Лидер, бомбардир, таран, танк - вот эпитеты, которыми награждают игроков под № 9.

Разрушать всегда легче, чем созидать. Когда приходится очень туго, защитник может выбить мяч куда угодно. Если он заставит нападающего двигаться чуть в сторону от ворот, то атака сразу потеряет остроту.

Куда сложнее задачи форвардов. Им нужно обыграть противника, не теряя контроля над мячом, и либо нанести завершающий удар, либо точно отпасовать партнеру.

Территория, на которой действует центральный нападающий, позволяет ему серьезно угрожать чужим воротам: именно отсюда наиболее удобно их обстреливать, ставить вратаря в самое трудное положение. Поэтому тренеры предпочитают сильнейшего нападающего держать в центре, чтобы использовать его для заключительных аккордов. Какими бы мастерами ни были крайние нападающие, они выходят на чужие ворота всегда под острым углом, а такие опасности вратари легко ликвидируют. Не случайно по забитым голам в лауреаты сезона почти всегда попадают «девятки». Отсюда и громкая популярность центрфорвардов: ведь именно эти игроки часто решают судьбу узловых встреч.

Особенно высока была роль центрального нападающего в годы господства систем «пять в линию» и «дубль-ве». Смена мест у нападающих тогда практиковалась редко, и игрок № 9 неизбежно занимал наиболее убойную позицию против чужих ворот. Он был дамкловым мечом, занесенным над вратарем противника. Правда, каждый из этих мечей разил по-своему, в зависимости от дарования, сложения и черт характера. Но, безусловно, игрок с девяткой на спине задавал тон всему нападению и во многом влиял на тактику команды.

В 1918 году я был свидетелем, как сборная Москвы со счетом 9:1 разгромила сборную Петрограда. Начал разгром центральный нападающий Михаил Денисов, послав первый мяч в сетку гостей с двадцати метров своим знаменитым шутотом с левой ноги. Этот первый поразивший мое юношеское воображение центрфорвард не был стратегом, или, как теперь говорят, диспетчером. Но все мячи, которые доставляли ему партнеры по нападению, он старался обязательно послать в чужие ворота. Он заражал своим энтузиазмом соседей, среди которых блистали в том матче инсайды Павел Канунников и Николай Троицкий и два отличных крайних из Орехова-Зуева - Алексей Шапошников и Вячеслав Перницкий.

Крупный, сажень в плечах, Денисов до сих пор, даже в 70 лет, вызывает у меня при встречах с ним чувство восхищения, похожее на то, которое я испытал много лет назад.

Очень похож на Денисова бойцовскими качествами был ленинградский центр нападения Модест Колотушкин - двухметровый гигант, гроза московских сборных и в футболе и в хоккее с мячом. У него не было поддержки с флангов, как у Денисова. Поэтому Колотушкин часто воевал в одиночку, действуя на чужой штрафной площадке, как танк. Глядя на этого красавца с длинными черными волосами, никто бы не подумал, что по профессии он музыкант, что вместе с братьями, бурно поддерживающими младшего с трибун, он составляет один из лучших струнных квартетов северной столицы.

В те времена все сходились во мнении, что заменить Денисова и Колотушкина могут только игроки с такими же физическими данными. Но новая звезда в центре нападения оказалась других размеров: среднего роста, крепкий и на редкость выносливый восемнадцатилетний нападающий Замоскворецкого клуба спорта Петр Исаков с первых шагов в футболе вызвал удивление своей расчетливой и техничной игрой. Он не родился с этими качествами, а приобрел их благодаря исключительному упорству и трудолюбию с мальчишеских лет.

Особенно расцвело мастерство этого игрока в команде «Красная Пресня». Здесь он с 1924 года возглавлял пятерку нападения - Н. Старостин, П. Артемьев, П. Исаков, П. Канунников и В. Прокофьев, - выступающую в полном составе за сборную Москвы и Советского Союза. Десять лет Исаков водил нас в бои, совершенно изменив наше представление о тактике центрфорварда.

Именно Исакову удалось создать схему «вогнутая дуга», при которой сам он играл несколько сзади своих четырех партнеров, снабжая их мячами и успевая к чужим воротам на заключительные аккорды комбинаций и атак. Природный талант аналитика, тонко чувствующего и предугадывающего игровые ситуации и смену событий, дополнялся у Исакова высокой техникой, отличными ударами с обеих ног и той своевременностью в передачах, которые обеспечили ему признание его знаменитых соратников: Селина, Батырева, Канунникова, Бутусова и других. Это они присвоили скромнейшему Петру Ефимовичу звание «профессор». Носил Исаков и еще одно почетное имя в нашем узком кругу, частенько звали мы его Маратом - за непримиримость к игрокам, много думающим о своей персоне и о собственных удовольствиях.

После того как Исаков оставил футбольное поле, он работал тренером в московском «Спартаке», воспитывал юных футболистов для команды, с которой связана была вся его жизнь. Умер он в 1961 году.

Как ни популярны были центрфорварды, все-таки не место центра нападения было в те годы особенно притягательным и модным. Каждый из молодых футболистов мечтал сыграть левого инсайда, вероятно потому, что на этом месте сверкал Павел Канунников из команды «Красная Пресня».

Павел был вторым по возрасту сыном в семье рабочего Александра Ивановича Канунникова - страстного любителя футбола, которых на Пресне всегда было много.

Я первый раз увидел Павла уже в расцвете его славы, хотя ему шел лишь двадцатый год. Он покорял зрителей разнообразием своего таланта. Быстрый, сильный и ловкий Канунников показывал такие финты и удары, которые и у теперешнего зрителя, много повидавшего и избалованного, вызвали бы восхищение. В игре с петроградской сборной в 1918 году, закончившейся ее разгромом, Павел четыре раза посылал мяч в чужие ворота. Правда, тогда была пора, благоприятная для форвардов. Против пяти нападающих действовали два защитника и три полузащитника. Никаких уплотненных оборон и персональных опеки изобретено еще не было. В этой ситуации Канунников благодаря своему техническому превосходству чувствовал себя как рыба в воде.

Великолепный дриблер, на могучих ногах, Павел умел в одиночку обыграть чужую защиту. Я иногда приходил к выводу, что самостоятельно забивать голы ему первое время было легче, чем учить уму-разуму соратников. Только когда мы повзрослели и летами и мастерством, он стал играть с нами коллективно. Любой левый крайний получал удовольствие от игры с ним. Ничуть не хуже участвовал Павел и в комбинациях центральной тройки.

В защитных действиях команды Павел, как большинство нападающих того времени, участия не принимал. Его стихией была атака, и возвращение на свою половину поля представлялось ему актом, подрывающим достоинство форварда. Такую же позицию через двадцать лет демонстрировал на поле Всеволод Бобров.

Долгое время Павел активно спортом зимой не занимался. С ноября по апрель он изредка хаживал на лыжах, копил энергию для футбольных баталий к маю. Естественно, вместе с энергией набирался и жирок. Поэтому, возможно, и случилась беда. Осенью 1927 года сборная Советского Союза возвращалась из зарубежного турне. В Риге в товарищеском матче Павел был сбит и неудачно упал на вытянутую руку. То, что выдерживали могучие ноги, оказалось не под силу плечевому суставу. Бандаж, операция в Германии, опять бандаж. Перетянутая ремнями грудь, затянутое в кожу плечо... И все-таки - эффектная игра до начала тридцатых годов.

Сейчас Павел Александрович Канунников - персональный пенсионер. Его голос часто слышится в спорах о футболе.

По-иному выглядел на поле другой большой мастер - ленинградец Михаил Бутусов. Горячий, стремительный, он бурно реагировал на все перипетии борьбы. У него была своеобразная техника: мяч послушно вертелся перед ним не только на земле, но и на метровой высоте. Подбросы, перекидки, игра грудью - всеми этими, тогда новыми, приемами он владел в совершенстве.

Прирожденный вожак, он беспрерывно находился в гуще футбольных и хоккейных сражений, носился по полю из конца в конец, раздавал замечания своим игрокам, чужим и даже судьям. Все было верно, остро, но малопривно. Бутусов не просил - он требовал, чутко улавливая малейшие изменения в стратегии игры. Он не удовлетворялся ролью аса, как это было у Канунникова. Михаил руководил игрой и звал партнеров к победе.

Бутусов не считал зазорным участвовать в обороне. Он был прообразом того нападающего, который нужен футболу сегодня. В 38 лет он выступал в сборной Ленинграда и забивал голы, обеспечившие его команде победы.

Казалось, так будет продолжаться долго. Ленинградец на редкость счастливо избежал повреждений. Но собственный вес его катастрофически рос, именно это приблизило закат его футбольной карьеры.

И все же этот футболист поставил рекорд долголетия: в линии нападения он проиграл с большим успехом двадцать лет.

В могучем ансамбле ленинградцев Бутусову принадлежала первая партия. Уход его сразу отразился на исполнительском уровне коллектива. Равноценной замены у ленинградцев не нашлось до сих пор.

В Москве правый инсайд был моложе. Петр Артемьев, воспитанный старшим братом Иваном, принес в футбол все замечательные черты характера своей семьи. Упорный и неутомимый, мужественный и до конца уверенный в собственных силах, этот нападающий был образцом для московской молодежи. В 1923 году он перешел на место правого полусреднего и блестяще справлялся со своей ролью в течение многих лет.

Природный левша, он владел неожиданным финтом внутрь поля и мог, выражаясь футбольным языком, «скрутить троих на «пяточке». За мелкий бисерный бег, очень напоминающий работу ногами велогонщика-спринтера, болельщики любовно звали его «велосипед».

Однако главной добродетелью моего друга, с которым я рядом проиграл десять лет, было полное отсутствие эгоизма. Он никогда не чурался черновой работы на поле, не думал только о своей персоне. Сделав самое сложное, он охотно предоставлял партнеру возможность воспользоваться его трудами. Своих партнеров на поле он всегда старался поддержать и ободрить, хотя характер у него был вспыльчивый и горячий. Мало того, вера в победу не покидала его даже в самых безнадежных положениях.

Были в те годы и другие способные инсайды - Александр Шпаковский в Харькове, Александр Штрауб в Одессе, Николай Троицкий и Владимир Блинков в Москве. Они не позволяли почить на лаврах ни Канунникову, ни Бутусову, несмотря на их талант.

Коренастый, рыжеватый, среднего роста харьковчанин Шпаковский играл по-кошачьи вкрадчиво, мягко, избегал физических столкновений, но умел всегда оказаться в нужном месте и успешно завершить самый сложный маневр.

Быстрая реакция и особая игровая смекалка позволяли ему неожиданно и хитро сбивать с толку чужую защиту. Он был очень приятным и терпеливым партнером, что я знаю по собственному опыту, так как часто вместе со Шпаковским составлял тогда правое крыло нападения советской сборной.

Харьковчанин отлично маневрировал по фронту и одинаково сильно играл на любом месте в центральной тройке, при необходимости он мог успешно заменять каждого в сыгранном трио двадцатых годов: Бутусов - Исаков - Канунников.

Иными достоинствами славился украинец Александр Штрауб из Одессы. Высокий, худощавый блондин, стремительный на поле, в повседневной жизни он был скромным, молчаливым и резко выделялся этим среди весельчаков и балагуров нашей сборной. Однако в игре Штрауб преображался. Он очень напоминал этим Селина. Глаза одессита загорались, он действовал с настоящим упоением, не обращая внимания даже на откровенные грубости защитников, когда те, отчаявшись его удержать, пускали в ход последнее средство.

Играл Штрауб в очень высоком темпе, много забивал голов. Несмотря на высокий рост, бежал мелко, хорошо срывался с места. По манере игры на него был очень похож московский динамовец Василий Карцев.

В своей команде «Канатчики» Александр Штрауб играл инсайда, в сборной он иногда с успехом выступал на правом краю, вытесняя Петра Григорьева или меня.

В начале двадцатых годов началась блестящая карьера правого инсайда сборной столицы новогиреевца Николая Троицкого. Она неожиданно была прервана из-за пожизненной дисквалификации за удар, который он нанес судье в раздевалке после окончания одного матча. Через несколько лет Троицкий был прощен, и это позволило ему сыграть один из последних своих матчей - за сборную Москвы против Украины в финале Первой спартакиады народов СССР 1928 года - и забить тот единственный гол, который принес столице звание чемпиона по футболу.

Владимир Блинков, умница и закоперщик, воспитанник ЗКС, сначала играл на левом краю в «Красной Пресне», потом ушел в команду «Серп и молот», а в 1928 году появился в центральной тройке сборной вместе с Исаковым и Троицким (Канунников и П. Артемьев были тогда серьезно травмированы).

Фанатик, подобно всем нам, Владимир Блинков был интереснейшим игроком. Поврежденная коленка заставляла его осторожничать в игре, а пыл страстного нападающего толкал на самые рискованные стычки. Его игра поэтому шла яркими вспышками.

Что-то львиное чудилось во внешнем облике этого широкоплечего блондина с крупными чертами лица и небольшими серыми глазами. Мгновенная реакция, с которой он бил по воротам или отдавал мяч, ставила его в ряды наиболее опасных противников и самых желательных партнеров.

Подобно своему старшему брату Константину, Володя непревзойденно владел ударом с носка. Заказывал себе специальные бутсы с широким тупым мысом. Многих вратарей заставляли врасплох его неожиданные тычки по мячу. Ударить по неподвижному мячу не так просто, но катящийся или прыгающий мяч поймать на мощный удар носком дело совсем трудное. Жаль, что этот прием забыли. В Вене, в игре против сборной рабочей команды Австрии, Блинков принес победу Москве именно таким непостижимым ударом с двадцати пяти метров в верхний угол ворот. Трибуны стадиона «Рapid» долго сотрясались от восторгов зрителей. «Это была визитная карточка советского футбола, - писала на другой день венская газета об ударе Блинкова, - того футбола, который мы увидели впервые, так же, пожалуй, как и впервые увидели удары, удавшиеся в матче Блинкову и в тренировке Рушинскому».

* * *

Все течет, все изменяется. Переменился и футбол. В целом - к лучшему, как и вся наша жизнь. Но кое-что не грех было бы ему занять и у прошлого.

Нет-нет да и спадет энтузиазм у молодых футболистов. Бывает, что и единства нет в команде. А без дружбы нет и успехов.

Жаль, что теперь стали редки братские, в прямом смысле слова, узы в командах.

На первенстве мира в 1966 году родные братья оказались только в сборной Англии - Джон и Роберт Чарльтоны, крепко цементирующие британский ансамбль.

У нас в группе «А» из всех девятнадцати команд лишь в одной - «Торпедо» Кутаиси - играли в 1966 году два родных брата - Гиви и Леван Нодия. По иронии судьбы они претендуют на одно и то же место в основном составе, то есть заменяют друг друга на левом краю нападения.

Тридцать-сорок лет назад семейных кланов было очень много. В клубе «Красная Пресня», помимо нас, Старостиных, подвизались четыре брата Канунниковых - Александр, Павел, Анатолий и Николай. Правда, старший к футболу был равнодушен, увлекался беговыми коньками и легкой атлетикой. Играли четверо Мошаровых - Иван, Павел, Федор и Александр; четверо Козловых - Борис, Александр, Виктор и Григорий Ивановичи. Младший, Григорий, чемпион страны по велосипеду, добрался и в футболе до первой команды. Этот квартет Козловых дополняли две пары других Козловых, тоже родных братьев: Александр и Алексей Васильевичи играли хавбеков, Алексей и Василий Ивановичи - известные вратари основного состава.

Однако рекордсменом среди футбольных семей были пять братьев Артемьевых - Иван, Петр, Тимофей, Георгий и Сергей, квартира которых у Пресненской заставы была в 1921 году подлинным штабом районного футбола.

Иван Тимофеевич, инициатор и главный организатор нашего клуба, фанатик футбола, выше всего ставил в спорте боевой дух. Он своим упорством и горением спаял всех нас воедино на долгие годы. И сейчас еще появление семидесятилетнего Ивана Тимофеевича Артемьева вызывает неподдельную радость у спартаковцев.

В 1923 году, когда «Красная Пресня» уже стояла на сильных ногах, Иван Тимофеевич принял самое деятельное участие в организации команды «Динамо».

Последним представителем этой славной семьи в большом советском футболе был известный полузащитник Виталий Артемьев («Локомотив») - сын Сергея, выступавшего в «Спартаке» до самой Отечественной войны.

Играли в наших пресненских командах еще и три брата Виноградовых - Виктор, Александр и Андрей, трое Гудовых - Филипп, Николай и Сергей.

Когда команда стала называться «Спартак», в ее рядах появились четверо братьев Степановых. Молва, привыкшая к семейным кланам в «Спартаке», пыталась превратить в братьев однофамильцев Соколовых - Виктора, Алексея, Василия и Бориса. К нам шли письма с вопросами - кто старше, кто моложе, и почему они не похожи внешне.

Через десять лет и у нас осталось из действующих футболистов только двое братьев-близнецов Борис и Евгений Майоровы. Теперь они известные хоккеисты.

Существовали в прежние годы семейные кланы и в других московских клубах. В рядах команды, именуемой сейчас «Торпедо», выступали защитники братья Андрей, Сергей и Василий Поляковы, а затем Георгий, Виктор и Василий Жарковы. В «Локомотиве» в нападении действовали Михаил, Иван и Серафим Загрядские.

Это я говорил только о больших семейных кланах, а в скольких командах было по два брата: Константин и Владимир Блинковы, Александр и Виктор Пономаревы, два вратаря Михаил и Сергей Леоновы. В замешательство приводили зрителей близнецы, заслуженные мастера спорта, Борис и Виталий Аркадьевы. Распознать их в жизни и на поле могли только самые близкие люди.

В Петрограде еще раньше чем в Москве многие клубы стали строить свое могущество на взаимопонимании и мастерстве братьев. В «Унитасе» все держалось на четырех Бутусовых - Кирилле, Василии, Михаиле и Павле. Старший заправлял клубом, Василий возглавлял нападение сборной России на Олимпиаде 1912 года в Стокгольме, о Михаиле мы уже говорили, а младший Павел впоследствии приобрел репутацию одного из самых азартных футболистов.

«Коломаги» были славны братьями Всеволодом, Петром и Георгием Филипповыми. Трое Шелагиных - Борис, Василий и Евгений - полтора десятка лет играли форвардов в команде «Зенит».

Чуть позднее город Ленина прогремел несравненными Петром и Николаем Дементьевыми. Немногие знают, что их старшие братья Иван и Александр тоже отменные футболисты. Тогда же подвизались там Константин и Владимир Лемешевы. Прославились на всю страну братья-харьковчане Владимир, Константин и Николай Фомины. В Одессе по праву гордились двумя Штраубами - Александром и Рудольфом. Да и в других городах старые болельщики обязательно назовут вам имена братьев, оставивших о себе память в местном футболе.

Но чаще всего это будут экскурсии в прошлое. Сейчас семейные футбольные созвездия редки. В столице после братьев Коршуновых Сергея и Анатолия нет в большом футболе семейных кланов. В Тбилиси последними были братья Александр и Сергей Котрикадзе.

В чем причины? Основная в том, что сейчас в футбол играют молодые люди, родившиеся во время войны, когда число детей в семьях значительно уменьшилось. А у тех, кто родился после войны, слишком обширен круг интересов и выбор увлечений. Теперь один из братьев играет в футбол, другой учится на актера, а третий увлекается литературой.

Не популярна у нас семейственность на службе, но в футболе она всегда была почетной и полезной. Хорошо бы постепенно опять завести советскому футболу семейные кланы!

* * *

Известный тренер и теоретик футбола Борис Андреевич Аркадьев считает самым трудным амплуа крайнего защитника. Я думаю, что фланговый нападающий не в лучшем положении. Во-первых, его действия ограничены боковой линией поля; во-вторых, крайний форвард больше других отрезан от партнеров; и, наконец, его местонахождение наименее опасно для чужих ворот. И все же без крепких флангов не может быть первоклассного ансамбля. Если у команды один из крайних плох или бездействует, она выглядит как птица с поврежденным крылом. Когда нет острых атак на флангах, матч обычно малоинтересен.

Крайние форварды всегда меньше участвовали в погонях за мячом, но компенсировали это резвостью, темпераментом и индивидуальным мастерством. Неудобство позиции заставляло их отрабатывать технику, а частые рейды с мячом вперед обязывали иметь высокую скорость.

Малотехничный, без отличного спринта футболист не может рассчитывать на место крайнего форварда. Такие игроки появляются на флангах только потому, что нет лучших. Их непригодность на эту роль видит почти каждый зритель. Но именно талантами на флангах всегда был славен советский футбол. Русскую тройку украшают лихие пристяжные, линию нападения - отменные крайние нападающие.

Лихими крайними форвардами были в сборной Москвы 1918 - 1922 годов Вячеслав Перницкий и Алексей Шапошников, оба из Орехова-Зуева. Перницкий скоро стал врачом и покинул футбольное поле, а Шапошников выступал до начала тридцатых годов. Игра его носила специфически фланговый характер, он никуда не смещался, но все, что попадало на левый край, использовал фундаментально. Левша, он безупречно владел мячом и всегда вовремя открывался на передачу вперед, знал, когда, куда и как направить мяч. Перницкий играл более стихийно. Но в целом это были превосходные крайние нападающие. Высокие, с размашистым шагом, владевшие тяжелым завершающим ударом, они достойно соперничали с другой парой крайних нападающих из города на Неве.

У петроградцев на правом краю в сборной играл Петр Григорьев, а на левом - Николай Гостев. Небольшие, быстрые, они следовали среднеевропейской манере игры, предпочитали прорываться к самым угловым флагам и оттуда безукоризненно навешивать мяч. Правда, в дальнейшем Григорьев изменил тактику и начал, срезая угол, выходить на ворота. Это позволило ему забить десятки решающих голов в крупнейших футбольных играх того времени.

Заслуженная слава о нем прокатилась по стране. Мало кто с такой стремительностью мог промчаться по краю и так удобно откатить мяч партнеру, а если нужно, то и нанести решающий удар, не теряя времени на подготовку и абсолютно не снижая скорости.

По названию модной тогда прически, которой щеголял Григорьев, этого превосходного парня, любимца трибун звали Капуль. В сборной Ленинграда он выступал до 35 лет, несмотря на поврежденное левое колено.

Григорьев вырос в коллективе большого завода и впитал в себя благородство рабочего человека. Петр не говорил длинных речей, не дипломатничал, не низкопоклонничал перед начальством. Своими поступками и нелицеприятным словом он снискал себе особое уважение сборной команды.

Никогда не забуду случая в игре, лучше всего раскрывающего внутренний мир этого спортсмена. Играли москвичи с ленинградцами. Чего греха таить - и раньше, и теперь среди защитников находятся любители припугнуть противника.

Рвется по краю Григорьев, а наш москвич раз его вдгонку по ногам, второй, а затем, вероятно, и третий. Грубость - оружие слабого, да, видно, и злость брала - уж очень ловок и быстроног оказывался ленинградец. И вот снова мяч у Петра: когда команда видит, что форвард играет удачно, его всегда усиленно нагружают. Опять правый край обыграл защитника и проскочил мимо с мячом. Тот снова в

отместку хватил победителя сзади по пяткам. Тогда Капуль вдруг на полном ходу остановился, наступил ногой на мяч и затем к всеобщему изумлению пошел от мяча к центру поля.

- Возьми его, если тебе он так нужен, что ты меня каждый раз по ногам хлещешь, - сказал он нашему защитнику. - Не драться же мне с ним на глазах у зрителей, а судья молчит, - разъяснил он подбежавшим ленинградцам.

Все мы были удивлены, а защитник просто подавлен и к мячу не прикоснулся. Подарок от Петра принять никто не решался. Наконец, судья дал свисток и неизвестно почему назначил спорный удар.

Много блестящих мячей забил Григорьев, погибший во время блокады в Ленинграде, а вспоминается он мне не после трескучего удара в чужие ворота, а когда оставил мяч у ног невежливого защитника москвичей.

Очень скоро у Григорьева вместо Гостева появился другой незаурядный партнер на левом фланге. Владимир Кусков перешел играть на край с места полусреднего и с первых же матчей доказал, что его призвание - фланг, а не центр поля. При среднем росте он обладал очень размашистым бегом, непринужденно владел мячом и бил с той силой, которая всегда гарантирует успех при широком шаге.

Сейчас заслуженный мастер спорта Владимир Кусков тренирует ленинградскую футбольную молодежь и принимает участие в разработке методических вопросов.

На футбольном небосклоне Москвы в двадцатых годах зажглись сразу две звезды. Это были Александр Холин из Спортивного клуба Замоскворечья и Валентин Прокофьев, приглашенный из Одессы (родился он в Николаеве). По-моему, это был первый игрок, пожаловавший в Москву с периферии.

Небольшой, очень крепенький Холин еще юношей вызывал удивление содержательной игрой и отлично поставленным ударом. В дальнейшем мастерство его окрепло, и Москва приобрела на редкость стабильного левого крайнего высокого класса. В течение нескольких лет он не знал конкурентов, бесценно выступал за сборную страны.

Но вот появился девятнадцатилетний Валентин Прокофьев. Представьте себе очень хорошо сложенного блондина с изумительным ударом левой, техничного, азартного и настолько быстрого, что при желании он мог бы в то время стать чемпионом страны в спринте. Однако у нового аса оказался очень неуравновешенный характер. То великолепная игра, если он серьезно к ней готовился, то провал. Наш коллектив несколько лет пытался воспитать из Прокофьева надежного игрока, но в конце концов вынужден был отступить. Не перевоспитали его и в московском «Динамо». Прокофьев уехал в Киев, затем побывал в Минске, Смоленске и закончил свою карьеру значительно раньше, чем положено спортсмену.

Москва долго вздыхала по этому одаренному нападающему. Забыли его только с появлением Сергея Ильина, невысокого крепыша из Коломны.

Ильин быстро овладел футбольным искусством. Он отлично бежал, превосходно бил, его техника не знала изъянов, а тактика крепла и совершенствовалась от сезона к сезону.

Восхищенные его игрой 2 января 1936 года на стадионе Парк де Пренс в Париже, зрители каждый самобытный финт и сальто нашего левого крайнего сопровождали криком: «Буль-буль» - так звали тогда лучшего циркового артиста Франции.

Но Сергей элементами акробатики только обогащал свою непревзойденную игру на левом фланге. Он был беззаветно предан футболу и потому удерживал боевую спортивную форму более пятнадцати лет в амплуа, где резвость и темперамент нужны как воздух.

«Край бежит у самой кромки поля, теснимый противником. Он ведет мяч как бы по горной тропе: справа - круча, трущая плечо, отжимающая к краю, слева - обрыв игры, аут. Ильин в совершенстве владеет искусством ведения, гонки мяча по самому краешку поля. Мяч движется в его мелькающих ногах по сложным орбитам, петляет, как бы ждет Ильина, снова уходит вперед, верткий и неуловимый для противника.

Потом, мастерски выведя мяч из лабиринта путаных его ходов, Ильин подводит, как формулу, как итог, мяч для удара с бега и вот - гол!!!»

Так не по-футбольному, но ярко писал о Сергее Сергеевиче Лев Кассиль в 1935 году. А ведь к этому сроку Ильин пропел только первый куплет той футбольной песни, которую он создал.

Как никто из крайних нападающих, он умел забить гол, и вместе с тем его передачи могли служить образцом точности и сметки. Вначале у него были грозные соперники в сборной, но затем он так резко пошел в гору, что долгие годы оставался вне конкуренции на левом краю советской дружины.

Последний раз я видел Сергея Сергеевича на футбольном поле в год его шестидесятилетия в составе команды ветеранов московского «Динамо». Он вышел на левый фланг защищать цвета родного клуба под бурные аплодисменты десятков тысяч зрителей. Его невысокая фигура раздалась и погрузнела. Но когда мяч попал ему в ноги, совершилось чудо. Славный ветеран вдруг подобрался и с прежним пылом рванулся вперед. Это была кратковременная, но поразительная вспышка. Те, кто любовался им раньше, узнали, те, кто только слышал, увидели прежнего Сергея Ильина...

В начале тридцатых годов демонстрировали свои способности талантливые крайние нападающие и в других городах Советского Союза.

Одесса восторгалась благородными манерами порывистого и мягкотехничного Михаила Малхасова. Его прозвали Цона. Малхасов играл один сезон в московской «Промкооперации» («Спартак»). Побывал он и в той команде Иванова-Вознесенска, куда был собран одно время весь цвет футбольной Украины. Но одесские болельщики вернули Цону обратно к Черному морю. Михаил ничуть не зазнался. Несмотря на огромную популярность, он оставался всегда таким же скромным, каким впервые я увидел его на Киевском вокзале в Москве.

Нерасторопный посланец нашего клуба не то опоздал к поезду из Одессы, не то просто проглядел Малхасова в толпе приезжих. Только к вечеру я узнал, что гостя не встретили. Тогда в сопровождении болельщиков я устремился на вокзал, Меня удивляло, почему Михаил сам не добрался до стадиона или до моей квартиры.

Я был наслышан о его скромности, но действительность превзошла молву. Вокзал был забит пассажирами. Мы раз-другой проскочили по его большим залам и уж готовы были уйти ни с чем, когда в уголке я увидел умильную картину: на небольшом чемодане, спиной к стене сидел любимец одесситов, а около него полулежала очаровательная девушка. Она спала, а он старательно следил за тем, чтобы свет не падал ей на глаза.

Мы вначале остановились, боясь нарушить эту идиллию. Потом мои спутники радостно загалдели, испугнув сон одесской феи.

- Миша, чего же ты тут сидишь? Или с другим поездом приехал? - спросил я, после того как он представил мне свою жену.

- Нет, мы приехали еще утром, но подумали, что неудобно не дожидаться. Ведь нам писали, что встретят. На лавках-то все с детьми, так мы пристроились на вещах.

«Вон он какой, этот витязь, этот правофланговый одесского футбола», - пронеслось в моем сознании.

Но откуда Цона? Что скрыто за этим словом, так любовно произносимым взамен имени? Оказывается, Михаил и сам не знал, почему болельщики подхватили и разнесли это прозвище.

Но беспричинные клички в общем-то редкость. Гоголь писал, что народ дает прозвища по заслугам и метко.

Анатолия Акимов долго на трибунах звали Фитиль за тонкую и длинную фигуру. Владимира Степанова - Болгар за южный, резкий профиль. Меня самого в первые годы «Пресни» окрестили Апень - за то, что я вбил себе в голову, будто страдаю аппендицитом. От болельщиков ничего не скроешь. Они прослышали, что я часто на тренировках хватаюсь за правый бок. Действительно, иногда там покалывало. Но я мучительно боялся не болей, а того, что операция оторвет меня от футбола и мое, такое непрочное вначале место в основном составе уплывет к конкурентам. К счастью, профессор Владимир Николаевич Розанов после пятиминутного осмотра, рассмеявшись, развеял мои опасения.

- Есть перед тренировками не следует, - назидательно добавил известный хирург.

И как велико значение авторитетного слова: я сразу забыл о болях. Но еще долго друзья подтрунивали надо мной, распевали частушки на мотив знаменитой тогда «Дуни» с припевом «Апень, апень, аппендицит». Я не обижался, смеялся вместе с ними, и кличка постепенно забылась.

Если прозвище не по душе, главное - не показывать виду, что тебя оно задевает. Иначе - пропал, имя к тебе прилипнет как приклеенное.

Один из руководителей клуба - Николай Митрофанович Иванов, известный конькобежец и бегун-стайер, так и остался в памяти у всех под прозвищем Чичиков. Интересно, что ненавистное Иванову прозвище гоголевского героя дал ему ближайший друг, левый крайний Валентин Прокофьев, назвав его так, когда Николай Митрофанович - тогда артист театра оперетты - появился на стадионе в котелке и лайковых перчатках. Бедный Митрофанович! Как он оскорблялся, когда за своей спиной вдруг слышал чей-нибудь дурацкий выкрик: «Чичиков!» Он мгновенно оборачивался, находил «преступника» и отводил его в

сторону. Следовало горячее объяснение, угрозы сжить со свету, выгнать из команды, отомстить... Виновник извинялся, обещал больше так не называть, а веселая компания футболистов, все это наблюдавшая издали, покатывалась со смеху. Почти десять лет, как заноза, мучила его самолюбие в общем-то малообидная кличка, но затем он поумнел, а его мучители повзрослели.

Куда хуже обстояли дела у тех игроков, кому доставались обидные псевдонимы: Кнопка - за вздернутый нос, Шампиньон - за мясистое лицо...

Все эти проказы молодости помогают нервной разрядке игроков. Люди с чувством юмора желательны всюду, от общения с ними выигрывает и футбол. Я особенно люблю остряков, с серьезной миной выкладывающих смешные истории. Таким был мой собрат по оружию, тоже правый крайний Сергей Копейка. Харьков гордился этим мастером спокойной, размеренной игры, основанной на отличном выборе места и хорошо поставленных ударах.

В Киеве много веселья вызывал небольшой крепыш Макар Гончаренко. Его отличительными чертами были быстрота, неутомимость и задорное стремление вперед. Этот любимец киевских трибун не раз забивал решающие голы в узловых встречах...

* * *

В разное время то одному, то другому клубу удавалось так подобрать нападающих в свои ансамбли, что игра их во многом определяла творческий почерк команды на целые десятилетия. Таким в середине тридцатых годов оказалось нападение московских динамовцев. Оно стало оплотом столицы во всех международных и междугородных матчах. Эту линию команды попеременно возглавляли славные динамовские игроки - Сергей Иванов, Василий Павлов и Михаил Якушин.

Инсайдом ярко атакующего стиля был Василий Павлов. Громкую славу он стяжал себе в Турции в 1932 году. «Королем голов» назвала его турецкая пресса: из девяти забитых советской командой мячей шесть на счету у Павлова. Возвратившись на родину, мы остановились в Одессе специально, чтобы сыграть со сборной города. И к перерыву проигрывали 0:2. Во втором тайме Павлов самоотверженно забивает три гола, спасая этой победой (3:2) наш престиж и мою репутацию капитана сборной. Ведь тренеров тогда еще не было и ответственность за проигрыш нес капитан.

Отличительной чертой Павлова было стремление выйти на чужие ворота и нанести завершающий удар. Делал он то и другое блестяще. Чуть выше среднего роста, похожий на испанца, Василий Сергеевич бежал как заправский спринтер, высоко поднимая колени, и бил с полного хода, особенно хлестко с левой ноги. Несколько сезонов он был лучшим бомбардиром в Москве, нагонял страх на наших извечных соперников ленинградцев и начинавших поднимать голову в футболе киевлян.

Труднее складывались его отношения с партнерами по клубу - склонность к индивидуальной игре и неприязненное отношение к оборонным обязанностям не совпадали с веянием новой тактики. Нужно было уметь и обслужить партнера и не чураться черновой работы, чтобы добыть мяч. Поэтому, видимо, Павлов несколько рано вышел из динамовской пятерки.

Сергей Иванов по своему дарованию был антиподом Павлова. Игрок ярко комбинационного стиля и превосходной техники, он во многом копировал Исакова, безупречно обслуживал своих партнеров, а когда нужно - держал мяч. Это не мешало ему лично забивать голы, умело подстраиваться к завершению комбинаций. Особой скоростью Иванов не обладал, и потому он довольно долго был подыгрывающим партнером Павлова.

Своему взлету в футболе Михаил Якушин обязан успехом в хоккее. Именно как выдающегося хоккейного центрфорварда заполучило его московское «Динамо» из команды совторгслужащих («Буревестник»). Огромное дарование обычно распространяется у спортсменов на все родственные виды спорта, и потому Якушин довольно скоро и в футболе достиг многого. Правда, скорость его и удар, следовательно, и результативность в хоккее были неизмеримо выше. Но зато в умении организовать атаку и использовать слабые стороны противника Якушин-футболист не уступал Якушину-хоккеисту.

Умел он и вдумчиво командовать на поле, требуя от партнеров точного и ясного выполнения их обязанностей. Эти качества делали его решающей фигурой в команде и позволили в дальнейшем стать одним из ведущих футбольных тренеров: шесть раз он обеспечивал московскому «Динамо» звание чемпиона СССР.

Ныне заслуженный мастер спорта Михаил Иосифович Якушин - тренер сборной команды СССР по футболу.

Игровая мощь московских инсайдов достигла зенита к середине тридцатых годов. А за три года до этого в Ленинграде появился полусредний нападающий, имя которого и теперь звучит почти легендарно. Я

говорю, конечно, о Петре Дементьеве, который в 1932 году восемнадцатилетним юношей стал играть в сборной Ленинграда.

Он неожиданно появился на поле во втором тайме матча Ленинград - Москва. Маленький и упругий, как литой резиновый мячик, Петр Дементьев с такой быстротой и ловкостью мелькал между именитыми защитниками столицы, что мы только ахали.

Его первое выступление привело в восторг ленинградских болельщиков и обеспечило их сборной почетную ничью 2:2. Москва в те годы считалась фаворитом.

Прошел всего один сезон, и Петра Дементьева уже знал весь Советский Союз. Матчи с его участием проходили при «битковых» сборах. Каждому не терпелось посмотреть, как этот маленький (163 см) чародей будет обыгрывать высоких и складных парней с громкими именами. И Петр Дементьев всегда оправдывал надежды своих почитателей.

Быстрота, мягкий пластичный бег, отточенная техника невольно бросались в глаза даже малоискушенному в футболе зрителю.

Мы, его однополчане по сборной, наблюдали и другое: редкую боевитость, работоспособность и тонкое чувство стратегии. Правда, его иногда нужно было удерживать от озорства. Оно появлялось от избытка сил, от азарта и желания щегольнуть филигранным мастерством.

Наш советский футбол дал плеяду блестящих форвардов небольшого роста - это Владимир Степанов, Владимир Демин, Борис Татушин, Галимзян Хусаинов. Но Петр Дементьев даже среди них занимает особое место по живописной легкости своей игры. Я два сезона играл рядом с ним в сборной и с большим удовольствием. В Петре жажда забить гол гармонично уживалась с желанием сыграть в последний момент на соседа. Мяч казался частью его ноги. Как юла проскакивал он с ним через строй противников и мягко выкладывал на завершающий удар кому-нибудь из нас, своих партнеров. Особенно часто такие подарки он преподносил своему напарнику Михаилу Бутусову, сразу оценившему незаурядные способности юного соратника.

Вырос Петр Тимофеевич в большой рабочей семье (шестеро детей). После школы ребята гоняли на пустыре самодельные футбольные мячи и до того наострились, что Петр и Николай (впоследствии тоже известный футболист), поручив защиту ворот кому попало, обыгрывали команду мальчишек, которая была в полном составе. Здесь, на пустыре, увидел Петра кто-то из специалистов и взял в ленинградское «Динамо». Следом за ним пришел сюда и Николай, в дальнейшем игравший в московском «Динамо», а после войны - в московском «Спартаке».

Иногда невольно спрашиваешь себя: почему Дементьевы немного играли вместе в одной команде, а затем на долгие годы обрекли себя на соперничество, выступая в разных городах и в разных клубах? Вероятно, дело в независимых характерах. Допускаю, что, кроме того, два таких первоклассных диспетчера - слишком большая роскошь для одной команды. Но, пройдя без малого двадцатилетний путь в большом футболе, братья сохранили уважение и горячую привязанность друг к другу, хотя и были соперниками на поле.

Удивительного в этом ничего нет. Спорт обладает чудесным свойством роднить не только братьев, но и чужих по крови людей. Азартно сражаясь друг с другом на поле, футболисты уже в раздевалках, как правило, друзья.

Сейчас оба брата - тренеры и, несмотря на пятьдесят с гаком, могут преподать урок техники любому из теперешних мастеров.

Николай Тимофеевич - веселый человек, бесстрашный на поле и в жизни. Поведали мне как-то ветераны футбола о проделке, что он выкинул, учась в Высшей школе тренеров. Я за бока взялся, ну, думаю, прикрасили запорожцы - футбольные рассказчики часто напоминают знаменитую репинскую компанию за письмом к турецкому султану. Решил проверить. Звоню Николаю Тимофеевичу. Осторожно расспрашиваю его об учебе и как бы невзначай об уроках анатомии: верно ли, говорю, что ты разок переполох наделал? Он смеется и подтверждает то, что я слышал. А суть дела такова.

Назначили всей группе урок анатомии в морге, прямо с утра. Пришел Николай Тимофеевич пораньше, он всегда так любил. Там оказался и Василий Жарков. На столе под простыней лежал подготовленный объект для препарирования. Анатом должен был на ноге трупа наглядно показать слушателям все мышцы, связанные с деятельностью футболиста.

И тут взбрело Дементьеву в голову посмешить своих однокашников. Все это были маститые волшебники кожаного мяча по стажу, зрелые по возрасту, но еще любившие всякие розыгрыши. Жар души раньше вкладывали в футбольные баталии, а теперь удаль их искала и находила выход всюду, где могла.

- Вася, я лягу рядом с этим отдавшим концы бедолагой, а ты закрой меня белой простыней. Пусть ребята нарвутся на живой труп, - предлагает Николай Тимофеевич и укладывается на стол. Жарков его послушно накрывает и, предвкушая удовольствие, отходит в сторону.

Через несколько минут помещение начинает наполняться. Весь курс налицо. Вот и преподаватель. Обстановка непривычная и чуть нервная, тем более что из-под одной простыни видна голая мертвая, покрытая волосами мужская нога, предназначенная для экспериментов.

Патологоанатом, как обычно, приглашает группу к столу. И вдруг все с ужасом увидели, что под соседней простыней зашевелилось. Кто-то вскрикнул, остальные от страха замерли. Преподаватель, стоявший к «труп» спиной, понял, что происходит неладное, и обернулся как раз в тот момент, когда Николай Тимофеевич под покрывалом сделал явную попытку встать. Вся ватага кинулась к выходу, а преподаватель недоуменно и растерянно смотрел на смеющееся лицо Дементьева, показавшееся из-под простыни. Затем он пулей вылетел из морга и помчался в директорат с жалобой на озорника... Все хототали до слез, упрекая друг друга в трусости и паникерстве. Герой всей сцены веселился больше всех.

Вся спортивная Москва неделю смаковала эту историю. Виновник отделался внушением. От большего спасло имя и возраст...

С 1936 года, как я уже говорил, начали проводить у нас в СССР чемпионаты страны по футболу. «Спартак» до войны выигрывал его трижды. Кто же из полусредних обеспечивал эти победы? Ими были заслуженные мастера спорта Владимир Степанов (раньше он играл в центре) и Алексей Соколов.

Быстрый, агрессивный, выносливый, Степанов уступал в дриблинге только такому виртуозу, как Петр Дементьев. Володя обладал свирепым ударом по воротам, а желание забивать голы было ненасытным. За умение взорваться на чужой штрафной площадке мы звали его «Граната». Несмотря на небольшой рост (165 см), он был великолепно сложен и охотно вступал в силовую борьбу за каждый мяч, что позволяло ему чаще других лидировать в списках лучших бомбардиров.

В матче «Спартак» - «Баскония» (1937 год, 6:2) именно Владимир Степанов провел в ворота испанцев три гола.

Вырос Степанов на Стромынке. Совсем рядом находился стадион Сокольнического клуба лыжников (СКЛ). После работы он подолгу наблюдал за тренировками своих заводских футболистов из команды «Геофизика». А затем вместе с братьями Николаем и Борисом часами повторял приемы, манеру и мельчайшие детали игры своих кумиров. «Тренировались» ребята на близлежащих пустырях. Так, к слову сказать, поступали и сотни их сверстников, живших в Сокольниках. Из них выросло новое пополнение для лучших команд района. У этих самоучек были и общие сильные стороны, и чисто районные недостатки. Чего не хватало, например, самому Владимиру Степанову? Желания обслужить партнера. Темпераментный и резкий, Степанов работал за двоих, но порой передерживал мяч и частенько один старался сделать то, что под силу только всей команде. Долгие годы Володя был оплотом «Спартака» на поле, а сейчас с той же энергией руководит футбольным клубом общества. Пятнадцать лет подряд его питомцы становились чемпионами столицы, и заслуженный мастер спорта Владимир Степанов получил звание заслуженного тренера СССР.

Алексей Соколов был апостолом системы «дубль-ве», идеальным инсайдом схемы, которая требовала почти невозможного - успевать защищать свои ворота и штурмовать чужие. И он это делал. Вряд ли кто мог сравниться с ним по боевитости и объему работы на поле. Он великолепно играл головой, как правило, выигрывал все силовые схватки, не знал, что такое компромисс. Это был спортсмен железного характера и несокрушимой воли.

Алексей Соколов пять раз участвовал в победных кубковых финалах. Первый раз он совершил круг почета с этим трофеем в составе команды «Локомотив» в 1936 году, затем четыре раза - в московском «Спартаке». Если к этому добавить две награды за выигрыш первенства страны, то Алексея Соколова по справедливости можно считать футболистом с редкими боевыми заслугами.

Сейчас Алексей Геннадиевич Соколов, несмотря на свои пятьдесят семь лет, по-молодому энергичен и подвижен. Он тренирует команды мастеров. Недавно я спросил его, приглашать ли в московский «Спартак» приглянувшегося мне молодого форварда из Подмосковья.

- Не советую, - как всегда пылко ответил ветеран. - Он не тот, кто нужен. На центре поля хорош, а в чужую штрафную носа не сунет.

- Почему?

- Бойтся, что ему там бо-бо сделают. Не приглашайте, Николай Петрович. Из таких толку не будет. С мячишком обращаться они понаторели, а голы забивать не приучены. Или смаку в этом не чувствуют, или

ножками рисковать побаиваются. Теперь таких нападающих наплодилось много. Не поймешь, кто он на поле, так, гибрид какой-то - и не форвард, и не хавбек. Вертится около мяча, вроде старается, хлопчет, но все до той точки, за которой горячо. Короче, футбольный фронт. А под футболкой, в душе, труслив и не патриот. Не берите...

И я, зная цену словам маститого спартаковца, подмосковную «звезду» не взял.

* * *

Законы системы «дубль-ве» отогнали инсайдов назад. Немного раньше в сборной Москвы стали играть впереди разные по стилю центральные нападающие - Василий Смирнов и Константин Щегодский («Торпедо»). Через год-два после отъезда Щегодского в Киев его место занимает в сборной спартаковец Виктор Семенов, физические возможности которого казались многообещающими.

Все эти яркие игроки отличались и своими достоинствами и своими недостатками.

Василий Смирнов - блестящий дриблер и бесстрашный боец, умел, подобно Степанову, завершать все острые атаки у ворот противника холодно и неумолимо. Отлично физически подготовленный, серпуховчанин довольно быстро сделал головокружительную карьеру, оказавшись на месте центрального нападающего в сборной страны, заменив Бутусова.

Щегодский тактически казался более гибким, но без ярко выраженного атакующего стиля Смирнова. Он иногда оказывался рядом с инсайдами и много маневрировал по фронту, часто забивая голы, однако не всегда его удары были сильными. Лучше, чем Степанов и Смирнов, он обслуживал партнеров, но уступал москвичам в мужестве и темпераменте: его можно было запугать, тогда как те сами держали защитников в страхе.

Центрфорвард Виктор Семенов, появившийся в конце тридцатых годов, перепробовал в свое время почти все виды спорта. Он прыгал в высоту на 175 сантиметров, пробежал 100 метров за 11,5 секунды. У него был пушечный удар с правой и левой ноги. Мячи, которые он посылал головой, были точны и сильны. Виктор все умел и, по-моему, все бы мог, если бы по-настоящему хотел. Однако упорство и желание посещали его реже, чем того требовал футбол и законы борьбы в нем. Виктор Семенов - инженер по образованию. Прекрасный человек, любимец нашего коллектива, вложивший немало кирпичей в фундамент спартаковской славы, он мог сделать еще больше, если бы обладал твердым характером и упорством.

Стиль игры этих «девятков» характеризовал стремление вперед, на штурм ворот противника. Вот почему так были нацелены вперед и крайние форварды предвоенного времени. Среди них были большие таланты. В «Спартаке» - Георгий Глазков, игравший справа, и Павел Корнилов на левом фланге. В «Металлурге» - Вадим Потапов, неудержимо рвавший полосы чужой обороны через правый фланг. У киевлян гремел Виктор Шиловский, в тбилисском «Динамо» - Гайоз Джеджелавя.

Крайние нападающие, условно говоря, были трех типов. В первую очередь нужно назвать очень резвых игроков. Их главным оружием была скорость, против которой защите было трудно находить средства обороны. Этим важным качеством в совершенстве владели Павел Корнилов и Вадим Потапов, друг от друга их отличала лишь степень боевитости. Они всегда искали хорошо подыгрывающих партнеров, которые давали бы им возможность в игре полностью использовать скоростной маневр. Когда такое содружество было налицо, эти спринтеры футбола не раз решали исход игры.

Совсем другое вооружение было у Георгия Глазкова и Гайоза Джеджелавы. Их опорой была высокая техника и тонкая тактика. Они действовали несколько обособленно, вынуждены были пользоваться дриблингом, причем в глубину поля чаще, чем вперед.

Третий тип крайних форвардов - это игроки, удачно совместившие лучшие качества нападающих первого и второго типа. Ни Григорию Федотову, ни Михаилу Семичастному, например, ни скорости, ни техники было не занимать. Оба блестяще играли головой, значит, одинаково любили и верхнюю и низовую игру. Правда, оба переменили позже свое амплуа. Федотов через год стал непревзойденным центром нападения, а Семичастный после войны отлично справлялся с обязанностями центрального защитника. И все же начали они свою деятельность на флангах, крайними форвардами, где и сейчас могут служить образцами.

После войны сразу же резко выделились своим мастерством Василий Трофимов («Динамо», Москва) и два армейца - Алексей Гринин и Владимир Демин. Именно они до пятидесятых годов с честью выступали на флангах за советскую сборную команду.

Гринин несколько раньше Демина начал выступать в большом футболе, и потому в его игре было много черт, унаследованных от лучших довоенных крайних нападающих. В его игре подкупала простота и

ясность. Подобно Святославу Игоревичу, он как бы сразу предупреждал противника: «Иду на вы». И действительно шел, не прибегая к хитростям и уловкам. Воспоминания об этом игроке живы и свежи до сих пор. Не случайно Юрий Никитич Бажанов в журнале «Спортивные игры» в 1965 году написал, что в условную футбольную команду мира он поставил бы Гринина тех лет, а не современного Гарринчу, если бы такой выбор был ему предоставлен.

Василий Трофимов придерживался в игре несколько другой концепции. Замыслы армейца были ясны, а динамовец их всячески маскировал. Первый всегда шел вперед, второй умышленно оттягивался назад. Дорога к воротам у Гринина всегда была прямой, Трофимов предпочитал тайные тропы. Первый сразу развивал предельную скорость, второй мастерски переключал передачи, то неожиданно снижая темп, то быстро уходя вперед. Кто был сильнее? Это трудно сказать. По-видимому, мастерство Трофимова больше соответствовало современному взгляду на футбол.

Владимир Демин, воспитанник «Спартака», стоял еще ближе к нынешним крайним нападающим. Маленький, подвижный, он был превосходным дриблером, тонко разбирался во всем, что делалось у чужих ворот. Большая работоспособность и отличный удар ставили его в один ряд с выдающимися представителями маленьких геркулесов в футболе.

Рядом с этими игроками ярко горели пять футбольных звезд, мастерство которых не превзойдено до наших дней. Речь снова идет о «девятках»: Григории Федотове, Константине Бескове, Борисе Пайчадзе, Александре Пономареве и блистательном Всеволоде Боброве.

* * *

Знаете ли вы, что такое банный футбольный день в Москве? Нет, вы этого не знаете.

Это форум мастеров футбола. Сюда, в Центральные или Сандуновские бани столицы, после календарных встреч стекаются игроки всех команд. И те, кто постоянно живет в столице, и те, кто проездом через Москву возвращается после матча домой.

Хотите узнать футбольные новости, оценки, мнения? Пожалуйста. Раздевалки полны футболистами и тренерами. В парной - все знаменитости, и здоровые и хромяющие. В поте лица трудятся массажисты. Никто не торопится, сегодня свободный день. Жара, густо настоенная на березовом листе, располагает к отдыху, к беседам. Футболисты расслабляют мышцы и души.

Вот тут-то я и услышал весной тридцать седьмого года первый раз о Григории Федотове от человека, понимающего толк в футболе.

Я добросовестно хлестал себя веником на верхней полке в Сандунах, когда сквозь пар разглядел Константина Блинкова. Через секунду Костя пристроился рядом на лавку. Его умное лицо радостно сияло. Он многозначительно поглядел на меня и поднял вверх большой палец - жест, до сих пор равнозначный высшей похвале.

- Ты о чем? - спросил я.

Мой друг прищурился и дважды торжественно произнес:

- Самородок! Самородок! Да еще какой...

- Кто?

- Коля, друг, найден игрок, каких еще Москва не видала. Этот малый из Ногинска утратил нос всем нашим атаманам. На первый взгляд видно, что игрок от господ бога. Фамилия Федотов. Словами не расскажешь. Приходи, увидишь. А когда увидишь, то спать не будешь, пока в «Спартак» не перетянешь. Я заметил его еще осенью, но, конечно, молчал, а сейчас он на левом краю «Металлурга» в Сочи чудеса творит...

И он довольно засмеялся своим тихим бархатистым смехом.

Не скрою, я взволновался. Я знал, что Блинков, который тогда шефствовал над «Металлургом», разбирается в игроках, и сразу поверил, что Федотов - звезда, которую проглядел наш «Спартак», третий год играющий без настоящего левого края. Я бросил веник и пристал к Косте с подробностями: как бежит, как бьет, как техника, как голова, как характер? А он хлестался с наслаждением веником, куражился слегка и все приглашал лично взглянуть на его самородка:

- Вот через недельку в Москве увидишь...

Через день-другой я успокоился: вероятно, Костя слегка прикрасил. Каждый из нас невольно возводит мечты в действительность, иной раз принимает желаемое за факты. Но достаточно мне было дней

через десять увидеть Григория Федотова в раздевалке стадиона «Локомотив», как я с первого же взгляда понял, что это незаурядный игрок. На тренировке он меня покори́л, после игры я им бредил.

Если спросить, кто лучший из лучших в советском футболе за пятьдесят лет, - многие ответят: Григорий Федотов.

Дебют провинциала в Москве ошеломил знатоков столичного футбола. Все подкупало в молодом форварде: пружинисто-припадающий бег, мощь, резвость, прыжок и завораживающая манера игры. Все говорило, что перед нами талант, Шаляпин в футболе.

И он давал концерт за концертом.

Все, что делал Григорий Федотов на поле, было ново, неожиданно, самобытно. Безукоризненная корректность сочеталась с пламенным стремлением вперед, джентльменство - с результативностью. Его выступления стали приманкой для зрителей. Идешь, бывало, на стадион и ждешь - что еще нового покажет этот игрок.

Чего, например, стоил первый гол непобедимым баскам, забитый им так, что и сейчас не верится! Мяч влетел в ворота с самой лицевой линии. Вот и верь после этого, что резаный удар «сухой лист» изобретен в пятидесятых годах в Бразилии. На двадцать лет раньше им уже владел Григорий Федотов.

На Антверпенской рабочей спартакиаде он обеспечил победу в турнире «Спартак». В решающей встрече с командой Барселоны Григорий одного за другим обвел всех испанских защитников и протолкнул мяч в сетку. Мы победили 2:1. Через несколько дней в Париже с его помощью был завоеван Кубок всемирной выставки.

«Этот виртуоз с лицом васнецовского Иванушки стал бы бесценным украшением для любой сильнейшей профессиональной команды мира», - писали о Федотове французские газеты.

В следующем, 1938 году Федотов был призван в армию и стал бессменным лидером команды ЦДКА. Под его водительством она пять раз за семь лет обретала золотые медали чемпиона. Здесь он первым опробовал и блестяще осуществил тактику блуждающего форварда, был неподражаемым бомбардиром в завершающих стадиях атак до 1950 года.

Многое видоизменил в советском футболе Григорий Федотов. Ни один тренер никогда так не двигал вперед класс нашего футбола, как этот рабочий парень из подмосковного текстильного городка.

В жизни футбольный герой был милым человеком. Он просто не придавал значения своей небывалой популярности. И позже, когда его имя стало в футболе нарицательным, Григорий Иванович оставался таким же простым, всегда мало говорил, больше слушал и мотал на ус. Ни тени высокомерия. Только чуть заметная усмешка выдавала его отношение к тем, кто разглагольствовал о футболе, мало соли в нем скушав.

За Федотовым ходили толпы разнородных почитателей, репортеры всех мастей пытались выведать у него рецепты его успехов. Он со всеми был вежлив, терпелив и по обыкновению скромн. Природный ум, так щедро помогавший ему разбираться в тончайших нюансах игры, оказывал ему такую же услугу в жизни.

Федотов прожил всего сорок один год. За месяц до внезапной кончины московские болельщики видели последний незабываемый федотовский гол. Он его забил в игре ветеранов в Лужниках. Мяч, посланный могучим ударом, влетел под верхнюю штангу.

Прошло время, и в армейской команде на том же месте центрального нападающего появился новый Федотов - сын знаменитого футболиста Владимир.

Володя с трех лет учился загонять мяч в ворота, которыми служили ножки обеденного стола. Потом начались занятия посерьезнее. К семи годам мальчик уже грамотно разбирался в тактике футбола. Пример был всегда перед глазами.

Владимиру пока что не хватает отцовской боевитости. Что ж, рос он в других условиях: ему не приходилось самому чинить бутсы, копить деньги на футболку, искать место, где бы поиграть. Борьба с трудностями закалила Федотова-старшего, выковала из него подлинного бойца на поле. Бойцовский характер воспитывает у Федотова-младшего славная армейская команда, да и сам футбол - мужественный вид спорта.

В годы царствования Григория Федотова вице-королем футбольных полей можно было с полным основанием назвать Константина Бескова. Он возглавлял нападение московского «Динамо» - единственную

команду, успешно противостоявшую коллективу ЦДКА и сумевшую трижды за футбольное десятилетие вырвать у армейцев почетное звание чемпиона.

Бесков был менее одарен от природы, чем Федотов, но его высокая футбольная образованность и культура позволили ему стоять в одном ряду с первыми из первых на футбольном Олимпе. Игра Бескова была построена на тонком расчете и блестящей технике. Там, где Федотов действовал интуитивно, Бесков беспрерывно изобретал. Где первый вдохновлял партнеров личным примером, второй учил и требовал исполнительности.

И товарищи по оружию у того и другого подобрались соответственно их характерам: отважный Гринин и вездесущий Николаев - в ЦДКА, хитроумный Сальников и неуловимый Трофимов - в «Динамо».

В этих футбольных ансамблях Федотов был гениальным дирижером, а Бесков, если хотите, главным концертмейстером. Ибо только точность и поистине симфоническая слаженность позволяли в те годы московскому «Динамо» противоборствовать силе и чисто суворовской стратегии армейских футболистов.

Бесков действовал на поле ювелирно. Он не прощал противнику ни технических, ни тактических ошибок. Малейшая возможность сейчас же использовалась им для передачи или внезапного, стремительного удара. Противник не мог предугадать, какой ход придумает Бесков, потому что оружие, которым он пользовался, было разнообразным и он умело маскировал свои намерения.

Сейчас Константин Бесков - один из ведущих советских тренеров. В его работе, как и раньше в игре, привлекают упорство и любовь к экспериментам.

Третий из этой славной пятерки центральных нападающих - Борис Пайчадзе («Динамо», Тбилиси) долгие годы не брал на себя бремя лидера и организатора на поле. Его талант проявлялся в безупречном завершении сложных комбинаций у чужих ворот. Быстрота, оригинальный дриблинг делали Пайчадзе грозным для любой защиты. Изящный и корректный, он вызывал невольные симпатии даже у своих персональных противников на поле. Невозможно было играть грубо против того подкупающего благородства, с которым действовал на поле этот молодой грузин. Вполне закономерно появился Пайчадзе в середине атакующей пятерки. Практически он целых три поколения возглавлял передовую линию тбилисского «Динамо». Ушли с футбольных полей по возрасту его первые партнеры, а Борис все водил и водил в атаку тбилисцев. Не один камень заложил он в тот фундамент, на котором выросло мастерство грузинских футболистов, позволившее тбилисскому «Динамо» в 1964 году завоевать звание чемпиона Советского Союза по футболу.

Александр Пономарев не обладал изобретательностью Бескова или изяществом Пайчадзе. Однако пробойная сила и способности вожака нередко поднимали его на самый гребень футбольной славы. Физически очень сильный, упорный, он непостижимым образом успевал завершать те самые атаки, которые возникали с его же участием. Тяжелый, достигающий цели удар позволил ему забить 148 голов в матчах на первенство СССР. Этот рекорд до сего времени не превзойден ни одним из форвардов нашей страны.

Удивляли простота и логика его действий на поле. Он открыто вызывал соперника на единоборство и обыгрывал его то за счет быстроты, то с помощью прочной и действенной техники, то просто в горячей силовой схватке. Бил он так, что штанга трещала. Но, конечно, не ломалась, как в легендах о таких ударах.

Прогрессирует техника, растет мастерство, и делается грамотней болельщик. Но есть еще люди, верящие в небывлицы. Правда, теперь уже никто не спрашивает при встречах:

- А верно, что вам было запрещено бить с правой ноги?

- Почему?!

- Боялись, что противника убить или изувечить можете...

Разъясняешь, что самый могучий удар мячом не опасен, если человек его ожидает, да еще когда он сам игрок.

Конечно, зазевавшегося у ворот мальчугана сильный удар мячом в голову может отправить в больницу с легким сотрясением, но я таких случаев не помню. Поплачет тихонько в сторонке такой неудачник, и на этом дело кончается.

Но вот совсем недавно на одном заводе меня попросили рассказать, как случилось, что после удара Осянина в Ленинграде в матче «Спартак» - «Зенит» рухнули футбольные ворота, и как правый крайний Борис Щибров тридцать лет назад сломал мячом штангу в игре с ЦДКА на стадионе в Сокольниках.

Оба эти случая действительно произошли. Да, в Ленинграде ворота рухнули, но не от удара. Осянин в восторге от забитого им гола влетел в ворота «Зенита» и повис на сетке. Скорость плюс масса... Такой нагрузки штанги не выдержали и рухнули, к счастью, не накрыв собою Осянина.

Недоступные вратарям мячи никак не могли крушить штанги сечением в 12 сантиметров. К тому же сейчас их делают из легкого металла.

Так же неправильно рассказывают и о событии 1936 года.

Тогда боковая опора ворот сломалась, но не от удара мяча в штангу, а от напора болельщиков. Толпа окружила ворота, и стоящие сзади так давили на передних, что те вынуждены были руками упираться в штанги. В конце концов ветхое дерево не выдержало и вместе с болельщиками повалилось в сетку. Ворота устояли потому, что боковые задние железные дуги были врыты в землю. Штангу тогда скрепили с помощью доски и веревок. Оставшиеся семь минут матча с грехом пополам доиграли. Значит, мяч не виноват. Он не приносит никогда вреда спортсменам, но зато многим на всю жизнь сохраняет здоровье и жизнерадостность.

* * *

Игрока расхваливает пресса, им восторгаются болельщики, к нему благоволит тренер. Но это еще не все. Вот если превозносят товарищи по команде, сами носящие громкие имена, тогда это действительно высшее признание.

...Завожу разговор о Боброве в кругу знаменитых ветеранов. Сразу оживление и воспоминания наперебой.

- Так мог только он!

- Помните могучую сборную Венгрии? У нас поджилки дрожали, когда мы вышли против них в Москве в 1952 году. Один Всеволод, как всегда, спокоен и уверен в себе. Нелегко нам было. При ничейном счете выскочил он один на один с вратарем, с самим Дьюлой Грошичем. Каждый из нас скорее бы пробил. Но Бобров для верности решил поймать венгра на ложный прием. Замахнулся в одну сторону, а мяч - в другую. Дока Грошич разгадал фокус и отразил удар. Любой дрогнул бы после неудачи, любой, но не Бобров. Он покрутил головой и стал еще больше нажимать. Видим, опять обходит защиту и снова перед Дьюлой. Замах левой - венгр не клюет. Второй замах правой, Грошич убежден, что угадал - и падает наперерез. Но нет: Всеволод вторично убирает мяч под себя, спокойно обводит беспомощно лежащего вратаря и шагом входит с мячом в ворота. Незабываемая картина! Умирать буду, вспомню...

Рассказчик замолкает. Молчим и мы. Каждый знает, чего стоит такой рискованный номер и кому он по силам.

И это не исключительный случай. В том же году на Олимпийских играх в Хельсинки Бобров снова сделал невозможное. В матче с югославами сборная проигрывала 1:5. Оставалось 20 минут до конца игры. Воодушевленная капитаном, наша команда пошла на взятие ворот югославов и добилась сенсационной ничьей 5:5. Такого еще в официальных международных встречах не бывало. В этой игре капитан команды Всеволод Бобров забил три гола.

А гол в матче ЦДКА - «Динамо» (Москва), который решил судьбу первенства в 1948 году? Армейцы выигрывали. Вдруг оплот обороны Иван Кочетков срезает мяч в свои ворота. Счет становится 2:2, ничья делает динамовцев чемпионами. Своими руками отдавали золотые медали главным конкурентам... В запасе считанные минуты. Для другого мало, но достаточно для Боброва. И вот победный мяч от его ноги - в сетке «Динамо»...

Из многих своих талантов Бобров довел до виртуозности умение забить гол. Жаль, что из большого футбола Всеволод Михайлович ушел раньше, чем следовало. Он был объектом номер один для персональной опеки. За ним почти неотступно следовали всегда два наиболее решительных защитника. В результате тяжелые травмы коленных суставов, и этот удивительный импровизатор в 31 год покинул зеленое поле, перешел на ледяное, где совершил еще больше спортивных подвигов. Утверждают, что шайба была послушна Боброву преданней, чем футбольный мяч.

Сейчас Всеволод Бобров - тренер, вдумчивый и творческий. По виду он мрачноват и малопокладист. Не любит иметь дело с дилетантами. На воспоминания скуп. Охотнее говорит о настоящем и будущем, чем о прошлом. Не часто бывает, когда высокого ранга игроки превращаются в тренеров не меньшего класса. А Бобров им стал.

Тренерские установки «зажать сильнейшего» немало способствовали тому, что в следующее десятилетие в советском футболе не появлялись центральные нападающие федотовско-бобровского

масштаба. Грубая практика стоперов отбила у новых «девяток» вкус к дриблингу и финту. В арсенале мастерства они остались у послевоенных инсайдов. Расскажу о двух заслуженных мастерах спорта.

Валентин Николаев в победном ансамбле армейской команды обслуживал четверку нападающих, давал ей возможность завершать атаки без предварительной погони за мячом. Высокий класс игры позволял Николаеву и самому вовремя поспеть на чужую штрафную. В памяти знатоков футбола немало эффектных голов, забитых Николаевым лично.

Сравнительно хрупкое сложение Василия Карцева не позволяло ему брать на себя такое бремя, которое по плечу было Николаеву. Как стрела, пущенная из лука, пронизывал он защиту, вкладывая в последний удар все, что давали ему быстрый бег и ловкость. Особенно хорош оказывался Карцев в контратаках. Именно в такой момент влетел от его ноги первый мяч в ворота лондонской команды в Англии в 1945 году.

Сейчас Карцев живет в Рязани. Он, конечно, бывает на футболе, но упорно отказывается от предложений работать тренером местной команды мастеров. Видно, не каждый футболист рвется в футбольные наставники.

Шли годы. Менялись чемпионы. Старели грозные бомбардиры, а заместители их вроде бы мельчали. К счастью, это не так. В конце пятидесятых годов с девятками на спине играли три очень талантливых игрока.

У спартаковца Никиты Симоняна долго не было равноценных конкурентов в национальной сборной. Взлет его одноклубника Николая Паршина был случайным. Так же недолго пробыли в сборной динамовцы Юрий Кузнецов и Аликпер Мамедов. Симонян же шесть лет достойно возглавлял линию нападения сборной команды. Природная быстрота, отличная техника и тонкая тактика делали его крайне опасным для любой команды мира. Но Симонян не терпел грубости и не был способен ответить опекуну по принципу «око за око». Это все знали, и этим пользовались. Теоретики жесткой игры задавали тон в турнирной практике, либерализм судей был на руку грубиянам. В этих тяжелых условиях Симонян сделал на редкость много. Его рекорд - 34 гола в одном сезоне - до сих пор у нас не превзойден. Победа в Олимпийском турнире в Мельбурне и четыре победы спартаковцев в первенстве страны тоже добыты при самом активном его участии. Техничный и деликатный, этот футболист очень импонировал зрителю своей умной, тонкой игрой.

До сего времени на трибунах болельщики строят самые невероятные гипотезы о том, какой звездой мог быть в советском футболе Эдуард Стрельцов, столь явно не справившийся со своей славой. В девятнадцать лет этот сильный парень, забив решающий гол, выбил болгарскую команду из полуфинала олимпийского турнира. В двадцать - завоевал себе европейскую славу в играх против шведов, окончившихся разгромом их национальной команды 7:0 и 7:2. В двадцать один год он был главной надеждой советской команды в играх на предстоящем первенстве мира 1958 года. Но за неделю до отъезда в Стокгольм его дисквалифицировали за тяжкий аморальный проступок.

Эдуард Стрельцов вернулся в большой футбол через семь лет. Вместо юноши перед зрителями предстал зрелый муж с пролысынами на висках.

Джек Лондон утверждал, что поверженный чемпион (в боксе) не возвращается на трон. Эдуард вопреки всем представлениям быстро вернул себе титул лучшего нападающего страны. На первенство мира в Англию Эдуард не попал, но позднее сыграл за сборную несколько встреч, окончившихся плачевно. И потускнел миф о том, что его присутствие в команде гарантирует успех.

Правда, в московском матче с «Интернационале» осенью 1966 года Стрельцов был лучшим на поле, оставив далеко позади таких прославленных форвардов, как итальянцы Маццола, Корсо и бразилец Жаир.

Сила, дарование, светлый футбольный ум есть у этого незаурядного игрока. Почитатели еще верят в него и ждут, что он снова ярко засверкает на футбольном небосклоне. Вопреки логике жду и я.

Тридцать лет - набат для нападающих, но звезды под общий ранжир не подходят. У них особые мерки.

В истории советского футбола еще не было случая, чтобы игрок из периферийной команды надолго захватил пост лидера в сборной. А Виктору Понедельнику, футболисту из армейской команды Ростова-на-Дону, удалось этого добиться.

Он счастливо сочетал мастерство бомбардира и организатора атак. На поле он выполнял небольшой объем работы, предпочитая всю энергию растрчивать на атаки чужих ворот. Пути выбирал самые короткие - через центр. На флангах появлялся редко, считая, что усталость - плохой помощник, когда забиваешь гол.

Крупная атлетическая фигура Виктора нравилась знатокам и зрителям, внушала надежды на сокрушительные возможности этого центрфорварда. Понедельник оправдывал их не раз. Вспомним хотя бы мяч, влетевший от его головы в сетку югославских ворот в добавочное время финального матча на Кубок Европы в 1960 году в Париже. Играл он головой превосходно. Тогда этот гол сделал советскую сборную обладателем почетного европейского приза.

Понедельнику было только 29 лет, когда он покинул футбольное поле. За два года до того он заметно прибавил в весе и снизил подвижность. К тому же весной 1965 года перенес операцию аппендицита. Это привело к потере места в сборной. В следующем году Понедельник перешел из Ростова в Москву в «Спартак». Нелады в нападении заставили руководство сборной вспомнить о прежнем лидере. Виктора снова включают в национальную команду, но вернуть прежнюю спортивную форму он не смог. Если бы Виктор нашел силы сделать это, советская сборная в Англии обрела бы грозного центрального нападающего.

Виктор Понедельник закончил педагогический институт и сейчас работает тренером в Ростове на заводе «Ростсельмаш».

Он был последней крупнокалиберной «девяткой», столь приятной для глаза. Ему было труднее ускользнуть из-под опеки стоперов, чем подвижным и юрким новым исполнителям тех же ролей в тандемах. Но зато Понедельника не нужно было страховать от грубой игры чужих защитников. Он сам - такая машина - внушал им почтение.

И все-таки техника и физическая прочность - вот идеал нападающего. Индивидуальная игра и командная тактика - вот его символ веры.

Полусредним номер один я считаю Сергея Сальникова. С его именем связаны представления о лучшей технике советского футбола, об эlegantности спартаковской школы игры.

«Сергей Сальников - лучший нападающий в мире», - писали итальянские газеты в 1957 году. Тогда спартаковец забил два гола в ворота чемпиона Италии клуба «Милан» в той ничьей (3:3), которую комментировала вся Европа.

А разве не от головы Сальникова влетел в ворота сборной Венгрии на стадионе московского «Динамо» в 1954 году мяч, который гости сквитали с трудом в самом конце встречи.

Всего на счету у Сальникова более ста голов в календарных встречах. Его сотый гол оказался и тысячным в активе московского «Спартака». Многие мячи были решающими, как и те два, что провел Сергей в пресловутой переигровке с киевским «Динамо», спасая своей команде звание чемпиона страны и обладателя «дубля».

Случилось так, что через двадцать лет после неправомерной переигровки с тбилисским «Динамо» родился новый урод - переигровка с динамовцами Киева.

Как известно, протесты на неправильное судейство не принимаются, даже если ошибка судьи зафиксирована кинолентой. Матч может быть переигран, если будет доказано, что арбитр допустил просчет в продолжительности встречи и это привело к изменению результата. Такой аргумент и выдвинули в 1958 году руководители киевской команды «Динамо».

Очередная календарная встреча «Спартак» - «Динамо» (Киев) проходила в Лужниках 15 августа и окончилась со счетом 3:2 в пользу москвичей. Отмену этой игры обосновывали тем, что на секундомере главного судьи при финальном свистке оказалось 45 минут 09 секунд. Перед этим, за 13-15 секунд до конца встречи, Симонян забил в ворота гостей третий, решающий гол. Затем мяч был доставлен на центр поля, последовал свисток на продолжение игры и тут же заключительная трель.

Киевляне в своем протесте ссылались только на просрочку времени, но оговаривались, что пригнать-де мяч от ворот до центра поля можно меньше чем за девять пресловутых секунд. Судьи же утверждали, что минимум двадцать секунд требуется на то, чтобы мяч, влетевший в ворота, был доставлен на центр поля и игроки заняли свои исходные места для начала игры.

Тщетны были попытки «Спартака» избавиться от незаслуженного дополнительного испытания. У нас сняли два очка за победу над киевским «Динамо», и теперь на счету «Спартака» осталось 30 очков и переигровка. Московское «Динамо» закончило сезон с капиталом в 31 очко. Если спартаковцы проигрывают украинцам, высокое звание чемпиона получают московские динамовцы (оно у них было в предшествующем сезоне). Ничья сулила переигровку за первое место между извечными соперниками - «Спартаком» и «Динамо» (Москва). И только победа передавала высокий титул спартаковцам.

Вот почему в памятный день 8 ноября 1958 года на трибунах в Лужниках негде было поставить ногу.

Команды вышли в боевых составах. «Динамо»: Макаров, Ерохин, Голубев, Онисько, Воинов, Феллов, Каневский, Сорокин, Голодец, Коман, Фомин (Диковец).

«Спартак»: Ивакин, Пармонов, Масленкин, Солдатов, Чистяков, Нетто, Мозер, Исаев, Симонян, Сальников и Ильин.

Судил переигровку Э. Саар.

По составу «Спартак» был представительней своих противников. Но за шесть дней до переигровки москвичи провели двадцатиминутную схватку с торпедовцами за Кубок СССР, и выиграли его. Перед этим в полуфинале тяжело одолели - 2:1 - московское «Динамо». Киевляне весь этот срок отдыхали.

Сокрушенно покачивали головами знатоки московского футбола: ведь «Спартаку» предстояло в третий раз подряд за одну осень одолеть украинцев. Игра с ними 6 октября в одной восьмой кубка в Киеве закончилась со счетом 4:0 в пользу москвичей.

И вот противники на поле. Гости жаждут реванша, их подстегивает крупный проигрыш в кубке, воодушевляет желание поддержать своих московских одноклубников. Те, волнуясь, сидят на трибунах и ждут, чтобы их серебряные медали превратились в золотые. Не менее боевито настроены и спартаковцы. Ведь они уже честно выиграли поединок с киевлянами, а их заставляют повторять игру.

Начальный успех выпал «Спартаку». Левый крайний Анатолий Ильин отлично подает с корнера, и Сергей Сальников мастерски головой укладывает первый мяч в чужую сетку. «Правда торжествует», - думаю я, а трибуны ураганно приветствуют «Спартак».

Все мы мало вспоминали бы об этой переигровке, сложись она гладко. Но в конце тайма наш центр защиты Масленкин эффектно обводит у своих ворот Голодца, а затем хочет повторить тот же фокус с Каневским. Киевлянин угадывает маневр, отбирает мяч и мгновенно отбрасывает Голодцу. Следует мощный удар, и Ивакин вынужден вынуть мяч из угла. Ничья, как известно, нас не устраивает.

Игру спасли сплоченность и воля игроков. Через десять минут после начала второго тайма положение стало критическим. Гости забили нам второй гол. Это сделал Михаил Коман, большой мастер использовать малейший просчет чужой обороны.

Киевляне продолжали теснить москвичей, ошеломленных вторым голом. Спартаковцы, взяв себя в руки, перешли на половину противника. Страсти накалялись, а стрелки громадного секундомера на электротабло сигналили московским игрокам, что дальнейшее промедление смерти подобно.

Лучший бомбардир того сезона Анатолий Ильин, забив свой девятнадцатый гол, в этой встрече спас от поражения «Спартак». Удар был нанесен внезапно правой ногой с двадцати метров против ворот. Мяч влетел в них с такой силой, что киевский вратарь Олег Макаров не успел шевельнуться. 2:2.

Дальше события разворачивались еще стремительнее. Спартаковцы всей командой хлынули на чужую половину, киевляне отпрянули назад спасать ничью.

На трибунах все повскакали с мест. Со мной пытаются согласовать для объявления по радио дату дополнительной встречи. Я нетерпеливо отмахиваюсь, на что-то надеюсь, хотя логичнее всего было ждать, что результат 2:2 сохранится до конца встречи.

Трудно забить гол, когда двадцать игроков мешают друг другу. И вдруг на 85-й минуте угловой у ворот гостей. Никто потом не мог объяснить, почему этот мяч пошел подавать Симонян. Вероятно, оказавшись ближе всех к углу, он, экономя секунды, решил не дожидаться «штатного» корнериста Ильина. Мяч сильным подрезанным ударом летит на уровне верхней штанги, в пяти метрах от нее, над вратарской площадкой. На перехват вскидываются головы десятка игроков и руки вратаря Макарова. Все мимо. Все, кроме Сальникова. Удар ногой, как плетью, не сальниковский удар, но победный.

Напрасно Макаров грохается на землю, мяч скачками минует его и останавливается только в дальнем углу ворот.

Зрители оглушительно кричат. Игроки в красных футболках обнимаются. Киевляне огорошены. Пять минут назад так ярко для них светило солнце, и вдруг разразилась гроза. Правда, впереди еще пять минут игры, но где взять волю и надежду? Они сломлены. И «Спартак» исчерпал до дна свою энергию.

Где-то по обочине поля странствует мяч. Его держат в ногах, но обострений нет ни с той, ни с другой стороны. Время тянут, к удивлению, оба противника.

Финальный свисток. Болельщики ликуют. Московские динамовцы разочарованно покидают трибуну.

Так тяжело «Спартак» взял свой третий дубль. Рекорд этот можно побить, но победа в двух драматических переигровках навсегда оставит «Спартак» уникальным победителем.

...Это была лебединая песня блистательного инсайда Сергея Сальникова. За четырнадцать лет до описанного события имя его прогремело в полуфинале и финале первого послевоенного Кубка СССР 1944 года. Тогда, выступая за ленинградский «Зенит», он забил в обоих матчах те голы, которые впервые дали возможность ленинградцам увезти кубок из Москвы.

Что выделяло этого мастера среди талантливых сверстников? Техника, где он не знал себе равных. Он отдавал ей ежедневно несколько часов. Отсюда чеканные удары ногами и головой, самые разнообразные передачи и откидки. Добавьте сюда мужество и футбольную мудрость.

Никогда не забуду, как в одной из решающих встреч с московским «Динамо», когда звание чемпиона зависело от этой игры, а счет все еще был ничейный, Сальников, как плавающий в небе ястреб, вдруг увидел уязвимое место в обороне противника. Туда сразу ринулись двое - он и Исаев. Мяч в ногах у Сальникова, перед ним один Борис Кузнецов (№ 4). Беспощадный динамовец двинулся на спартаковского инсайда, а он медлит с передачей Исаеву, хотя тот находится в выгоднейшем положении. В последнее мгновение последовал пас, и Исаев забил заветный гол.

После игры я спросил Сальникова, почему он так затянул передачу, ведь рисковал потерять мяч.

- Давать нужно было вперед, а не вправо, - сосредоточенно ответил Сергей. - Мяч следовало пустить мимо правой ноги Бориса. Я ждал того мгновения, когда его правая сделается опорной, неспособной оторваться от земли.

Я был поражен хладнокровием Сергея в столь критической ситуации.

Все было совершенно у этого игрока, но самообладание нет-нет да и покидало его. На грубость он мог ответить грубостью. Это знали, и этим пользовались. Сергей сожалел потом, что попался на провокацию, но было уже поздно: ни громкое имя, ни смягчающие вину обстоятельства не спасали от удалений с поля.

Сергей Сергеевич окончил факультет журналистики МГУ, неплохо владеет пером. Он пробовал удачно свои силы и как футбольный комментатор на радио и телевидении. Однако верх взяла страсть к мячу. Он - тренер московского «Спартака».

Второй инсайд «Спартака» тех времен Анатолий Исаев больше тяготел к передней линии атаки. Как правило, он оказывался в том квартете, который штурмовал чужие ворота. Однако бывали игры, когда Исаев отходил назад, и тогда расторопность его вызывала удивление.

После победы (3:0) над чемпионом Англии «Вулверхемптон» в Москве в 1956 году капитан этой команды, знаменитый Бил Райт сказал нам на другой день на прогулке по каналу:

- Меня поразила ваша «восьмерка» скоростью и выносливостью. - Англичанин развел руками. - Он сделал больше, чем любые двое из нас, - вполне серьезно закончил он.

В тот же год «Спартак» дважды - в Москве и Белграде - со счетом 2:1 обыграл чемпиона Югославии команду «Партизан». Все четыре гола в этих встречах провел в ворота югославов Анатолий Исаев.

Он отлично сыгрался с Борисом Татушиным (№ 7), составив с ним правое крыло нападения, которое на трибунах метко звали реактивным.

* * *

Всяких противников повидал «Спартак» за тридцать с лишним лет своего существования. Но с таким, как на острове Кипр, не встречался никогда.

Прилетели мы туда весной 1962 года, в самую благодатную пору. Весь остров - в пышной зелени, которую к августу солнце беспощадно выжигает.

Травяных полей на Кипре нет. В Никозии, столице острова, они земляные, но твердые, словно камень. А в городах Ларнака и Фамагуста и вовсе ровные, как столы, асфальтовые плацы с насыпанным сверху тонким слоем песка.

Играть на круглых шипах здесь невозможно. И хозяева подарили нам бутсы с мягкой каучуковой подошвой.

Неожиданно возник спор между столичными клубами «Апоэл» и «Олимпиакос»: обе команды претендовали на встречу со «Спартаком», а игра выпадала одна. Было принято соломоново решение - дать каждому из претендентов сыграть против нас по тайму.

Москвичи выигрывают первую половину 4:2 у голубого по цветам «Апоэла». После перерыва, к удовольствию зрителей, нашим противником становится желтый «Олимпиакос».

Приспособившись к грунту, спартаковцы забивают и ему четыре гола, но свои ворота на этот раз сохраняют сухими. В итоге 8 : 2 и тридцать противников, потому что киприоты в той и другой команде сделали четыре замены.

Спартаковцы, выигравшие к осени звание чемпиона СССР, в шутку заявляли, что их победу обеспечили весенние игры на острове Кипр. Ведь они воевали там с противником, втрое их превосходившим численно...

Юрий Кузнецов всего лишь на год старше Исаева, но куда дольше не хотел покидать футбольное поле. Он выступал в последние годы в бакинском «Нефтянике» и долго сохранял редкое умение обслужить партнеров, прекрасно выбирал место на поле. Если к этому добавить точный удар и тактическую сметку, станет ясным, почему «Нефтяник» так дорожил своим капитаном Юрием Кузнецовым.

Конечно, его игра из-за возраста уже не блистала ударом и мощностью, как несколько лет назад в московском «Динамо». Но думаю, руководство столичной команды не раз пожалело, что слишком рано отпустило Кузнецова назад в Баку. Мне он очень напоминал своими действиями неповторимого Петра Ефимовича Исакова. Та же глубокая оценка позиции, тот же безошибочный выбор средств и методов. С Кузнецова берут пример молодые форварды Баку.

А вот ажурная игра последнего из могучих инсайдов, бывшего капитана сборной СССР Валентина Иванова достойных последователей в Москве еще не нашла. Ветерану шел тридцать четвертый год, он сохранял свою природную быстроту и потому по-прежнему был неуловим для противника. Умение открыться у него удивительное. В дополнение к этому торпедовец техничен и смекалист. Он все время выискивал бреши в чужой обороне и как никто умел использовать каждый промах соперника.

Вот характерный пример. Встречаются московское «Торпедо» с горьковской «Волгой». Отлично игравшие горьковчане, казалось, уже добились желаемого очка, которое спасало их от перехода в нижнюю группу. Счет 0:0, до конца всего двадцать секунд, и мяч в ногах у защитника «Волги» Анатолия Лунина. Ударь он его в аут - и, пока доставали мяч и вбрасывали бы его руками, время истекло бы. Но Лунин решил сыграть «по-столичному», с помощью коротких передач партнерам. Иванов сразу распознал намерение горьковчанина. Москвич атаковал Лунина, отрезав возможность отдать мяч в левую сторону. Тот, правда, мог еще пробить в аут, но, не желая психологически уступить премьеру, повернулся и решил сыграть с вратарем. Расплата за пижонство последовала немедленно. Иванов молниеносно выскочил из-за спины Лунина и носком протолкнул мяч мимо покинувшего ворота голкипера.

Подобных хитростей у торпедовца было много. Но не только ими прославился Валентин Иванов. На его игровом счету двузначные цифры забитых голов, принесших лавры и его родному клубу и сборной команде страны.

* * *

Советская сборная выиграла Олимпийский турнир 1956 года в Мельбурне, а в 1960 году в Париже стала первым обладателем Кубка Европы. Дважды мы доходили до четвертьфиналов в первенстве мира, а в 1966 году оказались в полуфинале.

Во всех этих матчах успешно участвовали наши форварды, играющие на флангах. Анатолий Ильин (№ 11) забил «золотой гол» югославам в финале Мельбурнского турнира. Другим своим ударом два года спустя он заставил сборную Англии выйти из игры в четвертьфинале первенства мира, проводившегося в Швеции.

Ильин славился быстротой. Он был вершиной треугольника, который составляли с ним такие стратеги, как Нетто и Сальников. Это и облегчало положение Ильина, потому что он получал много готовых пласированных мячей, и усложняло: передачи от таких партнеров нельзя было не завершать. Ильин справлялся с этим успешно. Приз лучшего бомбардира сезона 1958 года, учрежденный газетой «Труд», украшает его письменный стол.

Борис Татушин (№ 7) играл в окружении партнеров, менее расположенных к диспетчерским обязанностям, и потому часто брал на себя роль зачинателя атаки. Его игра была эффектной и результативной. Он забивал меньше голов, чем Ильин, но больше участвовал в тактических комбинациях, которые создавали успех команде.

В 25 лет он был дисквалифицирован на три года, и ему уже не удалось восстановить свою работоспособность. Место правого крайнего в сборной занял Слава Метревели, достоинства которого многие считают еще более высокими. И правда, тбилисец быстр и техничен, лучше предшественников

играет головой и, пожалуй, мощнее бьет. Несмотря на возраст, он по-молодому азартен. В Англии, в последнем матче против Португалии, он буквально растрепал в клочья левое крыло чужой обороны. Жаль, что из-за травмы Метревели участвовал в английском чемпионате еще только в игре против Чили. Его появление на правом фланге значительно усилило команду. «Это настоящий чистокровный крайний. Они скоро исчезнут, как отжили инсайды», - думал я, сидя в ложе прессы.

Он последний из могикан, который может, находясь в ударе, в одиночку повергнуть любого противника. И все делает без заметных физических усилий, легко, изящно, как бы мимоходом. Как на крыльях, пронесется Метревели по полю, и кажется, заиграй он во всю мочь - и не найдется такой силы, которая могла бы задержать его на пути к чужим воротам. Такие игры бывали у Славы. Смотришь и диву даешься, какой вихрь выносит выше всех к верхнему мячу небольшого, сухощавого спортсмена. Отгадка в скорости. Долго в советском футболе быстрее всех был Слава Метревели.

На левом краю в сборной много играл Михаил Месхи. Иностранцы определяли его на это место и в условной сборной команды мира. И есть за что. Когда этот великолепный игрок в ударе, он вызывает у меня такое же восхищение, какое постоянно вызывал молодой Григорий Федотов.

Ювелирное мастерство Месхи нуждается в судейском покровительстве, потому что он истинный художник и, как всякая тонкая натура, не терпит грубости. Это считается его ахиллесовой пятой. Но недостаток ли это? Во-первых, он прав, а во-вторых, пора уже нам избавиться от защитников, пренебрегающих элементарной вежливостью. Многие из них, правда, понимают, что против них играет настоящая звезда, и берегут ноги этого талантливого дриблера. Исполняемые им финты производят фурор везде, даже в Южной Америке, где особенно развито это филигранное искусство.

Месхи артистичен, но при условии, что мяч попал к нему в ноги. Без мяча он маневрировать не любит. Чтобы выиграть дуэль, ему необходимо вначале остановить противника. Затем следует цепь обманных движений и мгновенный рывок с места. Если защитник настигает Михаила, он внезапно останавливается и резко уходит в другую сторону или снова демонстрирует финт и рывок. Такой калейдоскоп ловушек очень эффектен зрелищно, он приводит в восторг трибуны и сразу выбивает из седла приставленных опекунов.

Владеет он и высоким мастерством передачи мяча на любое расстояние и точного завершающего удара, отмеченным тонким индивидуальным почерком. Отсюда титул звезды и громкая популярность Месхи, особенно за рубежом, где он всегда играет с особым настроением. На родине его детально знают и специально стерегут. Месхи не переносит антифутбола. На грубость он, как правило, реагирует демонстративным отказом бороться. Может быть, поэтому так скромно описывает достоинства Месхи спортивная печать.

Совсем другой характер и воззрения на футбол у нашего современного правого крайнего в сборной, московского динамовца Игоря Численко.

Ему 27 лет. Небольшой, крепкий, на сильных ногах, он смело воюет за каждый мяч. Не жалуется, получая синяки, но и не прощает таковых. Численко индивидуалист. Его передачи партнеру - это чаще всего игра «в стенку» с расчетом на немедленный возврат мяча назад. Игорь долго играл центрального нападающего и был переведен на край в наказание за пренебрежение к коллективной игре. Сейчас, когда в моде индивидуалисты, акции Численко резко поднялись.

По натуре Игорь довольно ершист, и его отношения с тренерами не всегда безоблачны, отсюда большие интервалы в выступлениях за сборную. В своем клубе к нему привыкли и многое прощают. К отборочным играм последнего первенства мира его вообще не привлекали. О нем вспоминают обычно, когда где-то горит, и он всегда оправдывает надежды.

На последнем первенстве мира Численко снова оказался в сборной. Он забил единственный, победный гол сборной Италии и открыл счет в четвертьфинале с Венгрией. Однако в полуфинале с ФРГ привыкший к всепрощению Игорь в ответ на грубый прием защитника Шнеллингера неразумно бьет по ногам немца Хельда, и судья-итальянец удаляет москвича с поля. Оставшись вдесятером, советская сборная проигрывает матч.

Поступок Игоря испортил ему репутацию в глазах болельщиков. Можно полагать, что не надолго. Ведь сейчас Игорь в том возрасте, когда люди постигают уже житейскую мудрость, и он может исправить свои недостатки.

Хуже может сложиться судьба той единственной звезды, которую разыскали в юношеских командах накануне чемпионата мира в Англии. Появилась она в линии нападения, на самом нужном и дефицитном месте центрального нападающего, что особенно всех взбудоражило и обрадовало. Это Анатолий Банишевский. Ему двадцать два года, он родился в Баку. Рыжеватый, чуть выше среднего роста, молодой

футболист широк в плечах и тонок в талии. У него небольшие серые глаза и чуть прищуренный лукавый взгляд. Держится Банишевский подчеркнуто самостоятельно. Известность рано пришла к этому юноше, и в коллективе сборной он только вначале вел себя скромно.

Два года назад, когда Банишевский был выдвинут в основной состав команды мастеров «Нефтяника», столица Азербайджана связывала с его именем свои надежды на успехи в большом футболе. И юный центр нападения во многом помог своему клубу. В Анатолии подкупали свободное обращение с мячом и экономная простота в развитии наступления. Он умеет подстроиться к партнеру и одновременно сохранить свою индивидуальность. Молодой бакинец, таким образом, очень счастливо сочетает в себе умение организовать и завершить атаку, которое очень ценно в сегодняшней игре тандемов, где оба центральных нападающих должны действовать разнообразно.

Банишевскому еще не хватает опыта и умения всегда попадать в темп игры, отсюда у него срывы в некоторых выступлениях. После блестящих дебютов вдруг следует игра, в которой Анатолий то сбивается на подыгрыш, то, наоборот, старается сделать все самостоятельно. Здесь на помощь должны приходиться мудрые партнеры, но у Анатолия не всегда они оказываются, да он не всегда их и слушает.

Последние выступления Банишевского на чемпионате мира в Англии разочаровали его почитателей. Он выглядел там бледно. Гол, забитый головой корейцам, - вот весь актив Анатолия за те пять игр чемпионата, в которых он участвовал. По непонятным причинам бакинец вдруг утратил активность и умение забить гол. Видимо, он оробел, подавленный ответственностью и громкими именами противников. Анатолий молод, и дело было поправимо. Успешные выступления Банишевского в дальнейшем оправдывали такие надежды, но дисквалификация за аморальное поведение, возможно, навсегда выведет его из числа избранных.

«Театр - это прежде всего актер», - говорил К. С. Станиславский.

«Футбол - это игроки», - перефразирую я его.

Все новое в тактике, все открытия в технике совершали и будут совершать впредь футбольные звезды, которым суждено появляться то в тех, то в других странах.

«Средние» игроки способны бороться за очки и могут даже становиться чемпионами, но они не скажут нового слова в футболе и не вызовут ликования в душах людей, тонко понимающих игру.

«Команда гладко причесана и с галстуком, но это старомодный франт», - сказал один кинорежиссер после матча, где высколенные игроки исправно действовали в отведенных рамках. В игре таких ансамблей не бывает творческого горения, неожиданностей, взлетов и падений, которые неизбежны, когда рискуешь, ищешь, прокладываешь новые пути, опираясь на вдохновение и мастерство настоящих звезд.

В советском футболе в последние годы острый недостаток в звездах. Но это не значит, что их нет. Нужен только свежий ветер, который бы разогнал тучи, скрывающие новые созвездия.